

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ РОССИИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

Томъ I.

ПРЕДВѢСТНИКИ И ОСНОВНЫЯ ПРИЧИНЫ ДВИЖЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, № 39.

1909.

3386

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

ВЪ РОССИИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

Томъ I.

ПРЕДВѢСТНИКИ И ОСНОВНЫЯ ПРИЧИНЫ ДВИЖЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъячская, № 39.

1909.

Оглавление.

стр.

Отъ редакціи.

Экономическое состояніе страны и эволюція хозяйственныхъ отношеній.

П. П. МАСЛОВЪ. Развитіе земледѣлія и положеніе крестьянъ до начала XX вѣка	1
М. БАЛАБАНОВЪ. Промышленность Россіи въ началѣ XX вѣка.	
I. Итоги къ началу XX вѣка	39
II. Промышленный кризисъ начала XX вѣка	58
В. А. МУКОСЪЕВЪ. Торговля и кредитъ. (Процессъ образованія рынка и его положеніе передъ революціей).	
I. Внутренняя торговля	88
II. Внѣшняя торговля	130
III. Кредитъ	138
X М. БОГОЛѢПОВЪ. Государственное хозяйство и финансовая политика правительства	151

Движеніе общественныхъ классовъ и группъ. Политика. Идеологія.

X Д. КОЛЬЦОВЪ. Рабочіе въ 1890—1904 гг.	183
ВЛ. ГОРНЪ. Крестьянское движеніе до 1905 г.	230
Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Движеніе интеллигенціи. (До эпохи „довѣрія“ кн. Святополка-Мирскаго).	
1. Нѣсколько вступительныхъ замѣчаній	259
2. Студенческое движеніе въ 90-хъ годахъ	261
3. Движеніе земской интеллигенціи („третьяго элемента“) въ 90-хъ годахъ	268
4. Движеніе интеллигенціи въ 90-хъ годахъ въ его цѣломъ	272
5. Студенческое движеніе въ 1899 г.	273
6. Революціонныя выступленія студенчества и интеллигенціи въ началѣ 900-хъ годовъ	276
7. Оппозиціонныя выступленія интеллигенціи въ началѣ 900-хъ годовъ	284
В. ВЕСЕЛОВСКІЙ. Движеніе землевладѣльцевъ	291
А. ЕРМАНСКІЙ. Крупная буржуазія до 1905 года.	
I. Положеніе крупной буржуазіи	313
II. Давленіе промышленниковъ на правительственный механизмъ	317
III. Главнѣйшія черты дѣятельности крупной буржуазіи	322
IV. Отношеніе буржуазіи къ рабочимъ	328
V. Постоянныя организаціи промышленниковъ	332
VI. Всероссійскіе торговопромышленные съѣзды	341

	стр.
З. ЛЕНСКИЙ. Національное движеніе	349
А. ЕГОРОВЪ. Зарожденіе политическихъ партій и ихъ дѣятельность.	
I. „Народовольцы“, „Народн. Право“ и либерализмъ въ 90-хъ годахъ	372
II. Соціалъ-демократы въ 90-хъ гг.	375
III. Либеральная демократія	385
IV. Соціалъ-демократія въ періодъ 1900—1904 гг.	398
V. Революціонное народничество	414
Ф. ДАНИЛОВЪ. Общая политика правительства и государственный строй къ началу XX вѣка.	
I. Созданіе и упроченіе строя	422
II. Передъ ликвидаціей	446
М. НЕВЪДОМСКИЙ. Наша художественная литература предреволюціонной эпохи	483
А. ПОТРЕСОВЪ. Эволюція общественно-политической мысли въ предреволюціонную эпоху.	
I. Періодъ безнародности	538
II. Предварительная работа Группы Освобожденія Труда. Гегемонія марксизма	556
III. Отъ марксизма къ идеализму. Возрожденіе революц. народничества. Революціонный марксизмъ	584
IV. Періодъ партійной политики	607

И т о г и.

П. П. МАСЛОВЪ. Развѣтіе народнаго хозяйства и вліяніе его на борьбу классовъ въ XIX вѣкѣ	643
Л. М. Итоги политическаго развѣтія	663

Въ статьѣ Ф. Данилова просимъ исправить слѣдующія опечатки:

Стран.	Строка.	Напечатано.	Нужно.
426	13 снизу	всему	всякому
427	20 „	наши	нити
428	21 сверху	осторожнѣе	осторожнѣе“
„	23 „	вносить	„вносить
429	21 снизу	раздробленные	раздробительныя
432	14 „	1886	1866
441	12 сверху	Дворянскій	учрежденъ Дворянскій
445	15 снизу	незамѣченные	незамѣченныя
446	21-22 „	подавляемаго	подавляемую

Эволюція общественно-политической мысли въ предреволюционную эпоху ¹⁾.

1. Періодъ безнародности.

На рубежѣ двухъ десятилѣтій—80-хъ и 90-хъ годовъ—береть свое начало то общественное броженіе, которое, непрерывно нарастая и усложняясь въ продолженіи ряда лѣтъ, разрѣшилось, наконецъ, катастрофой 1905 г. Естественно, что на той же грани лѣтъ приходится искать и истока для тѣхъ идейныхъ теченій, видимо-капризная смѣна которыхъ придавала характерное выраженіе всей предреволюционной эпохѣ...

Немногихъ мѣсяцевъ не дожилъ Шелгуновъ до рѣшительнаго перелома въ настроеніи широкихъ общественныхъ круговъ, т. е. до той встряски, которую принесло съ собой народное бѣдствіе 1891 года, однако, онъ все же успѣлъ констатировать начало конца. Начало конца тому умонастроенію, которое было господствующимъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ волна 70-хъ годовъ разбилась о скалу традиціонной власти и народнаго равнодушія. Начало конца—общественному индифферентизму, этому рефлексу общественной паники. Психологія разгрома создала идеологію усталого равнодушія, бѣгства изъ жизни въ «культурные» и иные скиты (см. Кривенко—«На распутьѣ»), расцвѣта вопросовъ индивидуальнаго совершенствованія, какъ антитезы коллективному строительству жизни. Литература Гайдебуровской «Недѣли», теорія «малыхъ дѣлъ» и «средняго человека»—Абрамова, вѣроученіе Толстого—все это увядало еще на глазахъ у автора «Очерковъ русской жизни» и дало ему послѣднюю радость—похоронить недавно торжествовавшего еще «восьмидесятника» и одновременно привѣтствовать грядущее за нимъ поколѣніе.

¹⁾ За недостаткомъ мѣста, мы ограничили нашу задачу предѣлами общественно-политической мысли оппозиціонной и революціонной среды. Мы сочли это тѣмъ болѣе возможнымъ, что идеологія реакціи въ разсматриваемую нами, предреволюционную, эпоху жила лишь наслѣдіемъ идей Каткова и Константина Леонтьева, топчась на одномъ мѣстѣ, теряя вліяніе на умы даже прежнихъ адептовъ и обнаруживая совершенно явные симптомы разложенія. Цѣлесообразнѣе, поэтому, будетъ о ней говорить уже въ непосредственной связи съ реакціоннымъ подъемомъ въ эпоху революціи.

Шелгуновъ былъ правъ, отмѣчая поворотъ: поворотъ еще явственнѣе обнаружился немного времени спустя, когда началось то оживленіе въ кругахъ интеллигенціи, которое отлилось на первыхъ порахъ въ форму элементарнаго движенія на помощь голодающему крестьянству. Но не правъ былъ бы тотъ, кто отъ этого поворота заключилъ бы къ разрыву между первоначальной идеологіей 90-хъ годовъ и только-что закончившимся десятилѣтіемъ.

Голодный 91-ый годъ освободилъ оппозиціонное русское общество отъ гипноза хроническаго безсилія и подавленности, переживавшихся имъ подъ давленіемъ безудержнаго натиска реакціи, ея, казалось, неограниченныхъ возможностей. Онъ, какъ бы впервые, начертилъ эти границы и поставилъ на очередь рядъ неотложныхъ задачъ для общественной дѣятельности. Но именно эта-то постановка задачъ, вновь всплывшій вопросъ — что дѣлать? — и дали случай и поводъ обнаружиться происшедшей передвижкѣ общественныхъ силъ и явиться въ развитой формѣ законченныхъ идеологическихъ построеній идейнымъ элементамъ, сложившимся въ эпоху реакціи.

Эпоха реакціи развила послѣдніе остатки революціоннаго народничества, т. е. идеологіи, приуроченной къ крестьянству, какъ источнику и активному дѣятелю грядущаго социальнаго переворота; она свеза на нѣтъ народовольчество съ его надеждами на рѣшающую роль интеллигентнаго меньшинства, энергіей своихъ дѣйствій восполняющая отсутствующую дѣятельность народныхъ массъ и доводящая страну до кореннаго политическаго переустройства. И эта же эпоха заложила основаніе для того народническаго либерализма и того либеральнаго народничества, самое существованіе которыхъ въ развернутомъ видѣ предполагало крушеніе былыхъ идеологій.

Самолюбованіе «восьмидесятника», надоедливо-наивное исканіе «отрадныхъ явленій» — исчезли, какъ дымъ, но остался тотъ идейный «сдвигъ», вызванный происшедшимъ общественнымъ «сдвигомъ», который привелъ, съ одной стороны, къ вытѣсненію бюрократическаго либерализма Александра Градовскаго и «Голоса» болѣе демократическимъ либерализмомъ «Вѣстника Европы» и «Русскихъ Вѣдомостей» и съ другой — къ ликвидаціи революціоннаго народничества — народничествомъ прогрессивной интеллигенціи всѣхъ оттѣнковъ, отъ направленія В. В. и до народничества «Сѣвернаго Вѣстника» временъ редактированія его Михайловскимъ.

Дѣло въ томъ, что въ общественной и идейной жизни 80-хъ годовъ опредѣляющимъ моментомъ оказался процессъ начавшагося сближенія между элементами земства и демократической интеллигенціи. Попытно-реформаторскою дѣятельностью гг. Дмитрія Толстого и Пазухина земство все сильнѣе загонялось въ хроническій конфликтъ съ администраціей, какъ центральной, такъ и мѣстной, — во имя все болѣе усложнявшихся задачъ своего земскаго хозяйства. И въ то же время интеллигенція, изъ года въ годъ численно растущая выѣстъ съ ростомъ европеизаціи Россіи, все сильнѣе пропитывала собою всѣ поры земскаго организма, особенно съ тѣхъ поръ, какъ исчезли прежніе центры притяженія для революціонной ея части — съ исчезновеніемъ программъ практическаго дѣйствія. На общей почвѣ такъ называемой культурной работы и совѣстнаго отстаиванія ея противъ напора административнаго усмотрѣнія скрѣплялся этотъ двусто-

ровный процесс сближения просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ и становящихся все болѣе замѣтной величиной профессиональныхъ работниковъ интеллигенціи. Этотъ процессъ былъ итогомъ 80-хъ годовъ, впервые въ полной мѣрѣ реализованнымъ, однако, лишь въ началѣ 90-хъ годовъ. Онъ былъ тѣмъ фономъ, на которомъ, какъ я далѣе постараюсь показать, и развилась идеологія всего перваго періода предреволюціонной эпохи.

Хронологически этотъ періодъ очерчивается двумя историческими датами: голоднымъ 91-мъ годомъ, съ одной стороны, и съ другой—тѣмъ выступленіемъ на сцену промышленнаго пролетаріата, которое впервые было учтено en masse общественнымъ сознаниемъ лишь въ половинѣ того же десятилѣтія.

Дѣйствующія лица все тѣ-же, что и прежде, и комбинація та же. По сравнению съ 80-ми годами измѣнилась только ихъ общественная жизнеспособность. Начать оправляться революціонно-настроенный разночинецъ, испытавшій разгромъ въ началѣ предыдущаго десятилѣтія. Элементы земской среды и культуртрегерской интеллигенціи подъ дѣйствіемъ даннаго толчка крестьянскаго голода—начали слагаться въ бродящее цѣлое. Снова ускореннымъ темпомъ заработала мысль различныхъ круговъ надъ вопросами общественнаго развитія.

Спрашивается: какія же идеологіи выдвинулъ этотъ періодъ?

Начало 90-хъ годовъ застало публицистику въ томъ состояніи опустошенія, въ которое привели ее предыдущіе годы. Ежедневная печать—въ почти безраздѣльномъ владѣніи дворянской реакціи или ко всему приспѣсбляющей безпринципности: либо «Московскія Вѣдомости», «Свѣтъ», «Гражданинъ», либо «Новое Время» и уличные листки.

Едва ли не единственнымъ выраженіемъ оппозиціонной мысли были «Русскія Вѣдомости»—этотъ умѣренный органъ умѣренныхъ московскихъ профессоровъ, ибо въ счетъ не шли ни петербургскія «Новости», «презрительный терситъ» прогрессивной печати, ни тѣ немногіе органы провинціальной прессы, вроде «Волжскаго Вѣстника», или «Саратовскаго Дневника», которые, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, должны были замыкаться въ сферу слишкомъ узкихъ вопросовъ, чтобы считаться выразителями политической мысли. Единственной ареной, на которой могла заявлять себя—хотя и въ скромномъ масштабѣ—различнаго цвѣта оппозиція, была литература ежемѣсячныхъ журналовъ. Но и эта арена была усыяна обломками прошлаго, которые начали лишь медленно и постепенно слагаться въ новыя группировки въ теченіе ближайшихъ дѣтъ разсматриваемаго нами періода. «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль», «Сѣверный Вѣстникъ», да еще еженедѣльная «Недѣля» со своими ежемѣсячными приложеніями,—вотъ и все то наслѣдство, которое 90-ые годы восприняли отъ своихъ предшественниковъ.

Уже непосредственно вслѣдъ за 91-мъ годомъ появляется въ Петербургѣ прогрессивная ежедневная газета «Русская Жизнь», и «Русское Богатство»—до тѣхъ поръ совершенно безвѣстный органъ Леонида Оболенскаго—переходитъ въ руки Кривенко и его друзей, какъ первая попытка чего-то вроде реставраціи «Отечественныхъ Записокъ». Затѣмъ, одинъ за другимъ слѣдуютъ «Хозяинъ» (ред. Мертваго)—это своеобразное сочетаніе агрономіи съ политикой, «Міръ Божій» «журналъ для юношества», народническое «Новое Слово» и цѣлая серія народо-

хозяйственныхъ изслѣдованій, книгъ и брошюръ, трактующихъ объ экономическихъ судьбахъ Россіи. И въ соответствии этому замѣчающемуся пробужденію литературы и жизни, замѣтно начинается изъ-за границы та нелегальная литература, которая, въ продолженіи уже многихъ лѣтъ, перестала находиться въ кругозорѣ русскаго читателя, оставаясь исключительнымъ достояніемъ немногихъ кружковъ. И, наконецъ, появляется и печать только что сгавшихся тогда—въ предѣлахъ Россіи—организаций, вродѣ «Народнаго права».

Въ этомъ растущемъ потокѣ публицистики, разумѣется, не все равноцѣнно для характеристики момента. Есть пережитки прошлаго, какъ старая «Недѣля», уже потерявшая значеніе руководящаго органа, устами Меншикова тянущая безконечную канитель сантиментально-безвкусныхъ, толстовско-народническихъ разсужденій. Есть такая своего рода литературная гостинница, какъ «Русская Мысль», въ которой находятъ себѣ временное пристанище Н. К. Михайловскій, Вл. Короленко, М. Протопоповъ и многіе другіе писатели, но которая со смерти Шелгунова потеряла лицо свое, обратившись въ простое складочное мѣсто всѣхъ родовъ прогрессивной письменности. Есть «Сѣверный Вѣстникъ», по временамъ вызывающій сенсацию критико-философскими статьями Воынского, въ то время специалиста по развѣнчанію публицистики 60-хъ годовъ, но не имѣющій своего мнѣнія въ общественно-политическихъ вопросахъ и изъ года въ годъ угасающій въ атмосферѣ читательскаго равнодушія. Есть, наконецъ, изданія, которыя въ эти годы не успѣли еще сбросить свой популяризаторскій «юношескій» обликъ, какъ, напр., «Міръ Божій», ставшій нѣкоторой величиной лишь въ позднѣйшіе годы.

Но въ этой литературной пестротѣ явственно выступаютъ явленія, которыя можно назвать для даннаго періода центральными и въ которыхъ заключался его нервъ. Это «Вѣстникъ Европы», органъ *народническаго либерализма*, это первоначальное «Русское Богатство» (до выхода изъ редакціи Кривенко) и «Новое Слово» (до перехода къ марксистамъ), равно какъ и отдѣльныя работы Н.-она и В. В., какъ выраженіе *либеральнаго народничества* и, наконецъ, немногочисленные произведенія нелегальной печати,—въ которыхъ суммируется то направленіе общественной мысли, которое нѣкоторыми называлось *революционнымъ конституціонализмомъ*. Блѣднымъ, поневолѣ, отраженіемъ той же тенденціи въ легальной печати, до извѣстной степени, является «Русское Богатство», перешедшее подѣ редакцію Михайловскаго. Къ этимъ тремъ категоріямъ можно свести всѣ основныя теченія даннаго періода.

Безъ сомнѣнія, трудно найти въ исторіи послѣдней четверти вѣка эпоху, въ которую либерализмъ встрѣчалъ бы болѣе общее—неоспоримое—признаніе среди самыхъ различныхъ слоевъ прогрессивнаго русскаго общества,—какъ начало 90-хъ годовъ. Ибо ни въ одну изъ эпохъ общественно-политическая работа, которая производилась такими органами, какъ ежемѣсячный журналъ Стасюлевича, Арсеньева, Пынина, Слонимскаго (и отчасти, какъ «Русскія Вѣдом.», гораздо сильнѣе, впрочемъ, чѣмъ «Вѣстникъ Европы», окрашенная въ народническій цвѣтъ), не представляла собою въ такой полной мѣрѣ отраженія того *minimum'a*, на которомъ сходилась и къ которому сводилась всѣхъ родовъ оппозиція, лишенная дѣйственной силы и какихъ либо надеждъ въ перспективѣ.

Либерализм переводилъ въ свои идеологическія формы тѣ нужды и запросы, которые ставились на очередь культурной работой мѣстнаго самоуправления, т. е. единственной существовавшей въ то время организаціи общественныхъ силъ, на которой сосредоточивалось вниманіе какъ земскихъ людей, такъ и огромнаго большинства тогдашней интеллигенціи. Вотъ почему у него былъ резонансъ, и политическая хроника «Вѣстн. Европы», въ своей значительной части посвященная защитѣ земства и его самостоятельности отъ надвинувшейся дворянско-бюрократической реакціи, возбуждала такой общій интересъ.

Этотъ «земскій» либерализмъ не имѣлъ своей выработанной теоріи, своихъ догматическихъ очертаній,—если, впрочемъ, не считать таковыми традиціи стараго западничества. Онъ былъ эмпирикомъ *par excellence*, какъ былъ эмпирикомъ и тотъ просвѣщенный земскій хозяинъ, юрисконсультъ котораго являлась либеральная публицистика—во имя интересовъ культуры и законности.

Но, неуклонно регистрируя каждый фактъ произвола, всякое посягательство администраціи и тѣмъ болѣе законодательства на «приобрѣтенныя права» «эпохи великихъ реформъ», отстаивая земскую школу противъ церковно-приходской, крестьянъ—противъ земскаго начальника, самоуправленіе противъ неправомѣрнаго вмѣшательства губернской власти, инородцевъ противъ централизаторскихъ и обрусительныхъ тенденцій правительства, всегда на стражѣ интересовъ печати, сектантства, всегда противъ исключительныхъ законоположеній,—онъ былъ не только присяжнымъ защитникомъ самостоятельности земской работы, но ео *ipso*—разъ земская работа была въ центрѣ общественной жизни—и всеобщимъ юрисконсультъ эпохи, для которой, въ ея оборотительной позиціи, юридическая аргументація, толкующая *существующее* право, должна была брать перевѣсъ надъ *политической*, говорящей о завоеваніи *новаго* права. И въ то же время, онъ чувствовалъ себя представителемъ земли, того обойденнаго вниманіемъ сельскаго хозяйства, на которомъ лежала двойнымъ гнетомъ и протекціонная политика правительства, и вся система административнаго произвола вообще. Культурный застой и всероссійское раззореніе крестьянства, о которыхъ такъ краснорѣчиво напоминалъ 91 голодный годъ, вставали угрожающими призраками и, подымая тревогу, создавали представление объ извѣстной общности интересовъ и о необходимости воспособленія крестьянству.

Вотъ почему, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ голода, Слонимскій уже въ концѣ 91 года ¹⁾ писалъ, что «къ несчастью народныя массы, живущія впроголодь и въ урожайные годы, не имѣютъ возможности заявлять свои нужды такъ громко и сильно, какъ фабриканты и промышленники. Представители торговли и промышленности всегда находятъ дѣятельную защиту и покровительство въ министерствѣ финансовъ»... «Забота о промышленникахъ, заводчикахъ и фабрикантахъ должна, наконецъ, уступить мѣсто болѣе настоящимъ и важнымъ народо-хозяйственнымъ задачамъ, выдвинутымъ на первый планъ нашей тяжелой дѣйствительностью» ²⁾.

¹⁾ Вѣст. Евр. 91 г. кн. XI Ст. Промышленные идеалы и дѣйствительность, стр. 331.

²⁾ В. Евр. 91 г. кн. XII Ст. Пром. ид. и дѣйств., стр. 766.

И отсюда выводъ и пожеланіе, неоднократно выражавшееся на страницахъ либеральнаго органа, объ учрежденіи министерства земледѣлія, и идеалистическое выраженіе для того же пожеланія въ формулѣ: «Самъ народъ съ его групповыми интересами и нуждами» «долженъ сдѣлаться» «предметомъ покровительства».

Такъ заявлялъ либерализмъ, солидаризируя себя съ интересами крестьянства и всего общественнаго цѣлаго, и съ негодованіемъ отвергалъ самую мысль о своей буржуазности, которая ему навязывалась публицистами народничества.

Еще въ началѣ 80-хъ годовъ, полемизируя съ «Недѣлей», «Вѣсти Европы» заявлялъ, что основная ея ошибка «заключается въ томъ, что съ понятіемъ о либерализмѣ, какъ о политическомъ ученіи, она смѣшала понятіе о выродившемся либерализмѣ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ партій, напр. французскихъ доктринеровъ времени Гизо, прусскихъ націоналъ-либераловъ 70-хъ годовъ, что особенности западно-европейскаго либерализма объясняются историческими условіями его появленія именно въ то время, когда господствующей силой въ государствѣ была буржуазія, господствующимъ ученіемъ въ экономической наукѣ было то, которое позже получило названіе «манчестерства». Развитие этихъ трехъ началъ шло параллельно... но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они должны были оставаться нераздѣльными всегда и вездѣ. Связь между ними порвана уже и на Западѣ Европы... Еще меньше можетъ быть рѣчь о неразрывности названныхъ нами началъ въ Россіи, гдѣ не бывало и нѣтъ крѣпко организованной буржуазіи, гдѣ едва зарождается капиталистическое производство и не успѣла пустить корней теорія экономическаго нововѣщательства» ¹⁾.

И точно также, уже въ 1895 году, какъ бы продолжая эту цѣль разсужденій, Слонимскій писалъ: «Такъ какъ у насъ нѣтъ буржуазіи въ западно-европейскомъ значеніи этого слова, то нѣтъ и буржуазнаго либерализма, интересы котораго находились бы въ разладѣ съ потребностями трудящейся народной массы. Либералы хлопочуть у насъ о томъ, что полезно всему народу и, слѣдовательно, также государству,—въ противоположность охранителямъ, откровенно преслѣдующимъ особыя выгоды небольшого круга своихъ единомышленниковъ и союзниковъ» ²⁾.

А немного раньше того, отражая обвиненіе «Московскими Вѣдомостями» русскаго либерализма въ поддержкѣ буржуазіи, извѣстный хроникеръ «Вѣсти Европы» утверждалъ: «меньше всего русскій либерализмъ... можетъ быть заподозрѣнъ именно въ намѣреніи создать въ Россіи буржуазію или какое бы то ни было обособленное привилегированное третье сословіе. Что благопріятствуетъ образованію такого сословія? Больше всего—развитіе крупнаго фабричнаго производства, усиленіе промышленнаго класса, увеличеніе числа безземельныхъ рабочихъ. Сторонники «третьяго сословія» должны, если они послѣдовательны, стоять за высокія покровительственныя пошлины, за отмѣну общиннаго землевладѣнія или, по меньшей мѣрѣ, за все способствующее разложенію общины;

¹⁾ Вѣст. Евр. 1882 г. кн. III, стр. 447.

²⁾ В. Евр. 95 г. кн. X, стр. 788.

они должны возставать противъ крестьянскаго банка, противъ выкупа желѣзныхъ дорогъ, противъ регламентации кредита, противъ подоходнаго налога, противъ всякой попытки перенести значительную часть податнаго бремени на достаточные классы населенія... Такъ ли поступали и поступаютъ мнимо-буржуазные органы печати—это слишкомъ хорошо извѣстно... Для какого класса, для какой группы населенія онъ (т. е. либерализмъ) домогался господства или хотя бы преобладанія надъ остальными? За какія привилегіи онъ стоялъ, какія новыя перегородки предполагалъ возвести на мѣсто старыхъ, какой видъ свободы хотѣлъ сдѣлать достояніемъ немногихъ? Поставить эти вопросы—значить разрѣшить ихъ, двухъ различныхъ оттѣнковъ они не допускаютъ» ¹⁾).

Въ этихъ, полныхъ враждебнаго отношенія къ промышленной буржуазіи, словахъ набросана въ общихъ чертахъ, хотя, правда, больше въ отрицательныхъ терминахъ, экономическая программа нашего «аграрнаго» либерализма. Ея существенная часть, это—поддержка мелкаго производителя, общинника-крестьянина и кустаря, всѣми способами, которые составляли обычный инвентарь, какъ земской практики, такъ и теоретической рецептуры либеральнаго народничества. Говоря о народничествѣ, намъ придется еще останавливаться на практической близости либерализма къ народничеству и народничества къ либерализму—при всѣхъ ихъ теоретическихъ разногласіяхъ. Сейчасъ мы зарегистрируемъ только, что, по крайней мѣрѣ, представители либерализма ясно сознавали и признавали эту свою близость къ народникамъ. Достаточно для этого отмѣтить статью Слонимскаго, посвященную В. В. въ августовской кн. «В. Евр.» за 92 годъ, или признаніе Пыпинымъ (А. В.—нымъ) ²⁾, который такъ долго и такъ много сражался съ народничествомъ, признаніе «родственности» этого направленія либерализму, и сожалѣніе о безцѣльномъ выдѣленіи себя народничествомъ въ особую секту изъ обще-либеральнаго теченія.

Но въ чемъ же полагалъ либерализмъ свои надежды на то, что его программа осуществится не по частямъ и въ мелочахъ земской практики, а въ обще-государственномъ масштабѣ? Онъ ожидалъ измѣненія, подъ вліяніемъ государственной необходимости, правительственной политики, перехода отъ покровительства крупнымъ промышленникамъ къ защитѣ «народныхъ интересовъ», отъ системы ежовыхъ рукавицъ къ правовому порядку.

Онъ ждалъ всего сверху и ничего—снизу. Онъ настаивалъ, конечно, на важности сближенія культурнаго общества съ народомъ, и съ этой точки зрѣнія, въ связи съ продовольственной кампаніей 91—92 гг., вновь подымалъ вопросъ о всесословной волости ³⁾, онъ устами Пыпина привѣтствовалъ общественную помощь голодающему крестьянству, выражая увѣренность, что самоотверженное сочувствіе общества къ народному бѣдствію не останется незамѣченнымъ въ «народной средѣ», въ той средѣ, которая, «къ сожалѣнію» «уже очень издавна относилась къ высшему классу съ немалымъ недоувѣріемъ» ⁴⁾.

¹⁾ В. Евр. 1893 г. кн. V, стр. 449—450.

²⁾ В. Евр. 1892 г. кн. X, статья «Теорія народничества», стр. 705.

³⁾ См. Общест. Хронику, сентябрь 91 г.

⁴⁾ См. «Вѣсти Евр.» 92 г. кн. II. «Литер. Обзоръ» стр. 904.

Но съ другой стороны, онъ же въ лицѣ Слонимскаго съ совершенной категоричностью заявлялъ, что «крестьянство въ счетъ не идетъ; оно никому не можетъ служить опорой, ибо само нуждается въ поддержкѣ и охранѣ» ¹⁾.

Дружный союзъ идущаго на реформы правительства съ инициативнымъ и его поддерживающимъ обществомъ—вотъ рѣшеніе задачи либерализмомъ.

«Наша бѣда заключается въ томъ», говорилъ Вл. Соловьевъ въ нашу-мѣвшей статьѣ своей «Народная бѣда и общественная помощь», что общество «аморфно», что нѣтъ никакой организаци «для улучшенія народной жизни, для національнаго прогресса». «Пора, наконецъ, изъ него (т. е. изъ состоянія аморфности) выйти, пора не потому, что кому нибудь такъ кажется, а потому, что наступила крайняя опасность, а безъ установленія истинной общественности мы нынѣшней бѣды не изживемъ» ²⁾.

Но это не значитъ, что инициатива не должна принадлежать правительственной власти. «Никто не станетъ спорить, писалъ Слонимскій по поводу книги Ермолова «Неурожай и народное бѣдствіе», противъ того, что починъ и руководство въ великихъ задачахъ, поставленныхъ на очередь нашею «слишкомъ печальною дѣйствительностью», принадлежитъ правительству» ³⁾.

И въ другомъ мѣстѣ: либерализмъ хочетъ того-же, въ чему «всегда стремились лучшіе представители власти, начиная съ Петра Великаго» ⁴⁾.

И далѣе:

«Либеральныя идеи все болѣе усваиваются передовою общественною силой нашего времени—просвѣщенной бюрократіей, постепенно и неудержимо поглощающей лучшіе активные элементы образованнаго общества. Либеральное реформаторское чиновничество беретъ на себя самыя широкія задачи, разумное исполненіе которыхъ требуетъ сознательнаго общественнаго содѣйствія и участія, и потребность въ этомъ общемъ содѣйствіи сказывается все сильнѣе на практикѣ, выражаясь въ частыхъ обращеніяхъ къ печатному слову, въ обнародованіи официальныхъ матеріаловъ и предположеній, въ запросахъ, дѣлаемыхъ земству и ученымъ специалистамъ. Дѣятельный предпринимчивый бюрократизмъ является господствующимъ направленіемъ нашей эпохи, и остается только желать, чтобы онъ не подвергся обычной судьбѣ всякой вообще бюрократіи и не проникся буржуазно-канцелярскимъ духомъ» ⁵⁾.

Естественно, поэтому, что въ соотвѣтствіи съ этими взглядами «Вѣстникъ Европы» протестовалъ противъ утвержденія реакціонной печати о несовмѣстности началъ законности, равно какъ самоуправленія и общественной самодѣятельности, съ основами самодержавно-бюрократическаго строя ⁶⁾. И поэтому же самому, въ концѣ 94 года, находясь на кульминаціонной точкѣ своего по-

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1893 г., сентябрь, статья «Экономич. реформы и законодательство», стр. 340—341.

²⁾ Вѣстн. Евр. 91 г., октябрь, стр. 791—92.

³⁾ В. Евр., май 92 г., ст. «Экономическая программа», стр. 352—353.

⁴⁾ Вѣстн. Евр., октябрь 95 года, ст. Л. Слонимскаго «Наши направленія въ печати и обществѣ», стр. 783.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 790—91.

⁶⁾ В. Евр. 95 г., кн. II, ст. Слонимскаго «Теорія и практика законности» стр. 794.

литического значенія, онъ могъ, подводя итоги только что завершившемуся царствованію Императора Александра III, замѣчательное для своего времени внутреннее обозрѣніе заключить историческимъ резюме: «Если въ положеніи русскаго народа и всѣхъ отдѣльныхъ группъ, его составляющихъ, многое требуетъ коренныхъ и безотлагательныхъ измѣненій, то это еще не значитъ, чтобы будущее Россіи представлялось мрачнымъ и безнадежнымъ. Говоря словами поэта, «въ ея груди бѣжитъ потокъ живыхъ и чистыхъ, еще нѣмыхъ народныхъ силъ, такъ подъ корою Сибири льдистой, золотеносныхъ много жилъ»... Эти силы легко могутъ быть призваны къ жизни нашимъ молодымъ государемъ, въ короткое время видѣвшимъ уже столько доказательствъ народной любви и народнаго довѣрія» ¹⁾).

Это резюме было историческимъ потому, что оно легло въ основаніе тѣхъ земскихъ адресовъ, которыми закончился этотъ періодъ русскаго либерализма.

Какъ справедливо писалъ тогда авторъ появившагося «Открытаго Письма»: «наиболѣе передовые земства и земцы настаивали или, вѣрнѣе, просили лишь объ единеніи царя съ народомъ, о непосредственномъ доступѣ голоса земствъ къ престолу, о гласности и о томъ, чтобы законъ всегда стоялъ выше административнаго произвола».

Другими словами: либерализмъ 90-хъ годовъ не развѣтывалъ конституціоннаго знамени, а мыслилъ себѣ необходимое реформированіе стараго строя, безъ нарушенія его основъ, инициативой и силами его же представителей, получившихъ лишь въ помощь себѣ организованное общественное мнѣніе.

И въ этой его концепціи сказалась, быть можетъ, наиболѣе характерная черта и для того общественнаго слоя, который представлялъ либерализмъ, и для всего того времени. Передовая часть земцевъ, какъ и родственныя ей группы городской интеллигенціи не чувствовали за собою не только народныхъ массъ, но и движенія или даже просто дѣйствительнаго сочувствія класса, съ которымъ они были непосредственно связаны. Они были культурнымъ авангардомъ бездѣятельной и аморфной среды, въ которой развѣ только протекціонная система правительства создавала настроеніе фронды.

Потому-то у идеологовъ нашего либерализма въ такой причудливо-рѣзкой формѣ и сочетались нѣкоторые интеллигентскій размахъ въ принципиально-абстрактныхъ вопросахъ и чрезвычайная, сугубая скромность, когда рѣчь заходила о вопросахъ практическихъ. Они могли, однимъ духомъ, упрекать, напр., европейскую демократію въ забвеніи «обязанностей по отношенію къ народу» ²⁾ и европейскій либерализмъ въ буржуазности и въ то же самое время дѣлать своими *ria desideria* такую убогую реформу, какъ принужденіе представителей земствъ къ засѣданіямъ Государственнаго Совѣта.

Это была идеологія еще первыхъ шаговъ бродящаго, но не знающаго самостоятельнаго выхода общества, идеологія культурной части его имущихъ, по преимуществу, аграрныхъ слоевъ.

Но если имущее общество приходило къ либерализму черезъ запросы культурнаго развитія, то демократическая интеллигенція пришла къ идеологіямъ

¹⁾ Вѣстн. Евр., декабрь 94 г., Внутр. Обозр., стр. 853.

²⁾ Вѣстн. Евр. 93 г. кн. IV, Общ. Хрон., стр. 907.

либерального народничества и революціоннаго конституціонализма через банкротство своего прошлаго.

Когда миновала пора интеллигентскаго распада и интеллигенція, при первомъ достаточно сильномъ побужденіи извнѣ, ощутила въ себѣ вновь потенциальную энергію для общественнаго подъема, то оказалось на первыхъ порахъ, что ея прошлое банкротство стало исходной точкой для идейнаго движенія въ двухъ направленіяхъ.

Если народъ не является въ настоящее время агентомъ социальнаго переустройства, то взамѣнъ этого будемъ поднимать его культурно, развивая въ то же время—въ рамкахъ существующаго строя—такія народныя формы его социально-экономическаго уклада, какъ община, артель, кустарные промыслы,—вотъ одно видоизмѣненіе старой проблемы. Если революціонная фаланга интеллигенціи оказалась разбитой въ своемъ единоборствѣ съ существующей властью, то это не значитъ, однако, что соединенными усилиями всего организованнаго общественнаго мнѣнія нельзя добиться конституціи: сближеніе всѣхъ оппозиционныхъ и революціонныхъ элементовъ на очередной политической задачѣ,—вотъ другое рѣшеніе обанкротившейся интеллигенціи.

Если старое народничество, метаморфизировавшись въ лабораторіи 80-хъ годовъ, спустилось до В. В. Кривенко, и всего направленія народническаго «Русскаго Богатства», то Народная Воля нашла своего эпитона въ популярныхъ идеяхъ «Народнаго Права».

Мы разберемъ эти обѣ тенденціи въ ихъ классическомъ выраженіи, но замѣтимъ сейчасъ же, что въ литературѣ и въ жизни господствовали различныя формы эклектическаго соединенія этихъ тенденцій: народничество съ конституціоннымъ оттѣнкомъ и конституціонализмъ, дополняемый экономической политикой, находившей себѣ теоретическую мотивировку въ писаніяхъ народничества. Такъ «Русское Богатство» съ уходомъ Кривенко, В. В. и послѣ своего неоднократнаго отреченія отъ самаго названія народничества, по существу продолжало ту же самую практическую линію, которой держались до его обновленія имъ теперь отвергаемые народники.

«Политиковъ» и «чистыхъ» народниковъ соединяла имъ общая концепція экономическаго развитія Россіи, необходимыхъ экономическихъ реформъ и мѣропріятій и той роли въ этомъ дѣлѣ, которую должны были, по ихъ представленію, играть современная государственная власть и современное культурное общество. И эта же концепція «власти» и «общества», какъ и сходство въ экономической политикѣ, сближало идеологовъ демократической интеллигенціи, ведущихъ свою родословную отъ революціоннаго социализма 70-хъ годовъ, съ представителями современнаго имъ либерализма.

Старый социализмъ полагалъ свои надежды на народъ, на его артельно-общинное творчество, на его социально-революціонную природу. Его «практическая политика», поэтому, сводилась къ элементарной формулѣ—утонуть въ стихіи народа, которой достаточно сравнительно небольшого толчка, чтобы разразиться спасительной бурей—революціей, производящей коренную передѣлку всего общественнаго строя Россіи. Но эта вѣра въ инициативный народъ угасла еще къ концу 70-хъ годовъ; не воскресла она и въ началѣ 90-хъ вмѣстѣ съ пробужде-

ніемъ демократической интеллигенціи, которую впечатлѣнія отъ крестьянскаго голода только укрѣпили въ безвѣріи.

Естественно поэтому, что подѣ влияніемъ происшедшей перемѣны, народъ, какъ дѣйствующее лицо героической драмы, смѣнился въ умахъ интеллигенціи народомъ—объектомъ усиленныхъ заботъ, экономическихъ мѣропріятій, народолюбиваго прожекторства. Центръ тяжести въ идеологій интеллигенціи оказался тѣмъ самымъ передвинутымъ съ народа на самое интеллигенцію, на культурное общество, на земство, даже на государственную власть, т. е. на всѣ тѣ элементы, которые, полностью или по частямъ, по доброй волѣ или подѣ давленіемъ необходимости, должны были идти, по мнѣнію народнической интеллигенціи, на встрѣчу потребностямъ «народнаго производства», т. е. «самостоятельнаго производителя-крестьянина». И въ связи съ этимъ выдвигалась на видное мѣсто теорія невозможности капиталистическаго развитія Россіи, невозможности по объективнымъ условіямъ ея международнаго экономического положенія.

Разъ, въ самомъ дѣлѣ, социальное преобразование страны на началахъ народнаго производства отходило въ неопредѣленную даль, то тѣмъ самымъ пріобрѣтала огромную успокоительную цѣнность для всей интеллигенціи, идеологически связавшей свои судьбы съ крестьянствомъ, та соціологическая концепція, которая какъ бы бронировала кустарно-земледѣльческую Россію отъ сокрушающихъ ударовъ капитала. Стоитъ перебрать съ этой цѣлью книжки «Русскаго Богатства», въ особенности за первую половину 90-хъ годовъ, т. е. за разсматриваемый нами періодъ, чтобы убѣдиться, что мотивы публицистики стоятъ въ непосредственной зависимости отъ этихъ основныхъ положеній. Къ чему сводятся внутреннія обзоры Кривенко и Южакова, «народо-хозяйственные наброски» Карышева, разсужденія В. В., отдѣльныя статьи Яроцкаго и отчасти Н.—она?

Конечно, въ нихъ есть свои оттѣнки, свои индивидуальныя отличія, и если В. В. выступаетъ пѣвцомъ по преимуществу «прогрессивныхъ теченій» въ крестьянскомъ хозяйствѣ, тѣмъ самымъ оттѣняя «мелкобуржуазную» сторону народничества, то Ник—онъ, который усматриваетъ въ дѣйствительности лишь одні специфически-опустошительныя особенности русскаго капитализма, является его (народничества) бюрократически-утопической вариацией. Но сущность тѣхъ и другихъ сводится къ апелляции отъ неустройства хозяйственной жизни Россіи вообще и крестьянства въ частности къ мѣропріятіямъ и проектамъ мѣропріятій благожелательнаго общества.

«Никогда еще наша народная промышленность, — читаемъ мы, напр., у Кривенко, — не нуждалась настолько въ измѣненіи взгляда на нее, какъ на нѣчто второстепенное и не имѣющее значенія, и въ такомъ вниманіи къ ней со стороны людей знанія, земствъ и государства, какъ теперь... При правильномъ къ ней отношеніи и реорганизаци, изъ нея можетъ развиваться та настоящая народная промышленность, которая нужна странѣ и которая не потребуетъ со стороны государства такихъ жертвъ, какъ промышленность капиталистическая»¹⁾.

«Народное хозяйство — пишетъ Южаковъ — приходитъ постепенно въ

¹⁾ Кривенко: „По поводу культурн. одиночекъ“. На распутьѣ, стр. 259.

упадокъ... община, большая семья, артель, кустарные и домашніе промыслы, натуральное хозяйство, все медленно готовится къ вымиранію и все рано или поздно обречено на вымираніе, если мы не сумѣемъ найти въ своей умственной и нравственной культурѣ, въ своихъ организованныхъ общественныхъ силахъ, въ своихъ руководящихъ классахъ достаточно разума и совѣсти, знанія и патріотизма, чтобы спасти наше отечество и нашъ народъ отъ горестныхъ путей западно-европейскаго экономическаго развитія» ¹⁾).

И то же самое говоритъ Ник—онъ, какъ въ заключительныхъ страницахъ своихъ «Очерковъ нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства», такъ и въ статьяхъ своихъ въ «Русскомъ Богатствѣ»: «Задача заключается въ томъ, чтобы общество изъ пассивнаго зрителя проявленія даннаго (экономическаго) закона, тормозящаго развитіе его производительныхъ силъ, при помощи наличныхъ матеріально-хозяйственныхъ условій, отыскало бы средство подчинить этотъ законъ своей власти» ²⁾).

Законный выводъ отсюда — обращеніе къ обществу. Это и дѣлаетъ Карышевъ. Свидѣтельствуя о «бодрящемъ впечатлѣніи», которое производитъ на него «объединившій, задолжавшій, въ значительной части обезлошадившійся» народъ, «не покладающій въ то же время рукъ», не бросающій землю и «ищущій новыхъ путей» (прогрессивныя явленія!), онъ адресуется къ «намъ», т. е. къ обществу: «А мы здѣсь, въ Петербургѣ и Москвѣ, сидимъ въ своихъ кабинетахъ и толкуемъ о мужицкой лѣни и косности, о томъ, что мужика надо будить... Будить нужно именно насъ. Гдѣ наша помощь этому стремленію мужика поднять свое хозяйство?.. Мужикъ хочетъ примѣра—гдѣ наши опытные поля, образцовыя хозяйства? Мужикъ ищетъ печатнаго слова—гдѣ наша популярная литература?.. Мужикъ ищетъ удобренія, орудій, сѣмянъ,—гдѣ у насъ земскіе склады всего этого, оптовая заготовка, удобства покупки, распространенія... Гдѣ же вы, дѣятели, дѣятели частные и земскіе? Идите и работайте, время давно приспѣло. И спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ» ³⁾).

И отсюда же—психологически понятная идеализація интеллигенціи, общества, власти. Идеализировать реальную власть, въ ея текущихъ и общихъ проявленіяхъ, не представлялось никакой возможности, но зато тѣмъ важнѣе было позволить себѣ идеализацію прошлаго, напр., акта освобожденія крестьянъ,—и въ этомъ прошломъ какъ бы символизировалось будущее,—или же, изъ связи съ цѣлымъ выхватывая отдѣльные моменты, на нихъ фиксировать вниманіе и находить себѣ удовлетвореніе въ сочиненіи проектовъ и поправокъ—проектовъ преобразованія крестьянскаго банка, регулированія хлѣбной торговли, продовольственнаго устава ⁴⁾ и т. д. и т. д.

¹⁾ «Русск. Богат.», 1896 г., кн. 12, стр. 106.

²⁾ «Русск. Богат.», 1895 г., кн. 3, статья «Что же значить эконом. необходимость?»

³⁾ «Русск. Богат.», 1894 г., кн. II, статья «Народохозяйственные наброски».

⁴⁾ См. напр., Ивановичъ: «По вопросу о преобразованіи крестьянскаго банка», «Русск. Богат.», кн. XI, за 1893 г.; Карышевъ, «Продовольственное

И, конечно, еще значительно успешнѣе шла идеализація земства, и еще нужнѣе была эта идеализація интеллигенціи, для которой земская работа представляла значительную часть ея собственной общественной дѣятельности.

Необходимо отмѣтить при этомъ, что вниманіе приковывалось не столько культурно-просвѣтительной дѣятельностью земства, сколько его «экономическими» «мѣропріятіями».

«Сравнительно недавнее выступленіе земства на новое поприще сельско-хозяйственной дѣятельности—писалъ Южаковъ—мало извѣстно публикѣ, представляя, однако, глубокий интересъ и громадную важность»¹⁾.

И то же признаніе неоднократно повторяется, въ той или другой формѣ, на страницахъ «Русск. Богатства». Его же въ сущности дѣлаетъ и Анненскій, когда начинаетъ свою серію внутреннихъ обзорѣвъ въ «Русск. Богат.» заявленіемъ, что, «придавая очень большое значеніе правильному выясненію и освѣщенію вопросовъ земской жизни и земской работы, мы горячо желали бы, чтобы нашъ журналъ по мѣрѣ силъ и возможности служилъ этому дѣлу». Редакція «разсчитываетъ на помощь самихъ мѣстныхъ людей»²⁾. И затѣмъ, обращаясь къ представляющимъ «особый интересъ» въ настоящее время «земскимъ начинаніямъ въ сельско-хозяйственной области», говоритъ: «здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, возможна живая связь земской работы съ работами центральныхъ установленій, вѣдающихъ нужды сельскаго хозяйства. Прошлагоднее обращеніе министерства земледѣлія къ содѣйствію земствъ... является первымъ и очень важнымъ шагомъ для такого сближенія. Земскія учрежденія могли бы стать очень полезными органами и для проведенія въ жизнь тѣхъ мѣропріятій для улучшенія сельскаго хозяйства, которыя будутъ требовать работы на мѣстахъ... Съ другой стороны, именно здѣсь, въ земствѣ, всего болѣе можетъ сосредоточиться та здоровая и живая мѣстная инициатива, которая признается въ программѣ министерства, удостоенной Высочайшаго одобренія, лучшимъ залогомъ прогрессивнаго развитія сельскаго хозяйства»³⁾.

И изъ той же, конечно, идеализирующей точки зрѣнія исходитъ и Ник—онъ, когда резюмируетъ настроеніе и направленіе «общества», послѣ перелома 1891 года, словами: «но чѣмъ бѣдственнѣе было самое явленіе, чѣмъ глубже было потрясено все общество голодомъ 1891-го года, тѣмъ сильнѣе должна была сказаться реакція противъ той хозяйственной политики, которая привела къ этому народному бѣдствію. И, дѣйствительно, все общество, всѣ его слои отъ верхнихъ до нижнихъ стали проникаться одной идеей: несостоятельность прежней хозяйственной политики стала очевидной для большинства»⁴⁾...

А В. В., съ своей стороны, теоретически обосновываетъ ту же самую

дѣло и сельско-хоз. страхование», кн. I, за 1893 г.; Хроника внутр. жизни, кн. V за 1893 г.; Южаковъ, «Хрон. внутр. жизни», кн. VII за 1894 г.; Барышевъ «Народохозяйств. наброски», кн. IX за 1895 г. и многія другія статьи.

¹⁾ «Русск. Богат.», 1895 г., кн. IV, «Изъ соврем. хроники».

²⁾ «Русск. Богат.», 1895 г., кн. X, Хрон. внутр. жизни.

³⁾ Тамъ же, стр. 167.

⁴⁾ Ник—онъ. «Апология власти денегъ», «Русск. Бог.», 1895 г., кн. I.

концепцію «общества», стараясь объяснить, въ силу какихъ особенностей общественнаго развитія Россіи «антиклассовое настроеніе прогрессивной части привилегированнаго общества» имѣетъ у насъ чрезвычайную силу, почему «хотя это общество образуется всецѣло лицами, пользующимися экономическими привилегіями, т. е. принадлежитъ къ буржуазіи, тѣмъ не менѣе прогрессивная его часть не выставляетъ цѣльной программы буржуазнаго характера», а, напротивъ, окрашено въ народническій цвѣтъ и «всякій сколько нибудь прогрессивный органъ печати одною изъ своихъ задачъ считаетъ защиту интересовъ народнаго производства». Оказывается—по мнѣнію В. В., что русская интеллигенція (въ отличіе отъ западно-европейской) «законами исторіи вынуждена сознательно преслѣдовать цѣли народнаго благосостоянія», что, «работая въ духѣ укрѣпленія экономической самостоятельности народа, значительная часть русскаго общества борется за свое собственное благополучіе. По своимъ интересамъ эта часть примыкаетъ къ массѣ простаго народа и потому дѣло послѣдняго есть въ то же время и ея дѣло. Защищая это дѣло, она въ сущности борется за свой классовый интересъ, который къ тому же совпадаетъ и съ интересами общегосударственными». Жизненность же «связи народническаго теченія въ привилегированномъ классѣ съ интимнѣйшими процессами нашего общественнаго быта» доказывается его «практическимъ характеромъ»: «расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, поддержаніе общины, артельная организація промысловъ, организація кредита, оптовой закупки матеріаловъ и сбыта издѣлій народнаго производства, улучшеніе техники крестьянскаго хозяйства, выселеніе крестьянъ изъ центральныхъ губерній на окраины» и т. п., — вотъ программа, которая именно благодаря своей «практичности», «можетъ приводиться въ исполненіе черезъ посредство, между прочимъ, земскихъ учреждений»... ¹⁾).

Такъ, въ міросозерцаніи народничества 90-хъ годовъ понятіе интеллигенціи расплывалось въ понятіи общества, общество конкретизировалось въ земствѣ, земство комбинировалось съ властью и въ результатѣ получался неопредѣленный конгломератъ представленій, дававшій въ совокупности то, что можно бы назвать народническимъ факторомъ прогресса—прогресса въ сферѣ «экономики» на первыхъ порахъ. Но совершенно очевидно, что этотъ же конгломератъ долженъ былъ стать и основой для формулы прогресса въ политикѣ.

Народничество вышло изъ передѣлки 80-хъ годовъ съ достаточно опредѣлившейся программой экономическихъ мѣропріятій и съ совершенно неопредѣленной окраской въ области вопросовъ политическаго развитія Россіи. Конечно, въ началу 90-хъ годовъ уже было налицо если не политическое въ собственномъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ политизирующее настроеніе въ извѣстныхъ кругахъ интеллигенціи, но этому настроенію въ жизни, въ литературѣ соответствовала лишь та безформенно-прогрессивная тенденція, которая, просачиваясь сквозь народническія формулы, отражала наростающую оппозиционность демократической интеллигенціи, не задаваясь вопросомъ о путяхъ и не раскрывая своихъ цѣлей. Что дѣлать и куда идти, вопросы политической

¹⁾ Новое Слово, 1896 г., мартъ, ст. В. В. «Производительные классы и интеллигенція въ Россіи». Ср. также: В. В. «Наши направленія».

тактики и политической программы, оставались вне поля ее зрѣнія не только потому, что цензурныя рамки не давали возможности договаривать до конца своихъ мыслей, но также и потому, что въ самой жизни демократической интеллигенціи не было какихъ либо перспективъ практическаго политическаго дѣйствія, не было иной дѣятельности, кромѣ культурно-просвѣтительной, кромѣ дѣятельности въ земскихъ учрежденіяхъ.

Ясно, что при данныхъ условіяхъ политическая мысль интеллигенціи должна была, съ нарастаніемъ политическаго настроенія, двигаться по тому же фарватеру, по которому двигалась до того и общественная дѣятельность интеллигенціи.

И ясно, слѣдовательно, что она должна была концентрироваться около тѣхъ же элементовъ, которые были героями-осуществителями практическаго народничества—интеллигенція, общество, земство и даже государственная власть. Разумѣется, поскольку эти элементы принимались цѣликомъ, демократическая интеллигенція упиралась въ ту же либеральную концепцію, выраженіе которой мы только-что видѣли на примѣрѣ «Вѣстника Европы».

На этой почвѣ выросли всевозможныя комбинаціи изъ теоретическихъ предпосылокъ социализма и куцыхъ практическихъ выводовъ.

Но то, на чемъ свободно и легко успокаивались мысль и чувство просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ и свободомыслящихъ академиковъ, шло, что дальше, то больше, въ разрѣзъ съ психологіей демократической интеллигенціи, диктовавшей ей ее общественнымъ положеніемъ въ обстановкѣ самодержавно-бюрократическаго строя, какъ и всѣми традиціями ея прошлаго. Чѣмъ больше, поэтому, радикализировалось впечатлѣніями отъ общественной жизни настроеніе демократической интеллигенціи и сообразно этому пропитывалось политикой народничества, тѣмъ скорѣе изъ либеральнаго конгломерата элементовъ въ представленіи интеллигенціи отходилъ на задній планъ элементъ государственной власти и, наоборотъ, выдвигалось на первый—расплывчато-широкое понятіе «общества». На этой почвѣ выдѣленія политическаго момента произошло уже въ 1893—1894 году расхожденіе между народниками типа Кривенко, В. В. и др. и «политиками» реорганизованнаго «Русскаго Богатства».

Этотъ процессъ формировація политической мысли весьма трудно наблюдать по произведеніямъ легальной журналистики: въ ней слишкомъ много недоговореннаго или просто обойденнаго молчаніемъ. Но даже и здѣсь можно было бы найти прямыя или косвенныя указанія, съ совершенной опредѣленностью говорящія о томъ, что старая народническая вѣра въ народъ смѣнилась разсчетами на политическую инициативу всего оппозиціоннаго правительству общества или въ частности—его революціоннаго авангарда, опирающагося на общество. Къ счастью, впрочемъ, намъ нѣтъ необходимости на основаніи намековъ возсоздавать точку зрѣнія «политики» демократической интеллигенціи начала 90-хъ годовъ.

Мы имѣемъ совершенно ясный и откровенный языкъ литературы, въ которой эта политика нашла свое предѣльное выраженіе. По этому предѣлу легко уже судить и о промежуточныхъ звеньяхъ, не достигавшихъ вершинъ этой предѣльности. Мы имѣемъ въ виду то политическое направленіе, которое непо-

средственно вышло изъ народничества и которое одинъ изъ старыхъ народовольцевъ окрестилъ именемъ революціоннаго конституціонализма.

Въ литературѣ эмиграціи оно было представлено изданіями Лондонскаго «Фонда вольной русской прессы» и въ частности писаніями Кравчинскаго-Степняка, а въ Россіи—воззваніемъ партіи «Народнаго Права» и извѣстной брошюрой «Насущный вопросъ».

И Степнякъ за границей, и народоправцы въ Россіи уже были въ извѣстной степени выраженіемъ реакціи противъ предшествовавшей имъ литературы упадка. Такъ, Степнякъ въ своей брошюрѣ «Что намъ нужно» протестуетъ противъ той «ошибочной тенденціи—на время спрятать социализмъ, дабы не испугать либераловъ» и опять же «на время» «социалистамъ стать либералами»,—которую являли собой изданія конца 80-хъ годовъ, «Самоуправленіе» и «Свободная Россія», гдѣ писали Бурцевъ, Дебагоринъ-Мокріевичъ, Добровольскій. Такъ, «Насущный вопросъ», приглашая «отрѣшиться отъ благоговѣйнаго преклоненія передъ мнѣческимъ „богоносительнымъ“ народомъ, съ его какой-то никому невѣдомой особливой правдой, якобы, отличной отъ общечеловѣческой», весь полемически заостренъ противъ обветшалыхъ идей народничества, культурничества и проповѣди мазыхъ дѣлъ.

Въ чемъ же центральный интересъ направленъ? — Въ сближеніи между собой оппозиціонныхъ и революціонныхъ элементовъ общества во имя идеи политической свободы.

«Ни либералы, ни революціонеры въ одиночку не опрокинутъ самодержавія», говоритъ Степнякъ, «залогъ побѣды во взаимной поддержкѣ обѣихъ фракцій оппозиціи», поддержкѣ, «во имя того общаго виѣкклассоваго чувства гражданской солидарности, которое существуетъ во всѣхъ передовыхъ странахъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ онѣ культурнѣе» ¹⁾.

Товарищъ же Степняка по Фонду, Волховской, развивая ту же самую мысль въ брошюрѣ «Чему учить конституція гр. Лорисъ-Меликова», аргументируетъ ее соображеніями, что «либералы могутъ, не насилуя своей совѣсти, войти въ соглашенія съ властью тамъ, гдѣ мы бы затруднились»...

Но если фондовцы въ своихъ писаніяхъ еще только развиваютъ своего рода теорію координированныхъ дѣйствій оппозиціонно-революціоннаго блока, то партія «Народнаго Права» сама, какъ организациа, уже представляетъ собою этотъ блокъ, изъ программы котораго вытравлено все, кромѣ чистой идеи политической свободы.

«Есть моменты въ жизни государства — говорится въ воззваніи партіи «Народнаго Права» (относящемся къ началу 94 года) — когда одинъ вопросъ занимаетъ первенствующее мѣсто, отодвигая на задній планъ всѣ другіе интересы, какъ бы существенны они ни были сами по себѣ,—одинъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго въ ту или другую сторону зависитъ будущее народа». И вопросъ этотъ или лучше—задача—формулируется такъ: «соединить всѣ оппозиціонные элементы страны и организовать дѣятельную силу, которая добилась бы, при помощи всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ, какими она рас-

¹⁾ Смотр. брош. Степняка: „Чего намъ нужно“ и „Начало конца“.

полагаетъ, уничтоженія самодержавія и обезпеченія каждому правъ гражданина и человека».

Кто же, конкретно говоря, эти «оппозиционные элементы страны»? Степнякъ даетъ обстоятельный отвѣтъ: «Революція должна быть расширена» — заявляетъ онъ. — «Но какъ? Въ комъ искать поддержки? Россія — крестьянская земля. Но насколько намъ извѣстно, среди русскихъ революціонеровъ нѣтъ въ настоящее время фракціи, серьезно ищущей опереться на крестьянъ, т. е. дѣйствительно работающей для пріобрѣтенія среди нихъ сторонниковъ. . . Этой фракціи пока нѣтъ, хотя она, вѣроятно, не замедлитъ возникнуть при естественномъ ростѣ движенія... Покаместъ наше движеніе является исключительно городскимъ, опирающимся на городскіе элементы, частью на рабочихъ, но преимущественно на интеллигенцію, на учащуюся молодежь, на образованный классъ вообще». Но рабочіе въ настоящее время по своей малочисленности «могутъ быть только подспорьемъ революціи», «главной же ея поддержкой несомнѣнно является образованный классъ, интеллигенція. Этому взгляда придерживается большинство русскихъ революціонеровъ, если не на словахъ, то на практикѣ, начиная со старой Народной Воли и кончая ея позднѣйшими продолжателями, и въ этомъ мы вполне съ ними согласны. После крестьянства интеллигентный классъ несомнѣнно сильнѣйшій въ государствѣ. Интеллигенція командуетъ царской арміей и флотомъ... Интеллигенція дала Желябыха... и будетъ всегда давать имъ наследниковъ и продолжателей, потому что она — сердце націи... Наконецъ, эта же интеллигенція занимаетъ всѣ видныя мѣста и исправляетъ важнѣйшія общественныя функціи. Она владѣетъ прессой, сидитъ въ земствѣ и думѣ, занимаетъ университетскія кафедры. Интеллигенція — громадная сила въ странѣ. Движеніе далеко не распространилось на всѣ тѣ общественные слои, на поддержку которыхъ оно имѣетъ основаніе рассчитывать».

И выводъ отсюда — сближеніе революціонеровъ со всѣми этими общественными элементами для достиженія политической свободы, которая въ Россіи, конечно, осуществится лишь въ формѣ конституціонной монархіи.

Менѣе отчетливо, но та же мысль проводится и въ «Насущномъ вопросѣ» народоправцевъ.

«Только при ясномъ пониманіи ближайшихъ задачъ — говорится здѣсь — стоя на почвѣ реальныхъ интересовъ жизни, можно перевести центръ политической работы изъ замкнутаго круга учащейся молодежи... въ его естественное мѣсто, въ болѣе широкіе круги общества и народа». Народъ необходимъ для достиженія цѣли — говорится въ «Насущномъ вопросѣ». И, однако, тутъ же заявляется, что «не роковая ошибка революціонеровъ (т. е. народовольцевъ), какъ думаютъ благодушные либералы, и не косность народной массы, какъ утверждаютъ иные народники, — превратили выигранную битву въ сугубое пораженіе, а холопство, отсутствіе гражданскаго мужества... и политическая незрѣлость тогдашняго русскаго общества».

Резюме — надо воздѣйствовать на это незрѣлое общество, пропагандируя среди него свою исключительно политическую платформу.

Трудно, разумѣется, учесть въ настоящее время степень вліянія этой политической платформы на умы демократической интеллигенціи начала 90-хъ

годовъ, но можно, во всякомъ случаѣ, сказать, что къ ней пришла, продолжая субъективно оставаться социалистически-народнической, видная часть бывшихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, къ ней примкнуло все лѣвое крыло тогдашней журналистики, съ сотрудниками «Русскаго Богатства» во главѣ, и отъ нея же ведутъ свое политическое развитіе и многіе дѣятели послѣдующаго десятилѣтія, разбѣстившіеся позже по различнымъ партійнымъ организаціямъ. Стоитъ также отмѣтить, что написанное покойнымъ Богдановичемъ народоправческое credo («Насущный вопросъ») — по свидѣтельству Аптекмана ¹⁾ — было просмотрѣно Михайловскимъ и получило его санкцію. Какъ бы то ни было, — но если оставить въ сторонѣ немногіе пережитки стараго народовольчества и начальные побѣги марксизма въ Россіи, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, то не подлежитъ сомнѣнію, что первый періодъ предреволюціонной эпохи нашелъ свое крайнее и въ то же время типическое выраженіе именно въ данной идеологіи.

Это былъ тотъ идейный максимумъ, который могло дать политическое умонастроеніе демократической интеллигенціи — послѣ испытанныхъ ею поражений и до выступленія на историческую арену массоваго народнаго движенія. И этотъ же максимумъ съ чрезвычайной силой отразилъ на себѣ характеристическую черту того времени — его безнародность, которая была обща не только либерализму просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ, но и идеологіямъ демократической интеллигенціи всѣхъ видовъ — отъ аполитической ея части съ ея экономическимъ прожектерствомъ и вплоть до наиболее радикальной — съ ея народоправческой политикой.

Но при данныхъ историческихъ предпосылкахъ безнародность означала тушій фактическій и идейный, въ который уперлось движеніе. До извѣстнаго предѣла безысходность положенія могла прикрываться надеждами на инициативу ли, исходящую сверху, на историческую ли необходимость, которая заставитъ, на комбинированное давленіе всего общества въ цѣломъ на правительство, т. е. на силу того общества, которое въ сущности было незначительнымъ интеллигентскимъ меньшинствомъ различныхъ общественныхъ классовъ, продолжавшихъ оставаться въ состояніи политической аморфности. Но долженъ былъ — рано или поздно, — наконецъ, наступить тотъ критическій моментъ, когда скрѣпящаго вліянія всѣхъ этихъ иллюзорныхъ представленій оказалось недостаточнымъ, чтобы поддерживать далѣе подгнившее зданіе обветшалаго міровоззрѣнія. Либерализмъ получилъ — свою знаменательную реплику о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ», прожектерское народничество — свою систему Витте, народоправчество — свой разгромъ, доказавшій что у этого интеллигентскаго радикализма нѣтъ сколько нибудь жизненныхъ корней.

Становилось яснымъ, что этотъ тушій нельзя было изжить и его идейно преодолѣть, оставаясь въ рамкахъ старыхъ представленій. Старыя же представленія — это были представленія пріобрѣтающей все болѣе мелкобуржуазный характеръ крестьянско-помѣстной, аграрной Россіи, отстаивающей себя въ борьбѣ съ надвинувшимся капитализмомъ. И либерализмъ, и народничество, и конституціонный радикализмъ народоправцевъ одинаково оперировали съ тѣмъ соотношеніемъ силъ и съ тѣми возможностями, которыя могла дать имъ эта Россія.

¹⁾ См. Аптекманъ. Ст. «Партія Народнаго Права», «Былое», іюль 1907 г.

Чтобы выйти из тупика на просторъ накопившейся энергіи демократическихъ общественныхъ круговъ, надо было во что бы то ни стало прорвать порочный кругъ традиционныхъ категорій прежней концепціи, а для этой—своего рода—идейной революціи нужна была *точка опоры*, которая, эмансилируя отъ прошлаго, въ то же время раскрывала бы горизонты и для ближайшаго будущаго. Эта точка опоры была найдена въ томъ процессѣ капиталистическаго преобразованія Россіи, который именно въ тѣ годы справлялъ свои оргіи, и въ непосредственномъ продуктѣ этого процесса, промышленномъ пролетаріатѣ, который какъ разъ начиналъ свое движеніе. Перемѣщеніе вниманія къ новому идеологическому центру знаменовало собою начало новой эры въ предреволюціонной эпохѣ.

II. Предварительная работа Группы Освобожденія Труда. Гегемонія марксизма.

Идеологическій центръ періода, къ разсмотрѣнію котораго мы переходимъ, не былъ уже центромъ, общимъ для всего оппозиціонно-революціоннаго цѣлаго. Напротивъ того, поскольку онъ врывался въ это цѣлое, онъ его расщеплялъ, заставляя изъ него выдѣляться большинство дѣеспособныхъ элементовъ интеллигентской демократіи. Дружелюбно-сосѣдскія отношенія направлений предъидущаго періода растаяли, какъ дымъ. Ихъ смѣнила ожесточенная борьба двухъ укладовъ, двухъ сферъ притяженія: съ одной стороны,—циклъ идей, вращавшихся вокругъ кустарно-земледѣльческаго строя деревни, какъ центральной оси, и съ другой—идеологія города по преимуществу,—или точнѣе, идеологія тѣхъ изъ его элементовъ, которые, въ той или иной формѣ, ощутили свою связь съ идущимъ впередъ промышленнымъ развитіемъ Россіи. Это были элементы двоякаго рода: тѣ буржуазно-демократическіе элементы, во-первыхъ, въ представленіи которыхъ капиталистическое развитіе Россіи довлѣло себѣ, какъ нѣчто самоцѣльное, являясь въ то же время эмблемой ея политическаго освобожденія, и во-вторыхъ, тѣ социалистическіе элементы революціонно-настроенной интеллигенціи, которые сплетали судьбу свою съ судьбой пролетаріата.

Но и тѣ, и другіе вступали въ этотъ новый періодъ предреволюціонной эпохи подъ однимъ общимъ антинародническимъ знаменемъ, воспринимая или лишь слегка видоизмѣняя аргументацію, взятую цѣликомъ изъ арсенала революціоннаго русскаго марксизма, сложившагося еще въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, какъ результатъ взаимодействія умственной жизни социалистической Европы и разочарованія извѣстной части революціонныхъ народниковъ въ своихъ собственныхъ народническихъ взглядахъ.

Опредѣляя, такимъ образомъ, моментъ, мы сказали бы: борьба по всей линіи противъ изжитой идеологіи предъидущаго періода и недифференцированность, часто слитность теченій, по существу разнородныхъ, но объединенныхъ сознаніемъ, что изъ политическаго тупика, въ которомъ находилась Россія, выходъ—лишь на пути, который проложить массовое движеніе ея рабочаго класса. Это сознаніе создавало гегемонію марксизму, которая до поры до времени погашала или, по крайней мѣрѣ, затѣняла всѣ наличные и потенциально-возможные конфликты между данными теченіями. Но если въ этой борьбѣ съ

народничествомъ и въ этомъ расцвѣтѣ марксизма съ его буржуазно-демократическими спутниками и буржуазнымъ резонансомъ характеристическая особенность разсматриваемаго нами періода, то естественно, что мы концентрируемъ на этихъ явленіяхъ наше вниманіе, минуя тѣ варіаціи старыхъ мотивовъ, которыя представляла собою за тотъ же періодъ литература либеральнаго народничества и народничающаго либерализма.

Но эта борьба марксизма съ народничествомъ въ 90-хъ годахъ, какъ мы уже отмѣтили, воспроизводила въ существенныхъ чертахъ лишь тотъ споръ, который былъ поднятъ въ 83 году, заграницей, литературнымъ выступленіемъ социалдемократической «Группы Освобожденія Труда», и то оружіе, которымъ поражали марксисты теперь—въ легальной литературѣ—энигоновъ народничества, вроде В. В. и писателей изъ «Русскаго Богатства», было выковано еще тогда, когда Плехановъ въ изданіяхъ русскихъ социалдемократовъ подводилъ идейный итогъ революціонному движенію 70-хъ годовъ въ приснопамятной полемикѣ съ Тихомировымъ.

Вотъ почему, соблюдая перспективу, намъ приходится сдѣлать предварительно отступление въ прошлое—къ первоисточникамъ многихъ изъ тѣхъ тезисовъ, которые обращались давно въ революціонно-марксистскихъ кружкахъ, но всплыли на поверхность общественно-политической жизни только къ срединѣ 90-хъ годовъ, уже послѣ того какъ развернувшееся стачечное движеніе рабочаго класса приковало къ марксизму вниманіе широкихъ слоевъ демократической интеллигенціи, переживавшей какъ разъ въ то время критическій моментъ перелома въ своихъ общественныхъ взглядахъ.

Можно сказать: если марксизмъ 90-хъ годовъ представлялъ собою сложную реакцію *различныхъ группъ демократіи* противъ тѣхъ идеологическихъ чертъ предъидущаго періода, съ которыми ассоціировалось представление о политическомъ безсиліи этого періода, непосредственно примыкавшаго къ эпохѣ полнѣйшей общественной депрессіи, то марксизмъ Группы Освобожденія Труда явился отвѣтомъ на тотъ проклятый вопросъ—что дѣлать?—который былъ поставленъ передъ *революціонно-соціалистической интеллигенціей* крушеніемъ героическаго движенія народниковъ и народовольцевъ. Но это былъ отвѣтъ, для своего времени заведомо обреченный на изолированность, ибо отвѣтъ, дававшійся тогда быстро падавшимъ политическимъ настроеніемъ эпохи, не только не шелъ на встрѣчу задачамъ, выдвигавшимся идеологіей русской социалдемократіи, а, наоборотъ, ликвидировалъ революціонное прошлое отказомъ и отъ социализма, и отъ революціонной борьбы, постепенно пропитывая рѣдѣвшіе ряды революціонно-соціалистической интеллигенціи идейными мотивами упадка.

Нужны были исключительныя условія, нужна была, быть можетъ, вся экзотичность эмиграціи, нужны были «годы пребыванія заграницей и внимательнаго изученія соціальнаго вопроса», о которыхъ говоритъ Плехановъ въ предисловіи къ брошюрѣ «Соціализмъ и Политическая борьба», чтобы, исходя изъ *практическихъ потребностей* революціонно-соціалистическаго движенія, произвести тотъ анализъ общественнаго развитія и наличныхъ общественныхъ

силъ и сдѣлать ту постановку политической задачи, которые выполнилъ русскій марксизмъ въ своихъ первыхъ же работахъ.

А практическія потребности этого движенія говорили о томъ, что политическая борьба есть неизбежный выводъ изъ революціоннаго опыта и что этотъ выводъ находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ основными предпосылками народничества.

Въ самомъ дѣлѣ: революціонное народничество, это значило—точка зрѣнія антигосударственности, вѣра въ самобытное развитіе Россіи, въ общинно-артельные устои ея крестьянскаго строя, прирожденную социалистичность крестьянства—этой единственной гарантіи осуществимости социалистическихъ идеаловъ народниковъ. Стоя на почвѣ этихъ взглядовъ, естественно было первымъ и послѣднимъ параграфомъ своей практической программы признать—помощь народу въ его антигосударственной борьбѣ, которая завершится непосредственно крушеніемъ государственной власти и наступленіемъ эры социальной свободы и экономического равенства. Съ этой точки зрѣнія, какъ и съ точки зрѣнія бланкистовъ и послѣдователей Лавровскаго «Впередъ», правовой строй, который могъ бы явиться въ результатъ борьбы за политическую свободу, былъ столь же ненавистенъ въ своемъ качествѣ буржуазнаго грѣхопаденія, открывающаго двери капиталистическому развитію и тѣмъ самымъ отдаляющаго торжество социалистическаго идеала, сколь ненавистенъ и всякій экономическій прогрессъ, разлагающій крестьянскіе устои.

Ясно, эта теорія стояла на пути тому насыщенію «политикой» революціонно-социалистическаго движенія, которое шло, непрерывно усиливаясь и, наконецъ, въ народовольчествѣ вступило въ непосредственный конфликтъ съ исходными положеніями движенія. «Ходъ вещей» обогналъ «ходъ идей», но несоотвѣстныя между ними приводило народовольчество не къ отказу отъ старой теоріи, а къ тому взаимоприспособленію теоріи и практики, которое нашло свой выходъ въ построеніи фикцій вродѣ теоріи захвата власти или извѣстнаго «пророчества о томъ, что въ будущемъ русскомъ учредительномъ собраніи 90% депутатовъ явятся сторонниками социалистической революціи» ¹⁾.

«Народная Воля», говорилъ Плехановъ, нанесла «своей практической дѣятельностью смертельный ударъ всѣмъ традиціямъ правовѣрнаго народничества». Но только путемъ радикальнаго пересмотра своихъ теоретическихъ и въ своемъ существѣ—народническихъ взглядовъ она можетъ правильно поставить свою политическую цѣль и опредѣлить свою партійную задачу. А политическая—и «единственная, не фантастическая», цѣль, стоявшая, по мнѣнію Плеханова, передъ русскими социалистами, заключалась въ «завоеваніи свободныхъ политическихъ учрежденій, съ одной стороны, и выработкѣ элементовъ для образованія будущей рабочей социалистической партіи Россіи—съ другой» ²⁾. Русскіе социалисты «должны выставить, писалъ онъ, требованіе демократической конституціи, которая, вмѣстѣ съ «правами человека», обезпечила бы рабочимъ «права гражданина» и дала бы имъ, путемъ всеобщаго избирательнаго права, возможность

¹⁾ Плехановъ, „Соціал. и Политич. борьба“, стр. 22 и др.

²⁾ Ibid., стр. 68.

активного участія въ политической жизни страны. Не пугая никого далекимъ пока «краснымъ призракомъ», такая политическая программа вызвала бы къ нашей революціонной партіи сочувствіе всѣхъ, не принадлежащихъ къ систематическимъ противникамъ демократіи; вмѣстѣ съ социалистами подъ ней могли бы подписаться очень многіе представители нашего либерализма. И между тѣмъ, какъ захватъ власти той или другой тайной революціонной организаціей всегда останется лишь дѣломъ этой организаціи.... агитація въ пользу названной программы была бы дѣломъ всего русскаго общества, въ которомъ она усиливала бы сознательное стремленіе къ политическому освобожденію» ¹⁾.

И въ другомъ мѣстѣ: «связывать въ одно два такихъ существенно различныхъ дѣла, какъ низверженіе абсолютизма и социалистическая революція, вести революціонную борьбу съ расчетомъ на то, что эти моменты общественнаго развитія *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества—*значитъ отдалять наступленіе и того, и другого*».

Такъ, въ первомъ же произведеніи русскаго марксизма, политическое преобразование Россіи отдѣлялось по времени отъ социалистическаго переворота. Это была точка зрѣнія, чреватая большими практическими послѣдствіями; послѣдствіями, которыя должны были измѣнить политическую позицію социалистовъ въ ряду другихъ направленій и группъ. Но эта точка зрѣнія уже предполагала доказаннымъ все рѣшающее значеніе политической борьбы для приближенія и осуществленія социалистическаго строя и, стало быть, опровергнутымъ—аполитицизмъ народниковъ, стоявшій въ непосредственной связи съ «прудоновско-бакунистскимъ ученіемъ о государствѣ». Поэтому, русскій марксизмъ, опираясь на политическій примѣръ европейскаго пролетаріата, аргументируя исторіей всѣхъ классовъ, дѣлавшихъ политическую борьбу орудіемъ для достиженія своихъ социально-экономическихъ цѣлей, какъ и въ соответствии съ общими положеніями доктрины научнаго социализма, началъ съ утвержденія тезиса, гласящаго, что политическая борьба есть необходимое средство соціального переустройства и что эта борьба есть политическая борьба пролетаріата, слагающагося въ самостоятельную рабочую социалистическую партію.

Этотъ тезисъ, въ свою очередь, однако, опирался ^{на} въ ту общую концепцію современнаго общественнаго развитія, согласно которой возникновеніе, ростъ и побѣда пролетарскаго движенія, а, слѣдовательно—и социализма, находятся въ непосредственной связи съ развитіемъ капитализма.

Передъ марксистскимъ анализомъ вставала, такимъ образомъ, и другая, подлежащая рѣшенію, предпосылка политической проблемы—вопросъ о капиталистическомъ развитіи Россіи. Это былъ центральный вопросъ. Съ тѣмъ или другимъ его рѣшеніемъ держалась или падала, какъ основа народничества, такъ и его производная—народовольческая концепція предстоящей революціи.

Рѣшеніе его намѣчалось уже въ брошюрѣ «Социализмъ и Политическая борьба». Обстоятельный отвѣтъ былъ данъ въ «Нашихъ разногласіяхъ» Плеханова.

Развивается ли капитализмъ и существуютъ ли въ Россіи вообще предпо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 69.

силки для его развитія? Тихоміровъ вслѣдъ за В. В. утверждалъ, что таковыхъ не имѣется, что въ Россіи нѣтъ тѣхъ громаднхъ рынковъ, которые были у западно-европейскаго капитала, а есть, наоборотъ, непосильная для русской промышленности конкуренція европейскаго и американскаго производства.

Но и въ западной Европѣ въ свое время, говорилъ Плехановъ, «частный предприниматель вовсе не имѣлъ передъ собою громаднхъ рынковъ. Буржуазія создала рынки, а не застала ихъ готовыми». А затѣмъ: «когда развитіе промышленности доходило въ одной изъ этихъ (зап.-европ.) странъ до известной степени интенсивности, когда представители капитала достигали такой силы и такого вліянія, что могли дѣлать законодательство орудіемъ своихъ цѣлей», оказывалось, что «частный предприниматель въ каждомъ начинаніи встрѣчаетъ «непосильную конкуренцію» со стороны сосѣднихъ странъ» ¹⁾. И тогда начиналась эра усиленнаго покровительства промышленности, свидѣтельствующая о томъ, что дѣлались величайшія усилія не только для пріобрѣтенія внѣшнихъ, но и для отстраненія внутренняго рынка. Но кромѣ того, вѣдь капиталистически-отсталыя страны могутъ, до известнаго предѣла, развиваться, и опираясь и на одинъ лишь внутренній рынокъ и «переходъ всякой страны отъ натурального хозяйства къ денежному необходимо сопровождается огромнымъ расширеніемъ ея внутренняго рынка» ²⁾.

Факты же русской дѣйствительности краснорѣчиво говорятъ о прогрессѣ фабрично-заводской промышленности, объ усиленіи денежнаго обращенія, о ростѣ кредитныхъ операцій, какъ и всего капиталистическаго накопленія вообще. Соответственно этому и вопреки мнѣнію народниковъ, число наемныхъ рабочихъ въ странѣ не представляетъ застывшей величины, а, наоборотъ, непрерывно увеличивается; и къ той же арміи капитала относится и значительная часть кустарей. Въ кустарной промышленности вообще наблюдаются различныя процессы, содержаніе которыхъ все сводится къ подчиненію производителя торгово-промышленному капиталу. Да и самое распространеніе кустарничества, которымъ нерѣдко пародируютъ народники, имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, при современныхъ условіяхъ, упадокъ и разложеніе старыхъ «устоевъ». Община разлагается, передѣлы становятся рѣже, все сильнѣе дифференцируется среднее крестьянство на богатыхъ и бѣдныхъ, т. е. создаются двѣ противоположности, заинтересованныя обѣ въ замѣнѣ «мірскаго владѣнія» «подворно-наслѣдственнымъ», и все болѣе крупный процентъ крестьянъ переноситъ средоточіе своихъ интересовъ за предѣлы общины, продолжая ощущать свою связь съ землей лишь какъ налоговую тяготу ³⁾.

Неумѣстенъ, поэтому, вопросъ: пройдетъ ли черезъ школу капитализма Россія — ибо она въ этой школѣ уже находится. «За капитализмъ вся динамика нашей жизни»... «Противъ капитализма лишь болѣе или менѣе сомнительные интересы нѣкоторой части крестьянства, да та сила инерціи, которая, по вре-

¹⁾ «Наши разногласія», стр. 153.

²⁾ Тамъ же, стр. 154.

³⁾ Ibid., стр. 161 и далѣе.

менамъ, такъ больно дасть себя чувствовать развитымъ людямъ всякой отсталой земледѣльской страны ¹⁾»...

Вмѣстѣ же съ паденіемъ традиціоннаго представленія объ экономической самобытности Россіи падала, какъ мы уже замѣтили, и народовольческая концепція предстоящей Россіи революціи. Въ самомъ дѣлѣ, концепція самобытнаго экономического развитія, создавая идеализацію крестьянства, давала въ свое время опору для работы въ народѣ аполитическому народничеству. Но, отираясь отъ той же концепціи, отказавшееся отъ дѣятельности въ народной средѣ народовольчество приходило къ обоснованію своей заговорнической дѣятельности: если русскій народъ уже готовъ для социальной революціи, его нечего пропагандировать, надо только своею разрушительной дѣятельностью устранить ту правительственную власть, которая является единственной помѣхой революціи. А это тѣмъ болѣе возможно, что «между страдающимъ народомъ и угнетающимъ его государствомъ у насъ нѣтъ никакого средняго сословія», нѣтъ буржуазіи. ²⁾

Марксизмъ до основанія разрушалъ этотъ бланкизмъ на русской подкладкѣ, этотъ «помолодѣвшій ткачевизмъ», какъ называлъ его Плехановъ. Въ измѣнившейся концепціи экономического развитія Россіи не было уже болѣе мѣста для соотношенія силъ, ложившагося въ основаніе расчетовъ народовольчества, но было мѣсто—и центральное мѣсто—для растущаго пролетаріата и его классовой борьбы—съ коммунистической революціей въ качествѣ конечной цѣли—съ ролью освободителя *par excellence* въ ближайшей борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи. Съ точки зрѣнія марксизма, только рабочій классъ можетъ взять на себя «иниціативу коммунистическаго движенія, и только рабочій классъ можетъ выполнить въ Россіи ликвидацію существующаго стараго режима. Правда: «широкое рабочее движеніе предполагаетъ хоть временное торжество въ данной странѣ хоть отчасти только свободныхъ учреждений. Но завоевать эти учрежденія, въ свою очередь, невозможно безъ политической поддержки наиболѣе передовыхъ слоевъ народа. Гдѣ же выходъ? Западно-европейская исторія разрывала этотъ заколдованный кругъ путемъ медленнаго политическаго воспитанія рабочаго класса». ³⁾

Ясно, что въ соотвѣтствіи съ этимъ, передъ русскими социалистами вставала задача—не утопическая задача захвата власти революціоннымъ комитетомъ, ибо никакой исполнительный или другой комитетъ, говорилъ Плехановъ, не можетъ, точно адвокатъ кліента на судѣ, представлять рабочаго класса въ исторіи,—а задача содѣйствія образованію и созданію рабочей социалистической партіи. И если рабочій классъ, что несомнѣнно, очень важенъ для революціи, то съ другой стороны, социалистамъ необходимо подумать о томъ, чтобы революція была полезна для трудящагося населенія страны. А въ этомъ отношеніи можно съ увѣренностью сказать: «рабочій классъ извлечетъ тѣмъ большую пользу изъ своей политической борьбы, чѣмъ яснѣе будетъ для него связь между его экономическими нуждами и политическими правами. Въ «западно-европейскихъ странахъ»

¹⁾ «Наши разногласія», стр. 203.

²⁾ Ibid., см. главу: «Характеръ предстоящей революціи», стр. 215, 217 и др.

³⁾ Ibid., стр. 294.

пролетариатъ очень часто боролся противъ абсолютизма подъ знаменемъ и подъ верховнымъ руководствомъ буржуазіи. У насъ въ Россіи «общество» лишено такого вліянія на рабочій классъ, и благодаря этому обстоятельству тѣмъ легче задача социалистовъ. Они должны указать рабочимъ ихъ собственное, рабочее знамя, дать имъ вожаковъ изъ ихъ собственной рабочей среды, короче, должны позаботиться о томъ, чтобы не буржуазное «общество», а тайныя рабочія организаціи приобрѣли господствующее вліяніе на умы рабочихъ. Этимъ въ значительной степени ускорится образованіе и ростъ русской рабочей социалистической партіи, которая сумѣетъ завоевать себѣ почетное мѣсто среди другихъ партій, послѣ того какъ она еще въ пеленкахъ способствовала паденію абсолютизма и торжеству политической свободы» ¹⁾. Русскимъ социалистамъ «нужно только проиникнуться принципами современной социальной демократіи, и, не ограничиваясь политической пропагандой, постоянно внушать своимъ слушателямъ, что «экономическое освобожденіе есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе подчинено, какъ средство». Усвоивши эту мысль, нашъ рабочій классъ самъ уже сумѣетъ пройти между Сциллой и Харибдой, между политической реакціей государственнаго социализма и экономическимъ шарлатанствомъ либеральной буржуазіи»... ²⁾

Такова была въ общемъ линія движенія мысли революціоннаго русскаго марксизма. Отъ политической проблемы, подлежащей согласованію съ проблемой социализма, черезъ критику «экономики» народничества и «политики» народо-вольчества къ комплексу идей, явившемуся базисомъ, на основѣ котораго воздвигались затѣмъ всѣ дальнѣйшія построенія русскаго марксизма. Эти построенія въ своемъ существѣ уже только конкретизировали, развивали и примѣняли въ деталяхъ ту общую точку зрѣнія на социально-экономическое развитіе Россіи и вытекавшія изъ него для социалистовъ политическія задачи, которая сложилась въ этомъ первичномъ фазисѣ формированія революціоннаго марксизма.

Но эта послѣдующая работа революціоннаго марксизма происходила уже въ атмосферѣ, существенно отличной отъ той, которая окружала марксизмъ въ моментъ его зарожденія. Если въ своемъ первомъ фазисѣ марксизмъ развивался въ борьбѣ съ революціоннымъ утопизмомъ народо-вольчества, то въ позднѣйшемъ ему приходилось бороться въ первую голову съ конституціоннымъ утопизмомъ россійскаго либерализма, все болѣе и болѣе становившагося въ то время камертономъ и для народничества, потерявшаго вѣру въ народъ и приобрѣтавшаго отчетливо выраженный мелкобуржуазный характеръ, и для народо-вольчества, въ своихъ литературныхъ заявленіяхъ того времени проявлявшаго неукоснительное движеніе вправо.

Это былъ знаменательный моментъ, когда ренегатство Тихомірова было такимъ же почти симптоматическимъ явленіемъ, какъ и проповѣдь забвенія социалистами своихъ социалистическихъ задачъ во имя интересовъ сближенія съ «обществомъ» со стороны органовъ типа женевской «Свободной Россіи». Тогда-то марксизмъ подошелъ вплотную къ такимъ характернымъ для русскихъ идеологій понятіямъ, какъ «общество», «интеллигенція».

¹⁾ «Наша разногласія», стр. 297.

²⁾ Ibid., стр. 298.

Уже полемика съ идеями Народной Воли представляла собою протестъ марксизма противъ попытки инициативу народа замѣнить инициативой революціонной интеллигенціи. Интеллигенція безсильна сама по себѣ совершить не только коммунистическую революцію, но и ближайшее освобожденіе Россіи отъ власти абсолютнаго режима. Русская интеллигенція, говорилъ Плехановъ, являясь плодомъ Петровскаго переворота, т. е. прививки европейскихъ понятій русскому обществу, была «умной ненужностью», по выраженію Герцена, или слоемъ «лишнихъ людей» до тѣхъ поръ, пока она существовала «на социальной основѣ, восходящей чуть ли не къ одинадцатому столѣтію». Только «съ разрушеніемъ старой экономической основы русскихъ общественныхъ отношеній, съ появленіемъ у насъ рабочаго класса измѣняется положеніе интеллигенціи»... Только найдя въ рабочихъ «народъ» и неся къ нимъ знаніе, «наши революціонеры изъ «интеллигенціи» могутъ стать могучимъ факторомъ общественнаго развитія, они, которые нерѣдко въ полномъ отчаяніи опускали руки, напрасно мѣняя программу за программой»... ¹⁾ И они тогда будутъ дѣлать то единственное историческое дѣло, которое они могутъ сдѣлать и сдѣлать должны и которое въ эпохи буржуазныхъ революцій всегда дѣлали революціонеры изъ буржуазной среды—добавляла съ своей стороны В. И. Засуличъ. «Въ этомъ посредничествѣ, писала она, между революціонной мыслью и революціоннымъ классомъ, между наукой и рабочими, заключалась вся историческая задача революціонныхъ элементовъ образованнаго общества въ Европѣ». ²⁾ И наоборотъ: наши революціонеры изъ интеллигенціи сведутъ себя на нѣтъ и безрезультатно «изчезнутъ», «не усиливши этимъ, вдобавокъ, ни на волосъ партіи мирныхъ конституціоналистовъ», если, согласно совѣтамъ публицистовъ «Свободной Россіи» (Драгоманова, Бурцева, Дебагорія-Мокріевича), обратятъ свои усилія на «общество», въ надеждѣ на его исправленіе ³⁾.

Да и велики ли «шансы побѣды общества надъ правительствомъ?»—спрашивалъ Плехановъ. «Что понимается обыкновенно подъ словомъ общество?.. Во-первыхъ, очевидно, не люди народа, а люди высшихъ и среднихъ классовъ, а во-вторыхъ—люди, обладающіе хоть какою нибудь долею образованія, люди, умственный горизонтъ которыхъ выходитъ за предѣлы ихъ личныхъ интересовъ. Много ли такихъ людей въ Россіи? И могутъ ли эти люди побѣдить правительство одними только своими силами. Возьмите исторію Франціи, припомните исторію Германіи. Кто сражался на баррикадахъ въ іюль 1830 г., общество или народъ? Кто сломилъ монархію Луи Филиппа, рабочій классъ или буржуазія?.. Изъ всѣхъ слоевъ, составляющихъ такъ называемое общество или находящихся въ близкой родственной связи съ ними, только студенчество, да такъ называемая богема (то же, что нашъ братъ нигилистъ) имѣли мужество становиться лицомъ къ лицу съ вооруженной силою правительства»... «Всѣ революціонныя попытки нѣмецкой молодежи кончались полнѣйшей неудачей, вся оппозиція такъ называемаго общества не приводила ни къ чему до тѣхъ поръ, пока не проснулось городское рабочее населеніе. Это значитъ, что общество безсильно безъ поддержки

¹⁾ Плехановъ „Горе г. Тихомірова“, стр. 41.

²⁾ В. И. Засуличъ. Ст. „Революціонеры изъ буржуазной среды“. Соціалъ-демократъ № 1. 1890 г. Перепеч. въ Сборникѣ статей. Т. I, стр. 51.

³⁾ Ibidem, стр. 43.

народа или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе развитой, наиболѣе революціонной части народа—т. е. рабочихъ»... Отсюда съ совершенной очевидностью явствуетъ, что «приглашая социалистовъ оставить на время всякую мысль о пропагандѣ въ рабочей средѣ, наши либералы обнаруживаютъ полное непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ. Политическая свобода будетъ завоевана рабочимъ классомъ или ея совѣтъ не будетъ» ¹⁾.

Когда то русскіе социалисты-народники думали, что социалистическую революцію легче сдѣлать въ Россіи, чѣмъ на Западѣ. Теперь же конституціоналисты полагаютъ, что «Россія добьется политической свободы съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ добились ея западно-европейскія государства. Кажется, русское правительство до сихъ поръ не давало повода до такой степени лестно думать объ его уступчивости»... Оно, конечно, уступило бы, но уступило бы только тогда, когда почувствовало бы за противниками абсолютизма идущую народную массу ²⁾.

На что рассчитываютъ конституціоналисты? В. П. Засуличъ пронизировала надъ тѣмъ, что положительная часть практической программы Драгоманова сводится «къ безконечной и безграничной подачѣ прошеній»... Они надѣются на такъ называемую «силу общественнаго мнѣнія» или же на международныя, финансовыя затрудненія. Вообще говоря—замѣчалъ Плехановъ—нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что такія событія принесутъ Россіи конституцію. Но это будетъ конституція на манеръ турецкой. «Правительство дастъ Земскому Собору время уплатить государственныя долги и найти новые источники обложенія, а затѣмъ въ наше Національное Собраніе явится будочникъ Мымрецовъ и провозгласитъ: «пожалуйте вонъ, господа депутаты»... Кто можетъ помѣшать такой расправѣ? Неправда ли, городскіе рабочіе и только рабочіе» ³⁾...

Возражая марксистамъ, указываютъ на крестьянскій, земледѣльческій характеръ Россіи, на «мужика», являющагося «несокрушимой плотиною», о которую должны разбиться всѣ волны западно-европейскаго рабочаго движенія. Но если бы правы были тѣ, кто дѣлаютъ эти возраженія, то въ такомъ случаѣ, правда, «наше дѣло» стало бы «безнадежнымъ», но вмѣстѣ съ этимъ, и при томъ въ гораздо большей степени, обнаружилась бы «безнадежность и вашего дѣла», говорилъ Плехановъ, обращаясь къ конституціоналистамъ. «Если русскій крестьянинъ неспособенъ увлечься соц.-демокр. программой, то еще меньше способенъ онъ проникнуться сознаніемъ прелестей политической свободы»....

Только разложеніе патріархальнаго быта крестьянства и развитіе городского населенія даютъ «смыслъ и оправданіе... конституціонализму... и еще большій смыслъ социаль-демократическому движенію»... ⁴⁾.

Тѣ же, кто не видятъ этого процесса экономическаго перерожденія Россіи, должны бы «признать, что всякіе толки о конституціи представляютъ собою переливаніе изъ пустого въ порожнее. Въ такомъ случаѣ правы наши охранители,

¹⁾ Соціалъ-демократъ. Женева, 1888 г. Плехановъ (за подписью Симплицис-симусъ) „Какъ добиваться конституціи“, стр. 7—9. Ср. также рѣчь Плеханова на международномъ социалист. конгрессѣ въ Парижѣ въ 1889 г.

²⁾ Ibid., стр. 10.

³⁾ Ibid., стр. 13.

⁴⁾ Ibid., стр. 13—15 и пр.

которые на всё голоса кричатъ, что конституціонный режимъ противорѣчитъ духу русскаго народа». Онъ, дѣйствительно, противорѣчитъ тѣмъ исконнымъ, «устоямъ» народнаго быта, которые съ каждымъ днемъ разрушаются. Вотъ почему такъ часто возвращался Плехановъ—и во внутреннихъ обзорѣніяхъ Соціалъ-Демократа, и въ статьяхъ о Глѣбѣ Успенскомъ и Каронинѣ, и по другимъ разнымъ поводамъ—къ этой темѣ—объ европеизаціи Россіи, объ исчезновеніи того «силошного» быта, той «власти земли», которая въ социальномъ-политическомъ отношеніи органически сплетены съ нашимъ старымъ режимомъ.

Но если марксисты такъ рѣзко отрицательно относятся къ конституціоннымъ иллюзіямъ либерализма, то это не значитъ, однако, чтобы они считали «безполезной борьбу высшихъ и среднихъ классовъ противъ правительства». Наоборотъ, они первые «привѣтствовали бы начало такой борьбы», понимая «все ея возможное значеніе», но понимая въ то же время, что «это возможное значеніе не станетъ дѣйствительнымъ до тѣхъ поръ, пока рядомъ съ движеніемъ въ обществѣ не начнется движеніе въ рабочей средѣ» ¹⁾.

Поэтому, когда надвинулось вмѣстѣ съ голоднымъ 1891-мъ годомъ «всероссійское раззореніе», и, казалось, наступалъ моментъ политическаго кризиса, Плехановъ пишетъ статью, въ которой заявляетъ: «Всѣ тѣ честные русскіе люди, которые не принадлежатъ къ міру дѣльцевъ, кулаковъ и русскихъ чиновниковъ, не ищутъ своей личной пользы въ бѣдствіи народа, должны немедленно начать агитацію въ пользу созванія Земскаго Собора, долженствующаго сыграть роль учредительнаго собранія, т. е. положить основы новаго общественнаго порядка въ Россіи»... Конечно, разногласія между партіями будутъ, но... «пусть каждая партія и каждая фракція дѣлаетъ дѣло, подсказываемое ей ея программой. Результатомъ разнородныхъ усилій явится новый общественно-политическій строй, который, во всякомъ случаѣ, будетъ большимъ пріобрѣтеніемъ для всѣхъ партій, кромѣ достаточно уже опозорившейся партіи кнута и палки» ²⁾.

Въ отвѣтъ же на высказанныя по этому поводу обвиненія въ томъ, что такая постановка вопроса равносильна отказу отъ классовой борьбы, Плехановъ напоминаетъ извѣстное положеніе Манифеста Коммунистической партіи о томъ, что коммунисты «повсюду поддерживаютъ всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній», и что «въ Германіи коммунистическая партія (соціалъ-демократы того времени) идетъ рядомъ съ буржуазіей въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, противъ феодальной собственности и мелкаго мѣщанства. Но ни на минуту не перестаетъ она вырабатывать въ умахъ рабочихъ сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата», и, слѣдовательно, никогда—даже «на время»—не «отказывается отъ социализма». Мы будемъ «желательными и сильными союзниками другихъ, болѣе или менѣе революціонныхъ, партій»—писалъ онъ—лишь въ той мѣрѣ, въ какой «сумѣемъ распространить среди русскаго пролетаріата наши соціалъ-демократическія идеи. Мы не только не хотимъ раствориться въ какой нибудь другой партіи, но, напротивъ, думаемъ, что русскіе соціалъ-демо-

¹⁾ „Соціалъ-демократъ“ 1888, ст. Плехан. „Какъ добывается конституція“ стр. 26—27.

²⁾ Соціалъ-демократъ, кн. IV, 1892 г. ст. Плеханова „Всероссійское раззореніе“, стр. 101.

краты должны и очень легко могут собрать вокруг своего знамени все те слои русского населения, самое положение которых заставляет их колебаться между буржуазией и пролетариатом. Так, например, демократические элементы «общества», стремящиеся к политической свободе, невольно пойдут за социальной демократией, если только она явится — а она обязана явиться — самой смелой, самой решительной и самой требовательной сторонницей политической свободы»¹⁾.

Точно также и крестьянство, во главе своего большинства, т. е. бедного крестьянства — не говоря уже про сельский пролетариат — пойдёт за социальными демократами, если только социаль-демократы сумеют по отношению к крестьянству занять правильную позицию.

В крестьянском вопросе ближайшие экономические требования социаль-демократов в одно и то же время «и определены, и неопределены». В них нет определенности — «мелкобуржуазных панацей». Социаль-демократы «говорят народной массе»: «бери все, что сможешь взять в каждое данное время». «Это, конечно, неопределенно, потому что нельзя сказать наперед, что же именно может взять народ в такое-то именно время. Но с другой стороны это вполне определено: не довольствоваться никакими уступками со стороны высших классов; всегда ставить перед народом максимум тех революционных требований, — до которых он дорос в настоящее время»²⁾. «Мы не будем с уверенностью предсказывать — говорит далее Плеханов — на каких началах состоится это «возстановление крестьянского хозяйства», которое осуществлено будет Земским Собором, «хотя верно всего, что прав Энгельс, думающий, что крестьянские земли перейдут в руки новой буржуазии, но не менее верно и то, что в разгар революционного движения у крестьян может явиться желание придать делу другой оборот: обеспечить себе настоящую, а не на бумаге только фигурирующую поземельную собственность. И мы непременно будем поддерживать крестьян в таком их намерении. Мы постараемся повести их дальше, вплоть до экспроприации крупных землевладельцев. А что из этого выйдет? Выхдет могучее революционное движение, отстраниться от которого значило бы изменить принципам социализма»³⁾.

Мы видим, таким образом, — и эту точку зрения марксизм занимает с первого же момента своего появления в русской общественной жизни — что социаль-демократия в представлении марксизма отнюдь не является изолированной, стоящей в борьбе за политическое освобождение России; нет, одни элементы непосредственно следуют за ней, к другим же — идущим за либерализмом — она находится в отношении союзника. Либерализм и социаль-демократия — единственные два «направления», которые, по мнению Плеханова, могут рассчитывать в России на будущее. Каковы же общественные элементы либерализма? Известная часть буржуазии и ее идеолог — либеральная интеллигенция — отвечает Плеханов на страницах журнала «Социаль-демократ», исключая из своих расчетов элементы дворянства, от которого — говорит он —

¹⁾ Плеханов «О задачах рус. социалистов в борьбе с голодом», рус. изд. 1906 г., стр. 71.

²⁾ Там же, стр. 73—74.

³⁾ Там же, стр. 82.

«можно ожидать теперь главным образом лишь выпрашивания денежных подачек у правительства» ¹⁾).

Но идеологъ буржуазіи, либеральная интеллигенція, окрашена въ народнический цвѣтъ и «предпочитаетъ процвѣтаніе знаменитыхъ «крестьянскихъ устоевъ» торжеству буржуазной экономической свободы». Получается своеобразное положеніе: «буржуазная интеллигенція поноситъ ту самую буржуазію, господство которой она подготавливаетъ всѣми своими дѣйствіями» ²⁾).

Это, однако, то же самое явленіе переживанія буржуазной интеллигенціей, «еще не успѣвшей познать самое себя», «романтическаго періода своего развитія», который проходила буржуазная интеллигенція всѣхъ странъ,—конфликтъ между «буржуа-дѣльцомъ» и «буржуа-идеологомъ».

Что же касается буржуазіи «дѣловой», то ея либерализмъ—пока что—есть дѣло того будущаго, которое наступитъ или—должно наступить. «Нѣжность всероссійскаго купечества» къ старому режиму «безъ слѣда исчезнетъ въ тотъ день, когда оно увидитъ, что существующій теперь политическій порядокъ, когда-то очень полезный и даже прямо необходимый для него, сдѣлался источникомъ его раззоренія. Этотъ день уже недалекъ отъ насъ» ³⁾. И тогда «несомнѣнно, что ей придется заговорить о реформахъ, а разъ заговоривъ о нихъ, она по необходимости станетъ въ оппозиціонное отношеніе къ существующему теперь политическому порядку» ⁴⁾.

Уже позже, во второй половинѣ 90-хъ годовъ П. Б. Аксельродъ, въ его извѣстной работѣ «Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и социалистической демократіи въ Россіи» ⁵⁾, пришлось учесть характерные для историческаго момента 90-хъ годовъ процессы, съ одной стороны — процессъ сближенія извѣстныхъ круговъ промышленной буржуазіи съ правительствомъ, и съ другой—процессъ медленнаго нарастанія оппозиціоннаго настроенія вокругъ органовъ земства.

«Въ то время, какъ за нашей крупной промышленностью—писалъ Аксельродъ—обезпеченъ огромный національный рынокъ, защищенный противъ иностранной конкуренціи высокими пошлинами, нашему отсталому сельскому хозяйству приходится вести тяжелую борьбу съ мощными соперниками на международномъ рынкѣ»... Русскимъ землевладѣльцамъ «приходится, поэтому, изо дня въ день на собственной шкурѣ испытывать противорѣчіе, возникшее между новыми экономическими условіями существованія Россіи—результатами капиталистическаго развитія—и ея отсталой культурой и устарѣвшими правовыми отношеніями. Крупное землевладѣніе заинтересовано въ болѣе быстромъ промышленномъ развитіи Россіи. Такимъ образомъ, взаимное положеніе классовъ оказывается какъ разъ обратнымъ тому, какимъ оно было во Франціи и въ Германіи въ соотвѣтствующія эпохи. Тамъ оппозиція противъ монархіи разгоралась на почвѣ

¹⁾ „Соціалъ-демокр. Женева 1890 г.

²⁾ Ibidem, стр. 69.

³⁾ Ibidem, стр. 31.

⁴⁾ Ibidem, стр. 33.

⁵⁾ Первоначально она появилась статьями въ Neue Zeit, отдѣльной же брошюрой вышла въ Женевѣ въ 98 г.

общаго антагонизма народныхъ массъ, интеллигенціи и торгово-промышленныхъ классовъ противъ привилегированныхъ сословій. Въ Россіи же, въ которой нѣтъ такихъ сильныхъ сословій, почвой, на которой зарождается сталкиваніе между капиталистическимъ развитіемъ и абсолютизмомъ, является общая ненависть земельного дворянства, интеллигенціи и пролетаризирующихся народныхъ массъ къ экономически господствующему классу капиталистовъ». И хотя, конечно, «сословный антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками продолжаетъ существовать и «часть послѣднихъ ищетъ своего спасенія въ милостяхъ» правительства, но—заключаетъ Аксельродъ—«руководящая роль въ этомъ сословіи все же принадлежитъ, главнымъ образомъ, наиболѣе дальновиднымъ и прогрессивнымъ его элементамъ, проникнутымъ духомъ современнаго капитализма. Они обыкновенно руководятъ земствами и направляютъ земскую политику по отношенію къ правительству и народу» ¹⁾.

Мы опять, такимъ образомъ, подошли къ этой эпохѣ, отъ исторіи которой на время уклонились для характеристики идейнаго наслѣдства, полученнаго марксизмомъ того времени отъ предшествовавшей ему десятилѣтней работы Группы Освобожденія труда.

Резюмируя, мы скажемъ: марксизмъ 90-хъ годовъ принялъ въ наслѣдство разработанную въ своихъ основаніяхъ проблему экономического развитія Россіи и въ соответствии съ нимъ поставленную проблему ея политическаго освобожденія. Соціализмъ и политическая борьба, пролетаріатъ, какъ движущая сила революціи, и социалистическая интеллигенція, приобретающая значеніе лишь постольку, поскольку она связываетъ себя съ движеніемъ пролетаріата; взаимоотношеніе классовъ (взаимоотношеніе либерализма и социаль-демократіи) въ процессѣ политическаго освобожденія Россіи и, наконецъ,—крестьянскій вопросъ. Вотъ бѣгло намѣченный кругъ идей, въ которомъ работала мысль революціоннаго марксизма за время, когда русскій марксизмъ не имѣлъ за собой еще почвы ни въ растущемъ движеніи рабочаго класса, ни даже въ замѣтномъ теченіи среди интеллигенціи, а былъ своего рода лабораторнымъ продуктомъ группы мыслящихъ русскихъ людей.

¹⁾ Въ заключеніе отмѣтимъ еще только изъ той же работы замѣчанія Аксельрода по вопросу о политическомъ взаимоотношеніи классовъ въ Европѣ и у насъ. Въ Европѣ—говоритъ Аксельродъ—самая свободомыслящая или радикальная буржуазія антиреволюціонна во всѣхъ отношеніяхъ. «Въ Россіи, гдѣ всякій шагъ впередъ въ сферѣ общественной самодѣтельности стоитъ въ принципиальномъ противорѣчій съ государственнымъ порядкомъ, имѣетъ мѣсто обратное явленіе: даже самые умѣренные и осторожные изъ представителей нашего либерализма не свободны отъ «превратныхъ тенденцій». А р. пролетаріатъ, съ своей стороны, не можетъ на настоящей ступени развитія Россіи идти въ своихъ непосредственныхъ практическихъ стремленіяхъ далѣе радикально-демократич. либерализма. О завоеваніи политической власти пролетаріатомъ для себя или о реформѣ буржуазнаго общества подъ знаменемъ социализма, у насъ пока не можетъ быть и рѣчи... Итакъ, для принципиальнаго политическаго антагонизма между нашимъ пролетаріатомъ и либеральной буржуазіей историческая почва еще не подготовлена, напротивъ, ихъ обоюдное историческое положеніе навязываетъ имъ общую цѣль и принуждаетъ ихъ къ энергичной постоянной взаимопомощи» (стр. 13).

Правда, уже съ конца 80-хъ и еще болѣе—съ начала 90-хъ годовъ устанавливается извѣстная связь между идеями марксизма и той пропагандистской работой, которую ведетъ незначительная числомъ революціонно-настроенная часть демократической интеллигенціи въ средѣ рабочаго класса. Въ 90-хъ годахъ эта связь уже настолько упрочивается, такъ сильно влияние на пропагандистовъ самаго факта практической дѣятельности въ средѣ пролетаріата, что идеологія всей той интеллигенціи, которая имѣетъ дѣло съ кружками рабочихъ, окрашивается что дальше, то больше, въ цвѣтъ марксистской теоріи. Какъ на характерную иллюстрацію къ данному положенію, мы можемъ указать на постепенное пропитываніе марксизмомъ—въ теченіе первой половины 90-хъ годовъ—тѣхъ народовольческихъ группъ, которымъ приходилось заниматься этой единственной въ то время въ Россіи реальной практикой революціи ¹⁾.

Но это распространеніе марксизма настолько еще слабо, такъ немногочисленны кружки революціонной интеллигенціи, послѣ народовольческаго краха представляющей изъ себя вообще величину едва замѣтную, съ величайшими усилиями и въ минимальныхъ размѣрахъ вербующую себѣ новыхъ сторонниковъ, что марксизмъ продолжаетъ еще сохранять свой лабораторный характеръ, сильный своей теоретической мыслью и слабымъ практическимъ воздѣйствіемъ на умы.

Положеніе сразу, однако, мѣняется, какъ только начавшееся рабочее движеніе и переломъ въ умонастроеніи демократической интеллигенціи выводятъ марксизмъ изъ отъединенности лабораторіи въ средоточіе политическихъ интересовъ широкихъ круговъ какъ революціонной, такъ и оппозиціонно-настроенной демократической интеллигенціи.

Оказавшись же въ этомъ средоточіи, ставъ выраженіемъ, лозунгомъ протеста противъ идеологіи предыдущаго періода, марксизмъ, въ свою очередь, вбираетъ въ себя основныя черты этого протеста. Конечно, революціонный марксизмъ Плеханова остается революціоннымъ марксизмомъ и превратившись въ Бельтова, Волгина, Каменскаго, и ставъ временно гостемъ русской подцензурной журналистики. Но марксизмъ, какъ недифференцированное цѣлое, какимъ онъ является въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ второй половины 90-хъ годовъ, марксизмъ, какъ символъ протеста и, слѣдовательно, какъ результатъ сложной комбинаціи революціонно-соціалистическихъ мотивовъ съ буржуазно-демократическими, представляетъ изъ себя уже самъ комбинацію идейнаго запаса предшествующей ему десятилѣтней работы революціоннаго марксизма, съ идеями буржуазныхъ экономистовъ школы Брентано.

Зомбартъ, Шульце-Гевернитцъ, Геркнеръ, всѣ тѣ изъ молодого поколѣнія германскихъ ученыхъ того времени, которые восприняли и въ своихъ цѣляхъ использовали нѣкоторыя положенія марксизма, всѣ они являлись не только подспорьемъ въ борьбѣ марксизма съ народничествомъ, но и серьезнымъ источникомъ при формированіи извѣстнаго оттенка въ русскомъ марксизмѣ.

И въ этомъ смыслѣ знаменателенъ уже самый дебютъ такъ называемаго

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду издателей такъ называемаго „Летучаго Листка“ народовольцевъ, которые четвертымъ номеромъ своего неперіодическаго органа, выходившаго въ Россіи, вызвали такую ожесточенную реплику и открытый разрывъ со стороны „Группы старыхъ народовольцевъ“.

легального марксизма—его двойственный характер и двойственный характер его успѣха: «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» Плеханова-Бельтова¹⁾ и «Критическія замѣтки» Струве. Если Бельтовъ продолжилъ практическую задачу, поставленную въ «Соціализмъ и Политич. борьбѣ» и въ «Нашихъ Разногласіяхъ» Плеханова, если конечный публицистическій выводъ его книги заключался въ призывѣ, обращенномъ къ рев. интеллигенціи — не «оставлять свѣтильника въ тѣсномъ кабинетѣ интеллигенціи», а идти въ ту массу «толпу», которая сама «станетъ героемъ историческаго дѣйствія», когда «въ ней, въ этой сѣрой массѣ, разовьется соответствующее этому самосознаніе», то книга Струве дала себѣ самоопредѣленіе въ своемъ столь же извѣстномъ, сколь и двусмысленномъ заключительномъ аккордѣ—«признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму».

Конечно, и Бельтовъ—по условіямъ своего появленія въ свѣтъ — какъ и вся революціонная разновидность марксизма въ легальной литературѣ, не могъ во всемъ ихъ объемѣ и во всей ихъ конкретности охватить тѣхъ вопросовъ, которые составляли идейно-политическое содержаніе марксизма Группы Освобожденія Труда. Цѣлый рядъ вопросовъ былъ съ очереди снятъ, самый предметъ разногласія передвинутъ изъ сферы непосредственно примыкавшей къ политикѣ въ область теоретическихъ тезисовъ, находящихся лишь въ болѣе отдаленномъ отношеніи къ практически-политическимъ выводамъ. Діалектическій матеріализмъ и его историческое происхожденіе, свобода и необходимость, взаимоотношеніе бытія и сознанія, экономическій «базисъ» и идеологическая «надстройка», Михайловскій—въ роли критика матеріализма и Михайловскій, возводящій небылицы на русскихъ «учениковъ», и, наконецъ, параллель между «субъективизмомъ» Михайловскаго и нѣмецкимъ «истиннымъ соціализмомъ» сороковыхъ годовъ—вотъ темы, трактовавшіяся Бельтовымъ, изъ-за которыхъ, однако, обрисовывались контуры вопросовъ—о развитіи капитализма въ Россіи, о всемірной освободительной роли рабочаго движенія и о роли рабочаго движенія въ политическомъ освобожденіи Россіи.

Эти, казалось, абстрактныя темы были связаны одной объединяющей мыслью: онѣ теоретически обосновывали надежду, открывавшуюся передъ интеллигенціей съ момента начала въ Россіи движенія пролетаріата. И въ этомъ ихъ свойствѣ заключалась характерная черта всего русскаго марксизма того времени, его сила магнита. Именно поэтому къ марксизму тяготѣла вся та интеллигенція, которая была революціонно настроена, и не только она, а и вообще демократическая интеллигенція, ликвидировавшая свой періодъ безнародности и въ пролетаріатѣ нашедшая «народъ», т. е. ту виѣшнюю спасительную силу, которая, возмѣщая ея, интеллигенціи, собственное безсиліе и давно угасшіе расчеты на крестьянство, могла бы взять на себя разрѣшеніе очередной задачи политическаго осво-

¹⁾ Изъ работъ Плеханова за этотъ періодъ «легальнаго марксизма» отмѣтимъ: статьи въ марксистскомъ сборникѣ 95 г. о Чаадаевѣ и отвѣтъ Михайловскому, книгу А. Волгина: «Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова», письмо въ редакцію «Русской Мысли» 1906 г., сент. (за подписью Ушакова) и статьи въ «Новомъ Словѣ» (Каменскій, «Судьбы русской критики», и о Лабріолѣ «О матеріалистическомъ пониманіи исторіи»).

божденія Россіи. Пролетаріатъ, оказавшійся въ центрѣ политическаго кругозора интеллигенціи, представлялъ уже самъ по себѣ, при данныхъ историческихъ условіяхъ, достаточную гарантію успѣха марксистскихъ идей.

Въ самомъ дѣлѣ, если прежде демократическая интеллигенція, своимъ міросозерцаніемъ связанная съ крестьянскимъ укладомъ, отстаивала интересы и доказывала жизнеспособность такъ называемаго «народнаго производства», то теперь ей было существенно важно и даже прямо необходимо доказать обратное: не то, что традиціонные «устои» — въ видѣ общины, артели, кустарной промышленности, — сохраняются, не то, что Россія идетъ своимъ особымъ путемъ экономическаго развитія, а что, наоборотъ, крестьянство по всей линіи дифференцируется и что капитализмъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Ибо ростъ капитализма означалъ ростъ арміи пролетаріата, означалъ ростъ той силы, съ которой были связаны общественно-политическія перспективы. И если въ предшествующій періодъ безнародности въ концепціяхъ всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ направленій огромное мѣсто занимали «общество», «интеллигенція», а, слѣдовательно, и «личность», то теперь демократическая интеллигенція, нашедшая свой «народъ» въ пролетаріатѣ и, слѣдовательно, заручку въ исторіи, могла съ спокойнымъ сердцемъ «игнорировать» «личность» и «интеллигенцію», какъ «*quantité négligeable*» и объявлять «общество» — «системой реальныхъ и антагонистическихъ силъ», на которую «утопично» возлагать тѣ надежды, которыя такъ недавно еще на него возлагались, а ходъ исторіи вообще — стихійной благодѣтельной силой, въ которой находится единственный залогъ успѣшнаго осуществленія нашихъ стремленій¹⁾.

Но характеризуя этотъ процессъ перестройки понятій въ широкихъ кругахъ демократической интеллигенціи, мы тѣмъ самымъ подходимъ къ общественно-психологической основѣ значенія и успѣха другого изъ участниковъ дебюта легальнаго марксизма. Мы говоримъ о Струве и о его книгѣ «Критическія Замѣтки».

Какъ историческое значеніе книги Бельтова тѣсно связано съ идеей освободителя-пролетаріата и съ революціонной ролью интеллигенціи, идущей на встрѣчу пролетарскому движенію, такъ книга Струве отразила на себѣ моментъ — а бы сказалъ — признанія демократической интеллигенціей капитализма.

До тѣхъ поръ оппозиціонная, какъ и революціонная идеологіи одинаково носили въ Россіи печать ея деревенскаго по преимуществу, крестьянско-помѣстнаго и мелкобуржуазнаго уклада. Этотъ укладъ съ теченіемъ времени приходилъ все въ болѣе рѣзкое противорѣчіе съ процессомъ развитія капитализма и порождалъ идеологическихъ противниковъ этого развитія. Успѣхъ брентанизированнаго марксизма Струве впервые показалъ, что часть демократической интеллигенціи разрываетъ съ гегемоніей стараго уклада, что, наоборотъ, она является связанной тѣсною связью со слагающимся новымъ капиталистическимъ строемъ общественной жизни и что этотъ строй производитъ свое преобразующее дѣйствіе и на самое интеллигенцію, какъ и на ея социальный составъ. Но, конечно, признаніе *sans phrases* капитализма интеллигенціей не могло совер-

¹⁾ Струве, «Критич. Замѣтки» стр. 71 и статья „Наши утописты“, „Новое Слово“, 97 г., мартъ.

шиться въ исторической обстановкѣ того времени, которому еще предстояло разрѣшить великую проблему политическаго освобожденія Россіи, и тѣмъ менѣе могло совершиться въ моментъ идейной ликвидаціи, своимъ происхожденіемъ обязанной начавшемуся движенію рабочаго класса. Вотъ почему въ результатѣ получилось то единственное въ своемъ родѣ сочетание изъ революціонно-пролетарскихъ и буржуазно-демократическихъ вліяній, какимъ явилось литературное выступленіе Струве.

Съ одной стороны, популяризація идей «экономическаго матеріализма», «доктрины» Маркса и Энгельса, съ другой—«критицизмъ» въ философіи, мальтузіанство въ вопросѣ о народонаселеніи, торопливое заявленіе о томъ, что авторъ, «примыкая» къ «марксизму», «не зараженъ ортодоксіей».

Съ одной стороны, классовая борьба и обобществленіе производства, какъ и отмежевываніе себя отъ «оптимизма» Школы Brentano, этого—по выраженію Струве—«отраженія Маркса въ буржуазной литературѣ», и съ другой—въ цѣломъ рядѣ конкретныхъ вопросовъ и прежде всего въ вопросѣ капиталистическаго развитія Россіи—вмѣсто классового анализа аргументированіе при посредствѣ такихъ категорій, какъ культура, прогрессъ, и какъ слѣдствіе—двусмысленная позиція, которая могла производить и дѣйствительно производила впечатлѣніе апологетизма. Таковы, напр., разсужденія на тему о томъ, что «единственно разумной и прогрессивной политикой» въ крестьянскомъ вопросѣ для современнаго русскаго государства было бы идти «на встрѣчу исторически неизбежному капиталистическому развитію, смягчая въ то же время его крайности»¹⁾.

Соединеніе идей, казалось бы, несоединимыхъ. Но ему отвѣчало въ жизни еще болѣе противорѣчивое соединеніе элементовъ, которые въ первый и, конечно, въ послѣдній уже разъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія сошлись на этомъ тяготящемъ къ марксизму. Марксистскимъ становилось все революціонно-активное. Но къ марксизму тяготѣла и та интеллигенція, для которой главнымъ моментомъ въ ея обращеніи къ этому ученію являлось желаніе стать на почву идущаго впередъ процесса капиталистическаго развитія. И, наконецъ, вопросомъ о судьбахъ капитализма въ Россіи въ его постановкѣ марксистами пытались одно время воспользоваться даже и такіе защитники существующаго политическаго строя, какъ напр. реакціонный антиобщинникъ Головинъ или авторъ «всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ».

Но въ общемъ и цѣломъ это была мимолетная накинъ, которая тѣмъ быстрѣе сходилась, чѣмъ рельефнѣе начала выступать политическая роль того сложнаго разнороднаго теченія, которое извѣстно подъ общимъ названіемъ легальнаго марксизма 90-хъ годовъ. Но исчезала не одна только накинъ на марксизмъ. Внутри самого легальнаго марксизма происходила эволюція, легко учитываемая хотя бы сравненіемъ «Критическихъ Замѣтокъ» Струве съ марксистскимъ сборникомъ 95 года или съ журналомъ «Новое Слово». Если въ «Критич. Замѣткахъ» по выраженію Тулина²⁾—еще встрѣчается «профессорская» манера разсужденія сверху «о путяхъ и судьбахъ отечества, а не объ отдѣльныхъ классахъ, идущихъ

¹⁾ И. Струве „Критическія Замѣтки“, стр. 281.

²⁾ Матеріалы къ характер. нашего хоз. развитія. 1895 г., ст. Тулина „Экон. содерж. народничества и критика его въ книгѣ г. Струве“, стр. 139.

такимъ-то и такимъ-то путемъ», если въ нихъ было брошено крылатое слово «пойдемъ на выучку къ капитализму», то на позднѣйшихъ этапахъ легально-марксистскаго движенія господствуетъ уже существенно иное и гораздо болѣе определенное отношеніе къ капиталистическому строю, и гораздо отчетливѣе даетъ себя чувствовать классовый анализъ, примѣненный какъ къ оцѣнкѣ текущихъ явленій дѣйствительности, такъ и къ теоретической борьбѣ съ народничествомъ.

Брентанистская струйка сходилa на нѣтъ, не имѣя, пока-что, той почвы, на которой она могла бы найти самостоятельную линію практической политики, и буржуазно-демократическая разновидность марксизма волей-неволей ассимилировалась съ революціоннымъ марксизмомъ въ той общей очередной задачѣ, которая вставала въ то время передъ ними. Волей-неволей потому, что на сознаніе буржуазной демократіи давила картина контраста между начинающимся движеніемъ пролетаріата и отсутствіемъ всякаго движенія въ другихъ общественныхъ классахъ.

Задача же эта заключалась въ разрывѣ съ идейно-политическими традиціями предыдущаго періода. Надо было закрѣпить происходившій поворотъ вниманія демократической интеллигенціи отъ «общества» къ «пролетаріату», т. е. другими словами, поддержать начавшуюся радикализацию демократическихъ слоевъ, которая при помощи марксизма и культа рабочаго движенія освобождала себя отъ привычныхъ имъ надеждъ на возможность осуществленія какихъ бы то ни было перемѣнъ, какъ въ народохозяйственной, такъ и политическихъ сферахъ, созволеніемъ сверху или мирнымъ сотрудничествомъ власти и общества.

Еще Струве въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ», подхватывая нить разсужденій Плеханова въ его борьбѣ съ народофильскими взглядами, заговорилъ объ игнорированіи «народнической литературой» «соціологической природы государства»: «отъ государства требуютъ чудесъ, которыхъ оно, конечно, не можетъ творить, забываютъ, что государство есть не только организація порядка, но и организація господства, и что до тѣхъ поръ, пока оно есть выраженіе господства извѣстныхъ общественныхъ классовъ, его экономической политикѣ поставлены извѣстныя границы, что нужно перераспределеніе соціальной силы между отдѣльными классами для того, чтобы государство кореннымъ образомъ измѣнило свой курсъ»¹⁾.

И точно также Бельтовъ посвятилъ немало страницъ въ своей книгѣ про низированію надъ «взглядами утопистовъ конца XIX вѣка, т. е. русскихъ народниковъ и субъективныхъ соціологовъ». Изъ нихъ «у cadaго» — говорилъ онъ — «есть готовый планъ спасенія общины, а съ нею и крестьянства вообще, у cadaго своя «формула прогресса». Слѣдуя рецепту «на грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь», они «перепробовали уже великое множество палокъ», вродѣ, напр., крестьянскаго банка; подобно Михайловскому, ожидая особаго пути для разрѣшенія рабочаго вопроса въ Россіи отъ «широкаго государственнаго вмѣшательства», или, какъ Ник. — онъ, устрашая «общество» «примѣромъ Запада. Европы» и «рекомендуя» ему «поправить» сдѣланную «ошибку», рѣшивъ крайне трудную, но не невоз-

¹⁾ «Критич. замѣтки», стр. 72.

можную задачу развитія производительныхъ силъ страны въ интересахъ всего населенія»¹⁾.

И въ томъ же направленіи работала мысль Тулина, когда онъ въ уже упоминавшейся нами статьѣ его — «Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве», резюмируя отношеніе марксизма къ народничеству, писалъ: «народникъ толкуетъ о выборѣ пути, ...о томъ, что государство должно стать на нравственную и политическую точку зрѣнія, какъ будто бы сила была уже на сторонѣ трудящихся или ихъ идеологовъ, и оставалось уже только указать «ближайшіе», «цѣлесообразные» и т. п. приемы употребить эту силу... Въ разрушеніи этой благонамѣренной и прекраснородушной лжи—основная теоретическая задача марксизма. Первая обязанность тѣхъ, кто хочетъ искать «путей къ человѣческому счастью»... «откровенно признать то, что есть»... Признать, что «мѣрой успѣха... стремленій» для идеологовъ трудящагося класса «является не разработка совѣтовъ «обществу» и «государству», а степень распространенія этихъ идеаловъ въ опредѣленномъ классѣ общества»²⁾.

И въ эту же сторону направлена полемика П. Струве, въ его статьѣ «Моимъ критикамъ», гдѣ онъ говоритъ о «мелкобуржуазномъ» прожектерствѣ народниковъ и бюрократизмѣ Ник.—она, «мечтающаго объ организаціи производства безъ борьбы общественныхъ интересовъ и классовъ, путемъ распространенія «здоровыхъ идей» и торжества «правильной хозяйственной политики».

И, наконецъ, недаромъ той же темой—«Наши утописты» начинается П. Струве свою серію статей въ «Новомъ Словѣ».

Этого рода утопизмъ въ «экономикѣ», въ вопросахъ «хозяйственной политики»—былъ непосредственно связанъ, какъ мы уже старались показать, со всей политической позиціей, занятой идеологіей предыдущаго періода. Беря точкой отправленія эту тему, легальный марксизмъ удобно и легко—варьируя ту аргументацію, которая была выработана Группою Освобожденія труда, въ борьбѣ какъ съ революціоннымъ утопизмомъ народовольцевъ, такъ и съ конституціоннымъ утопизмомъ либераловъ, могъ вести свою кампанію противъ этой идеологіи во имя не только интересовъ своего собственного развитія, т. е. интересовъ и задачъ рабочаго движенія, но и во имя запросовъ всѣхъ тѣхъ демократическихъ элементовъ вообще, которые стояли передъ ясно сознаанной необходимостью борьбы съ полицейскимъ государствомъ.

Въ томъ и заключалось историческое значеніе выступленія марксистскаго «Новаго Слова» въ 1897 г.³⁾, т. е. вскорѣ послѣ знаменательной стачки петер-

¹⁾ Бельтовъ. «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» стр. 53—57.

²⁾ См. Матеріалы для характеристики нашего хозяйственнаго развитія, СПб. 1895 г., часть II, стр. 45—46.

³⁾ Отмѣтимъ, что изъ революціонныхъ марксистовъ въ «Новомъ Словѣ» участвовали Г. В. Плехановъ (Каменскій), В. И. Засуличъ (В. Ивановъ) статьями: «Крѣпостная подкладка прогрессивныхъ рѣчей» и «Плохая выдумка»; Вл. Ильинъ, «Къ характеристикѣ экономич. романтизма», Л. Мартовъ (дебютировалъ ст. «Народничество прежде и теперь»). Въ редактированіи журнала принимали участіе П. Струве (писалъ также внутрен. обзор. и ст. «На равныя темы» за подписью Novus), Туганъ-Барановскій, А. М. Калмыкова и Поссе. Дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала былъ также С. Булгаковъ (Nemo).

бургскихъ ткачей, приковавшей вниманіе демократіи къ пролетариату, что оно явилось моментомъ совпаденія этихъ двухъ категорій интересовъ. Мотивы марксизма въ томъ объемѣ, который былъ поставленъ марксизму неразвитостью общественнаго движенія, свободно и безъ треній кооперировали съ мотивами того демократизма, который въ первыхъ шагахъ пролетарскаго движенія черпалъ силу для своего политическаго радикализированія ¹⁾).

«Пора признать всѣ споры о «просвѣщеніи» законченными и безъ разглагольствованій заняться исключительно дѣломъ *всесторонняго просвѣщенія*» — писалъ Струве ²⁾), въ эту эзоповскую форму облакая ту центральную тему, которая занимала безъ исключенія всѣхъ писателей «Новаго Слова» отъ революціонныхъ марксистовъ и кончая тѣми случайными демократическими сотрудниками, которые въ письмахъ изъ провинціи говорили о классовой подоплѣкѣ земствъ, о дифференціаціи крестьянства, о земледѣльческихъ артеляхъ Левицкаго и были объединены одной мыслью — о томъ, что тотъ процессъ жизни, который они воспроизводятъ, заключаетъ въ себѣ, при всѣхъ своихъ ужасахъ, элементъ своего внутренняго освобожденія, что у жизни есть своя «аннибаловская клятва», которую Струве призывалъ подслушать «сосредоточеннымъ отраженіемъ жизни».

Въ движеніи жизни, въ ея «усложненіи», какъ говорилось въ первомъ изъ внутреннихъ обзорѣй журнала, обоснованіе оптимизма: даже дворянскій консерватизмъ разлагается подъ вліяніемъ этого усложненія. Жизнь все больше мѣняетъ деревенскій укладъ на городской и все больше выдвигаетъ на авансцену центральное лицо этого уклада и освободителя общественной жизни России — городской промышленный пролетариатъ.

«Центръ тяжести въ разстояніи и различіи между двумя укладами жизни, — городскимъ и сельскимъ» — писалъ Струве ³⁾), полемизируя съ Михайловскимъ по поводу чеховскихъ «Мужиковъ».

Мы «чужды» — говорилъ онъ — «идеализаціи города и городскихъ отношеній. Мы смотримъ на нихъ весьма реалистически и очень далеки отъ прикрашивающаго оптимизма. Но мы охотно винимся въ другого рода идеализаціи, въ которой не можетъ не быть повинна никакая реалистическая общественная идеологія. «Такая идеологія, говорили мы въ другомъ мѣстѣ, должна всегда сводиться къ идеализаціи тѣхъ или другихъ дѣйствующихъ въ исторической жизни силъ, должна представлять эти силы, какъ призванные осуществить ея общественные идеалы». Если объективныя тенденціи хозяйственнаго развитія оправдываютъ такую идеализацію, то, чѣмъ больше ея въ прогрессивной идеологіи, тѣмъ больше, значитъ, въ этой идеологіи связи съ реальными силами, творящими общественный прогрессъ. Итакъ, мы не только реалисты, мы также идеалисты и идеализаторы. Идеализаторы, но не романтики, потому что идеализируемъ не прошлое, а силу, растущую въ современной дѣйствительности» (Ibidem, стр. 67).

А какъ велико было нерасположеніе къ этой силѣ, непосредственно связан-

¹⁾ Отмѣтимъ, впрочемъ, что и тогда уже нѣкоторыя статьи «Новаго Слова» вызывали неудовольствіе марксистовъ. Мы имѣемъ ввиду ходившее тогда по рукамъ коллективное письмо-протестъ такъ называемымъ Самарцевъ. (П. П. Мамовъ и др.).

²⁾ Цитирую по книгѣ Струве «На разные темы», ст. «Мужики» Чехова, стр. 131.

³⁾ «Новое Слово», октябрь, 97 г., ст. «На разные темы» за подписью Novus, стр. 62.

ное съ традиціонной крестьянофильской идеологіей революціонныхъ и оппозиціонныхъ круговъ, можно судить хотя бы по тому, что писалъ Михайловскій, этотъ признанный вождь интеллигентскаго радикализма, отвѣчая Струве на его первую статью о «Мужикахъ». Для Михайловскаго жизнь, какъ крестьянъ, такъ и рабочихъ, была только—«одинаково темна и скудна», и «одинаково требовала» и «одинаково заслуживала участія» и, въ сущности, одинаково не заключала въ себѣ эмбриональныхъ элементовъ освободительнаго движенія Россіи. Даже болѣе того. Съ точки зрѣнія социологическихъ взглядовъ Михайловскаго, рабочій, по сравненію съ крестьяниномъ, представлялъ собою низшій «типъ развитія», а классовая борьба пролетаріата являлась лишь школой озвѣрѣнія, которая дастъ въ результатъ «живые трупы» съ «остервенѣлыми лицами» ¹⁾.

И еще рѣзче свое отношеніе къ рабочему, какъ социологическому типу, формулировалъ В. В.: «Пролетарій не можетъ имѣть зиждительной силы—писалъ онъ въ «Нашихъ направленіяхъ», не можетъ на почвѣ существующаго строя выработать что-либо способное обновить міръ, дать новое направленіе социальной жизни... Творцомъ новыхъ социальныхъ формъ можетъ быть классъ общества, связанный съ существующимъ положительными, а не отрицательными нитями; классъ, играющій въ немъ извѣстную самостоятельную роль—классъ феодаловъ, буржуазіи, крестьянства, но не классъ наемниковъ, пролетаріевъ». «И, дѣйствительно, какія творческія силы и способности можетъ развить въ пролетаріи обстановка его жизни, при которой $\frac{3}{4}$ своего бодрственаго состоянія онъ служитъ придаткомъ мертваго механизма, приводимаго въ движеніе волею одного лица... не участвуя ни мыслью, ни чувствомъ въ процессы, съ которыми онъ связанъ лишь своимъ тѣломъ, а остальную четверть времени, когда онъ не спитъ, рабочій посвящаетъ отдыху, проводя его въ семьѣ, библіотекѣ, въ кабакѣ, на улицѣ..., но не имѣя возможности въ сколько-нибудь значительной степени развивать въ себѣ активныя социально-психологическія свойства». И отсюда—заключеніе: «пролетаріатъ можетъ представлять интересъ, какъ сила разрушительная, но не какъ основа созидательной социальной работы» ²⁾.

И о томъ же отношеніи интеллигенціи къ пролетаріату свидѣтельствуютъ и слова Плеханова, вырвавшіяся у него еще въ концѣ 80-годовъ. Онъ писалъ: «Они (интеллигенты) кричатъ теперь: не нужно намъ рабочихъ! Придетъ время, когда они запоютъ совсѣмъ другое и прикинутся лучшими друзьями рабочаго класса (именно, когда они увидятъ, что рабочіе могутъ быть полезны имъ въ борьбѣ...). Но пусть же русскіе рабочіе не забываютъ теперешняго отношенія къ нимъ подобныхъ господъ «интеллигентовъ». Пусть они отплатятъ имъ равнодушіемъ за равнодушіе, презрѣніемъ за презрѣніе...» ³⁾.

Неудивительно поэтому, что «Новому Слову» приходилось опять и опять—продолжая многолѣтнія усилія заграничныхъ русскихъ социаль-демократовъ—заботиться о томъ, чтобы «растущая сила современной дѣйствительности» пред-

¹⁾ См. о взглядахъ Михайловскаго болѣе подробно въ моей статьѣ «Современная Весталка»—«Этюды о русской интеллигенціи», 1906 г.

²⁾ В. В., «Наши направленія», стр. 139—141.

³⁾ См. предисловіе Плеханова къ брош. «Рѣчь» П. Алексѣева, Женева 1889 г.

ставилась сознанию демократической интеллигенции не въ образѣ «пьяницы, развратника и совершеннаго нигилиста», о которомъ повѣствовала реакціонная печать, и не въ видѣ только «молодежи», «поблеклой, но съ ухарскими манерами, съ дерзкимъ, вызывающимъ взглядомъ», о которой говорилось въ одномъ изъ очерковъ «Русскаго Богатства», а, наоборотъ, какъ та «человѣческая личность», которая, выростая на фонѣ «городскаго уклада», заключаетъ обитованіе грядущаго. Но, по условіямъ подцензурной печати того времени, журналъ не могъ оперировать для этого съ конкретными подробностями русскаго рабочаго движенія, ссылаться, напр., на ту большую петербургскую стачку ткачей, которая недавно передъ тѣмъ произвела такое огромное впечатлѣніе на самые различные слои демократической интеллигенции. Потому то Струве, реплицируя Михайловскому, и принужденъ былъ осторожно исходить изъ фактовъ культурнаго движенія.

«Мы должны еще больше почитать, писалъ онъ, тотъ идеализмъ, энтузіазмъ и даже героизмъ, который проявлялъ и проявляетъ русскій рабочій, идущій на ученіе послѣ 12—13 часовъ работы, отдающій тому же ученію значительную часть своего воскресенья. Взоры «пьяницы», «развратника» и «совершеннаго нигилиста» не только «дерзки» и «вызывающи», часто они испытующе вперяются въ окружающую дѣйствительность, нерѣдко они уже сознательно стремятся охватить прошлое, настоящее и будущее человѣчества и добиваются рѣшенія «проклятыхъ вопросовъ»¹⁾.

Но если «героическій» «идеализмъ» пролетаріата не поддавался литературному учету въ своемъ наиболѣе выразительномъ проявленіи, въ видѣ перипетій начавшейся въ Россіи борьбы, то зато тѣмъ возможно было—и это дѣлало «Новое Слово»—подходить къ той же темѣ съ другого конца: съ одной стороны, подробно останавливаясь на заграничномъ рабочемъ движеніи и его политическихъ формахъ, и съ другой—на общихъ условіяхъ измѣненія экономическаго уклада, приводящихъ къ тому, что «крестьянинъ добраго стараго времени», который «не долженъ былъ «вникаться» подъ страхомъ умопомѣшательства», оттѣсняется «трудящимся человѣкомъ нашихъ дней», который «обязанъ «вникаться» просто въ силу экономическаго своего положенія, хотя бы только для того, чтобы отстаивать свое существованіе въ борьбѣ съ неблагоприятными, но вѣчно подвижными, вѣчно измѣнчивыми экономическими условіями», которому, «какъ Фигаро, нужно больше ума, чѣмъ требовалось его «для управленія всѣми Испаніями». «Эта колоссальная разница—писалъ Н. К. (Г. В. Плехановъ)—существенно измѣняющая весь характеръ трудящейся массы, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ шансы нашего дальнѣйшаго историческаго развитія»²⁾.

А изъ этой точки зрѣнія, проходящей лейтъ-мотивомъ черезъ всѣ 9 книжекъ журнала, непосредственный практическій выводъ, который дѣлался марксистами, былъ призывъ, обращенный къ демократической интеллигенціи, послужить историческому дѣлу пролетаріата. Но если прежде марксисты обращались къ интеллигенціи, въ своемъ огромномъ большинствѣ продолжавшей оставаться

¹⁾ См. вышецитированную статью П. Струве въ „Новомъ Словѣ“, „Мужики“ Чехова и г. Михайловскій“, стр. 64.

²⁾ См. ст. Н. К. „Н. И. Наумовъ“, „Новое Слово“, май, 97 г., стр. 41.

равнодушно-скептической къ возможному движенію рабочаго класса въ Россіи, то теперь передъ ними была интеллигенція, уже начавшая свое новое «хожденіе въ народъ». И про эту интеллигенцію Плехановъ въ «Новомъ Словѣ» писалъ: «Призванная смѣнить народниковъ новая разновидность интеллигенціи неспособна относиться по-барски къ людямъ физическаго труда уже въ силу того убѣжденія, что историческое дѣло этихъ людей можетъ быть сдѣлано только ими самими. Она видитъ въ нихъ не дѣтей, которыхъ надо воспитать, не несчастныхъ, которыхъ надо облагодѣтельствовать, а товарищей, съ которыми надо идти рядомъ, дѣля и радость, и горе, и пораженія, и побѣды, съ которыми предстоитъ проходить вмѣстѣ великую воспитательную школу историческаго движенія впередъ къ одной общей цѣли» ¹⁾.

Спрашивается, какъ же представляла себѣ марксистская литература того времени ту очередную историческую задачу, во имя которой и совершался теперь процессъ радикализаціи демократической интеллигенціи подъ знаменемъ марксизма? Видъ, вопросъ о правильной постановкѣ этой задачи съ самаго начала стоялъ передъ русскими марксистами, онъ былъ въ числѣ главныхъ причинъ, побудившихъ Группу Освобожденія труда къ выдѣленію изъ стараго народничества и къ борьбѣ съ народофильствомъ. Отъ брошюры «Соціализмъ и политическая борьба» и вплоть до работы Аксельрода «Историческое взаимоотношеніе» происходило, какъ мы видѣли, дебатированіе этого вопроса революціоннымъ марксизмомъ. Но «легальная» литература марксизма, по условіямъ своего существованія, не могла дать на него прямого и яснаго отвѣта. Чтобы найти этотъ отвѣтъ и отвѣтъ, характеризующій именно данную полосу въ развитіи русскаго марксизма, мы должны обратиться къ двумъ нелегальнымъ документамъ, тѣсно связаннымъ съ движеніемъ умовъ въ тогдашней марксистской интеллигенціи. Мы имѣемъ въ виду «Задачи русскихъ социалдемократовъ» Вл. Ильина и статью Струве (Петербуржецъ) въ № 3—4 «Работника».

Вл. Ильинъ въ своей брошюрѣ не опредѣляетъ того соотношенія общественныхъ силъ, которое могло бы привести—и приведетъ—къ паденію абсолютизма. Нельзя, говоритъ онъ, заранее учесть ни «состоянія рабочаго движенія», ни «широты выработанныхъ приемовъ борьбы», ни «свойства руководящей движеніемъ революціонной организаціи», ни «отношенія къ пролетариату и абсолютизму другихъ общественныхъ элементовъ», ни, наконецъ, «условія внутренней и внешней политики», при которыхъ будетъ нанесенъ «рѣшительный ударъ абсолютизму». Но есть одно обстоятельство, которое имъ тѣмъ не менѣе предпрѣшается, а именно, что этотъ ударъ будетъ нанесенъ «организаціей», руководящей классовой борьбой пролетариата; Вл. Ильинъ только отказывается «разсуждать» «напередъ о томъ, къ какому средству въ этомъ случаѣ организаціи прибѣгнетъ», «предпочтетъ ли она, напр., возстаніе, или массовую политическую стачку, или другой приемъ атаки»...

Въ статьѣ же «По поводу петербургской стачки» въ «Работникѣ» за подписью «Петербуржецъ», Струве, съ своей стороны, отправляется отъ положенія, что самодержавный политическій строй Россіи «и существуетъ потому, что всѣ

¹⁾ Ibid., стр. 41.

другіе классы русскаго общества (кроме рабочаго. А. П.) оказывались до сихъ поръ,—по тѣмъ или инымъ причинамъ—противъ него безсильными. Они, т. е. эти имущіе классы, пользуются существующимъ политическимъ строемъ, они управляютъ Россіей..., какъ нѣкогда помѣщичьей вотчиной управляли хитрые бурмистры или всесильные дворецкіе, которымъ господа и ихъ первые слуги говорили «ты», хотя и паясали подъ ихъ дудку»... Одинъ только пролетаріатъ является въ Россіи «революціоннымъ классомъ»: «онъ не только страдаетъ отъ существующаго политическаго строя, какъ земледѣльцы-крестьяне, онъ всѣмъ своимъ положеніемъ вынужденъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе будетъ вынуждаться вести борьбу съ самодержавіемъ... Лишь въ немъ всегда возможны массовыя движенія, которымъ не могутъ положить предѣла никакія правительственныя мѣропріятія..., лишь рабочихъ, какъ цѣлый классъ, грамотность и образованіе будутъ толкать къ осуществленію задачъ, непримиримыхъ съ общественнымъ безправіемъ».

И отсюда—резюме: «русское рабочее движеніе, проникнутое социалдемократическими идеями, будетъ главнѣйшей силой, которая своимъ непрерывнымъ развитіемъ низвергнетъ существующій политическій строй, основанный на полномъ безправіи народныхъ массъ и отдѣльныхъ личностей». Интеллигенція же «въ лицѣ своихъ наиболѣе энергичныхъ и радикальныхъ представителей должна слиться съ рабочимъ движеніемъ и тѣмъ яснѣе выступаетъ политическая задача этого движенія, тѣмъ легче слиться съ нимъ наиболѣе сознательнымъ элементамъ интеллигенціи. Соприкосновеніе съ революціоннымъ общественнымъ классомъ, съ классомъ рабочихъ, превратитъ эту дремлющую духовную силу въ силу дѣйствующую и общественную»... «Русское рабочее дѣло—... вѣрное дѣло». Ибо «даже, если бы въ Россіи не существовало внутреннихъ революціонныхъ силъ, достаточныхъ для низверженія... строя, этотъ строй, рано или поздно, неминуемо столкнулся бы съ европейской социалдемократіей и разбился бы о нее»... Русскій старый режимъ «во всякомъ случаѣ осужденъ исторіей на смерть въ очень недалекомъ будущемъ». Итакъ, «тѣмъ или другимъ способомъ помогая рабочему дѣлу, всякій русскій человѣкъ будетъ двигать впередъ великое общенародное дѣло: завоеваніе политической свободы».

Мы не случайно сопоставили заявленія этихъ двухъ столь различныхъ представителей тогдашняго марксистскаго движенія, изъ которыхъ одинъ былъ непосредственно связанъ съ подпольной работой социалдемократическихъ кружковъ, а другой—являлся наиболѣе яркимъ выразителемъ тенденцій, приведшихъ къ марксизму буржуазно-демократическую интеллигенцію. Намъ было важно отмѣтить по существу одинъ и тотъ же прогнозъ, дѣлавшійся этими писателями, одно и то же представленіе ихъ о силахъ политическаго преобразованія Россіи: представленіе о гегемоніи въ освободительной борьбѣ пролетаріата и его социалдемократическаго авангарда, о гегемоніи въ смыслѣ непосредственнаго руководства дѣломъ освободительной борьбы всѣхъ общественныхъ элементовъ Россіи.

Прежній «желательный и сильный союзникъ другихъ болѣе или менѣе революціонныхъ партій» (см. стр. 565) въ построеніяхъ Плеханова (а также Аксельрода), незамѣтно утрированный, превратился въ универсальную силу, въ того всеобъемлющаго освободителя, для котораго всѣ прочіе общественные элементы въ

грядущемъ переворотѣ оказываются подсобными и подчиненными. И—насмѣшная исторія—въ статьѣ «буржуазнаго» Струве, пожалуй, болѣе рѣшительно и громко, чѣмъ у социалдемократа Ильина, звучитъ эта нота—предвѣстница той будущей концепціи, которая въ работахъ Ленина нашла свое специфическое развитіе. А получался этотъ результатъ потому, что Струве, съ одной стороны, подобно Плеханову, предполагалъ возможнымъ поглощеніе социаль-демократіей «демократическихъ элементовъ общества» ¹⁾, а съ другой—оставлялъ внѣ учета либеральную буржуазію, съ которой считался Плехановъ. Такимъ образомъ и слагалась концепція, гласившая, что въ Россіи, внѣ пролетаріата, нѣтъ силы, которая могла бы серьезно противопоставить себя абсолютизму, но зато пролетаріатъ есть сила достаточная, чтобы рано или поздно, при содѣйствіи «помогающихъ рабочему дѣлу всѣхъ русскихъ людей» справиться съ этимъ абсолютизмомъ. Это центральная мысль Струве, представляющая въ то же время не только основную предпосылку для взглядовъ опредѣленныхъ круговъ социалдемократіи, но и выраженіе широко разлитого по всей демократической интеллигенціи непосредственного ошущенія весьма реального факта дѣйствительности ²⁾.

Фактъ же былъ тотъ, что имѣлось на лицо, какъ мы уже раньше говорили, начинавшееся движеніе рабочаго класса и не было вовсе движенія въ какомъ либо другомъ общественномъ классѣ или слоѣ. Такое положеніе вещей—пока оно длилось,—представляя собою препятствіе для самостоятельнаго пути буржуазно-демократическаго развитія, давало въ результатѣ одно изъ двухъ: или демократія оставалась внѣ сферы вліянія развертывавшагося рабочаго движенія, но это была наименѣе активная ея часть, или же она попадала въ эту сферу и, разъ уже попавъ, становилась плѣнницей того направленія мысли и того умонастроенія, которое, въ конечномъ своемъ выводѣ, приводило къ вышеналоженному взгляду.

Мы остановились сейчасъ на кульминаціонномъ пунктѣ въ распространеніи марксистскихъ идей, на моментѣ ихъ максимальнаго господства въ широкихъ кругахъ интеллигенціи. Еще совсѣмъ недавно передъ тѣмъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, по свидѣтельству Струве, со злорадствомъ въ свое время подхваченному В. В., марксизмъ не находилъ себѣ пристанища въ прогрессивныхъ журналахъ. Онъ былъ часто травимъ и всегда обреченъ на молчаніе въ отвѣтъ на нападенія противниковъ. Такъ, Михайловскій уже въ 1892 году начинаетъ метать свои первыя стрѣлы противъ незримыхъ еще на поверхности литературы и жизни русскихъ «учениковъ Маркса» и ихъ мнимаго стремленія къ обезземеленію крестьянства. Такъ, въ слѣдующемъ затѣмъ году, В. В. регистрируетъ «оживленіе буржуазной тенденціи среди русской интеллигенціи», а Н.—онъ заканчиваетъ свои «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства» по-

¹⁾ Ср. выше, стр. 566.

²⁾ Это была и господствующая мысль манифеста р. с. д. р. п. 1898 г., въ которомъ говорилось, что «нужную ему политическую свободу русскій пролетаріатъ можетъ завоевать себѣ только самъ. Чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ историческомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и подлѣе становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя, политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата. На своихъ крѣпкихъ плечахъ русскій рабочій классъ долженъ вывести и вынести дѣло завоеванія политической свободы».

лемическимъ выпадамъ противъ нѣмецкихъ статей «г. П. фонъ Струве». И только въ 1894 году марксизмъ получаетъ, наконецъ, возможность парировать эту дружную атаку почти одновременнымъ появленіемъ въ свѣтъ книгъ Бельтова и Струве. Зато съ этого момента наступаетъ рѣшительный переломъ въ его судьбахъ, и марксизмъ, несмотря на чрезвычайно неблагоприятно сложившіяся цензурныя условія, быстро завоевываетъ себѣ одно мѣсто за другимъ въ періодической печати. Правда, въ 1895 г. ему не удастся еще провести сквозь игольное ухо цензуры сборникъ «Матеріалы для характеристики нашего хозяйственнаго развитія», получившій тѣмъ не менѣе распространеніе въ публикѣ; ему не удастся затѣмъ удержаться [и въ ежедневномъ «Самарскомъ Вѣстникѣ»¹⁾], марксистскій періодъ котораго заканчивается, едва успѣвши начаться. Но тѣмъ не менѣе уже къ марту 1897 года марксизмъ получаетъ на нѣкоторое время въ лицѣ перешедшаго изъ рукъ народниковъ «Новаго Слова» свой подлинный центръ пропаганды и свой первый большой періодическій органъ въ предѣлахъ Россіи. Въ декабрѣ того же года «Новое Слово» закрывается—распоряженіемъ четырехъ министровъ. И однако, марксистское теченіе, едва потерявъ свой объединяющій центръ, расплывается далѣе вширь, окрашивая собою,—въ большихъ или меньшихъ дозахъ,—замѣтную часть ежемѣсячныхъ журналовъ того времени. Еще раньше появленія марксистскаго «Новаго Слова», «Русская Мысль» пріоткрываетъ свои двери марксистамъ для «писемъ въ редакцію»; далѣе, «Міръ Божій», особенно въ лицѣ своего критическаго обозрѣвателя, народоправца Богдановича, постепенно захлестывается новой волной; становится марксистскимъ въ своей общественной части «Научное Обозрѣніе» Филиппова, лишенное, впрочемъ, политическаго отдѣла; мелькаютъ марксистскіе тона тамъ и здѣсь въ провинціальной прессѣ; и, наконецъ, къ январю 1899 г., т. е. уже ко времени новаго перелома въ идейномъ настроеніи демократическихъ круговъ, появляются «Жизнь» и «Начало».

И та же, но еще болѣе отчетливая тенденція къ утвержденію марксизма даетъ себя знать и въ произведеніяхъ нелегальной печати. «Наше Время» народоправцевъ, какъ и народовольческія изданія, выходившія въ Петербургѣ, воспринимаютъ марксизмъ и концентрируютъ вниманіе на пролетариатѣ не въ меньшей степени, чѣмъ, напр., листки социалдемократическихъ «Союзовъ Борьбы», чѣмъ петербургская «Рабочая Мысль» или заграничный «Работникъ». Такимъ образомъ, получалось для даннаго момента что-то въ родѣ общаго положенія, гласившаго, что все, хотя бы отдаленно имѣющее отношеніе къ политически-активному настроенію, связано съ марксизмомъ, и, наоборотъ, не имѣющее связи или стоящее къ марксизму въ оппозиціи, тѣмъ самымъ находится внѣ сферы какова бы то ни было практическаго дѣйствія. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ изъ-за легальнаго марксизма вырисовывалась начальная стадія социалдемократическаго движенія и стачечной борьбы пролетариата, изъ-за публицистики «Русскаго Богатства» за тотъ же періодъ смотрѣла одна лишь зѣлющая пустота практически-политическаго бездорожья.

И за то же трехлѣтіе, съ 1895 по 1898 гг., вмѣстѣ съ ростомъ марксистскаго теченія вширь, растетъ и способность его къ ассимиляціи по существу инородныхъ элементовъ демократіи. Припомнимъ, напримѣръ, въ какой сравни-

¹⁾ Въ немъ работали П. Масловъ, Санинъ, Циммерманъ (Гвоздевъ) и др.

тельно короткій срокъ марксизмъ успѣлъ утилизировать и въ себѣ поглотить и Туганъ-Барановскаго съ его симпатіями къ австрійской школѣ экономистовъ и съ его всегдашней неортодоксальностью, и Булгакова съ его неокантианствомъ, писавшаго за подписью Нешо въ „Новомъ Словѣ“ статьи въ стилѣ Бельтова, и, наконецъ, мною уже не разъ цитированнаго Струве, съ свойственной ему быстротой совершившаго эволюцію отъ межеумочныхъ въ социально-политическомъ отношеніи „Критическихъ замѣтокъ“ къ вышеуказанной статьѣ „Петербургца“, къ докладу русскихъ социалдемократовъ объ аграрномъ вопросѣ на международный социалистическій конгрессъ въ Лондонѣ и къ имъ же составленному извѣстному манифесту р. с. д. р. п.

Но этотъ изумительный успѣхъ имѣлъ и свою обратную сторону. Приспосабливая къ своимъ нуждамъ демократію, марксизмъ въ то же время накапливалъ въ своей собственной средѣ элементы своего разложенія. Даже и въ эпоху ея наивысшаго расцвѣта, литература легальнаго марксизма заключала въ себѣ черты, затѣвныя, правда, господствующей тенденціей времени, но тѣмъ не менѣе въ своемъ родѣ providenciальныя, симптоматическія. Мы напомнимъ, напр., ту статью П. Струве въ „Новомъ Словѣ“ о «Международномъ конгрессѣ по вопросамъ охраны рабочихъ», которая своеобразно сочетала взгляды, предвосхищавшіе во многомъ бернштейновскую критику марксизма, съ характерной для переживаемаго момента оптимистической концепціей всепобѣднаго движенія социалдемократіи.

Что же позволяло этимъ взглядамъ — до извѣстнаго момента — оставаться въ предѣлахъ марксистской литературы, не получая дальнѣйшаго развитія и не нарушая ея общаго политическаго облика? Это значитъ, иными словами: что давало возможность буржуазной демократіи вообще, находившейся подъ дѣйствіемъ контраста между пролетарскимъ движеніемъ и собственнымъ безсиліемъ, не ощущать до поры до времени неудобства этой гегемоніи марксизма и не искать самостоятельнаго выхода? Безъ всякаго сомнѣнія: элементарность легальнаго марксизма. Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно убѣдиться, хотя бы сравненіемъ марксизма второй половины 90-хъ годовъ съ марксизмомъ Группы Освобожденія труда, насколько былъ суженъ кругъ вопросовъ и какъ упрощена была постановка, по сравненію съ прежней, той политической проблемы, которая продолжала, какъ и раньше, быть нервомъ марксистскаго теченія.

Пролетаріатъ-освободитель! Но этотъ въ то время признанный тезисъ еще не получилъ своей конкретизаціи и не возбуждалъ — пока что — дальнѣйшихъ программныхъ, тактическихъ и организаціонныхъ вопросовъ; не возбуждалъ потому, что эта — по выраженію Струве — «идеализація» пролетаріата, облеченная въ марксистскую идеологію, отражала лишь элементарный процессъ пробужденія рабочаго класса, да еще неопредѣленное броженіе въ средѣ демократической интеллигенціи, для своего выраженія еще не нашедшее самостоятельной формы.

При данныхъ условіяхъ, очевидно, — всякое дальнѣйшее развитіе общественныхъ отношеній должно было подкапываться подъ это состояніе неустойчиваго равновѣсія, и достаточно было небольшого толчка, стоило только ослабить гипнозу, производимому движеніемъ рабочаго класса на интеллигенцію, чтобы

таившіяся въ легальномъ марксизмѣ центробѣжныя силы принялись за работу разрушенія.

Этотъ первый толчекъ былъ данъ совокупнымъ дѣйствіемъ кризиса марксизма на Западѣ и начавшагося движенія у насъ въ широкихъ кругахъ самой демократической интеллигенціи.

Но еще прежде, чѣмъ наступилъ этотъ новый переломъ, показались уже признаки, говорившіе о неустойчивости всего положенія.

Въ средѣ той части интеллигенціи, которая непосредственно соприкасалась съ движеніемъ пролетаріата, начинала слагаться теорія такъ называемаго «экономизма». Т. е. въ этой формѣ демократическая интеллигенція впервые совершила разрывъ той связи, которая въ ея представленіи соединяла пролетаріатъ — какъ «растущую силу современной дѣйствительности», съ задачей политическаго освобожденія Россіи. Она совершила этотъ разрывъ подъ впечатлѣніемъ отъ элементарности, стихійности и малой сознательности первыхъ шаговъ рабочаго стачечнаго движенія. Это конкретное движеніе конкретнаго пролетаріата такъ мало походило на умопостигаемое того «идеализованнаго» (см. Струве), которому предназначалась историческая миссія всеобщаго освободителя!

Практическій же выводъ, который подсказывался этой первичной реакціей на отсталость и замедленность рабочаго движенія для той интеллигенціи, которая была уже связана всей своей пропагандистской и агитаціонной работой съ движеніемъ пролетаріата, означалъ отказъ отъ фактическаго участія въ разрѣшеніи очередной политической задачи Россіи во имя повседневной борьбы рабочаго класса за частичныя улучшенія въ его экономическомъ и юридическомъ бытѣ, на почвѣ существующаго политическаго строя. Этотъ выводъ сдѣлала въ свое время «Рабочая Мысль», едва ли не единственный послѣдовательный органъ своего рода возрожденнаго въ марксизмѣ аполитическаго народничества.

Но этого вывода сдѣлать не могла вся та демократическая интеллигенція въ цѣломъ, которая пошла за марксизмомъ. Не могла тѣмъ болѣе, что «разочарованіе» въ пролетаріатѣ совпадало съ растущимъ политическимъ броженіемъ и соответствующимъ развитіемъ самосознанія въ ея собственной средѣ.

Марксизмъ вывелъ радикализирующуюся демократическую интеллигенцію изъ тупика предыдущаго періода, связавъ ея политическія надежды съ определеннымъ общественнымъ классомъ. Но онъ фиксировалъ надежды на этой внѣшней спасающей силѣ, предоставивъ остальнымъ элементамъ общественной среды значеніе и роль лишь постольку, поскольку они захотѣли бы выступить, какъ вспомогательныя средства для той же единственной силы. Онъ санкціонировалъ движеніе интеллигенціи въ рабочую среду, но онъ санкціонировалъ одно лишь это движеніе. Неудивительно, поэтому, что большая часть демократической интеллигенціи, которая, вовлеченная въ сферу марксистскихъ идей, тѣмъ не менѣе не хотѣла или не могла найти для себя приложенія силъ въ обслуживаніи пролетаріата, что эта интеллигенція должна была вскорѣ почувствовать несоотвѣтствіе марксизма ея собственнымъ задачамъ и цѣлямъ.

И дѣйствительно, почти немедленно вслѣдъ за первыми проявленіями «экономизма», уже въ самомъ началѣ 1899 года, появляется, какъ необходимое дополненіе къ этому теченію въ средѣ интеллигенціи, практически работающей въ

пролетариатъ, литературный документъ, извѣстный подъ названіемъ «Credo» — этотъ первый бунтъ демократіи противъ марксизма, ея первая попытка себя отъ него эмансипировать.

✓ «Марксизмъ нетерпимый, марксизмъ отрицающій, марксизмъ примитивный... уступить мѣсто марксизму демократическому, а общественное положеніе партій въ нѣдрахъ современнаго общества должно рѣзко измѣниться. Партія признаетъ общество, ея узко-корпоративныя въ большинствѣ случаевъ, сектантскія задачи расширяются до задачъ общественныхъ и ея стремленія къ захвату власти преобразуются въ стремленія къ реформированію современнаго общества въ демократическомъ направленіи, приспособительно къ современному положенію вещей съ цѣлью наиболѣе удобной, наиболѣе полной защиты правъ (всяческихъ) трудящихся классовъ».

Вотъ прогнозъ — пожеланіе, дѣлавшееся Credo по отношенію къ международной социаль-демократіи; прогнозъ того же Credo по отношенію къ Россіи звучалъ еще болѣе рѣшительно.

✓ Развитие рабочаго движенія идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Эта линія на Западѣ была направлена въ сторону политической дѣятельности. У насъ, наоборотъ, она «никогда» въ эту сторону «не будетъ направлена». Поэтому всѣ «разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву». «Для русскихъ марксистовъ исходъ одинъ: участіе, т. е. помощь экономической борьбѣ пролетариата, и участіе въ либеральной оппозиціонной дѣятельности».

Передъ нами, такимъ образомъ, впервые выступаетъ несомнѣнное начало процесса ликвидаціи марксистскаго періода и впервые уже намѣчается линія, по которой пойдетъ дальнѣйшее развитіе буржуазно-демократическихъ идеологій. Русский пролетариатъ ведетъ только борьбу за частичныя улучшенія своего экономического положенія. Онъ неспособенъ къ образованію самостоятельной политической партіи, онъ, отнюдь, не является тѣмъ «всеобщимъ освободителемъ», какимъ его представляла увлеченная марксизмомъ демократія. Отсюда практический выводъ: старый марксизмъ излишенъ и вреденъ, его надо реформировать — говорило Credo. Его можно совсѣмъ упразднить, скажетъ скоро демократія. Но оба въ одинъ голосъ заявятъ о необходимости реабилитаціи потерявшаго, было, кредитъ либерально-оппозиціоннаго общества.

Такъ начинался переходъ къ новому, самому сложному и вмѣстѣ съ ходомъ событій все усложнявшемуся, третьему періоду въ развитіи предреволюціонной эпохи.

III. Отъ марксизма къ идеализму. Возрожденіе революц. народничества. Революціонный марксизмъ.

Хронологически мы опредѣлили бы этотъ переходъ, какъ приблизительно время съ 99 и по 1901 годъ, т. е. мы бы поставили его пограничными вѣхами волненія студентовъ 1899 года на одномъ его концѣ, и на другомъ — тотъ узелъ движеній различныхъ общественныхъ группъ, который получилъ свою завязку въ февральскіе и мартовскіе дни 1901 года.

Нельзя сказать, чтобы эти два года наполнены были какими либо крупными событиями общественно-политической жизни. За исключением забастовки студентов, этой первой ласточки интеллигентски-демократической весны, перед нами продолжает тянуться, лишь слегка ускоряя свой темп, все та же прежняя политика правительственной реакции, надвигааясь, правда, все ближе на последние остатки самостоятельности земств и проводя пресловутый законъ о предѣльности земскаго обложенія. Но дѣйствіе сверху еще не встрѣчаетъ противоѣйствія снизу. Нѣтъ общественнаго движенія, нѣтъ организованныхъ партій. За годъ передъ тѣмъ образовавшаяся Россійская социаль-демократическая рабочая партія своимъ призрачнымъ бытіемъ только подтверждаетъ это общее положеніе, а стачечная борьба пролетаріата, еще такъ недавно находившаяся въ центрѣ вниманія, обрывается съ наступленіемъ промышленнаго кризиса.

И, однако, идеологически это двухлѣтіе является опредѣляющимъ для всего послѣдующаго предреволюціоннаго времени, ибо въ это двухлѣтіе намѣчаются основныя черты той дифференцировки идейныхъ теченій, которой въ позднѣйшіе годы кануна революціи уже соответствуетъ обозначившаяся партійная дифференцировка различныхъ общественныхъ группъ.

Дифференцировка же идейныхъ теченій въ это двухлѣтіе протекаетъ цѣликомъ подъ знакомъ нарастающаго самоопредѣленія демократіи, самоопредѣленія, приходящаго въ конфликтъ съ идейнымъ комплексомъ, извѣстнымъ подъ именемъ легальнаго марксизма.

Если въ предшествующіе годы, при отсутствіи какихъ бы то ни было формъ для самостоятельнаго движенія демократіи, ея обращеніе къ марксизму было шагомъ впередъ на пути ея радикализаціи, то теперь ея высвобожденіе изъ подъ марксистской гегемоніи означало въ свою очередь дальнѣйшій этапъ въ ея самосознаніи и переходъ отъ неопредѣленнаго политическаго умонастроенія, съ надеждами, обращенными на пролетаріатъ, къ болѣе конкретнымъ попыткамъ группового коллективнаго дѣйствія. При этомъ обособленіе демократіи отъ марксизма происходило тѣмъ легче, что оживленіе демократіи совпало съ моментомъ видимаго затишья въ рабочемъ движеніи и оно становилось тѣмъ болѣе для нея настоятельнымъ, что передъ русскимъ марксизмомъ все болѣе настойчиво подымались вопросы социалдемократическаго партійнаго строительства. Недаромъ, какъ мы уже отмѣтили—первый протестъ демократіи противъ марксизма былъ въ то же время также и протестомъ противъ образованія самостоятельной политической партіи пролетаріата.

Самостоятельная политическая партія пролетаріата, какъ и вся революціонно-соціалистическая сущность марксизма, съ точки зрѣнія демократіи, пришедшей къ сознанію своей политической дѣеспособности, стояла на пути тому непосредственному объединенію общественныхъ силъ, которое представлялось демократіи очередной задачей въ дѣлѣ политическаго освобожденія Россіи. Поэтому, ея первоначальныя усилія реформировать марксизмъ—а психологически она не въ состояніи была сразу его ликвидировать—были направлены на то, чтобы устранить изъ марксизма черты его революціонно-пролетарской исключительности, и изъ интернаціональнаго ученія, ставящаго процессу капитали-

стического развитія прогнозъ социалистической революціи, сдѣлать простое орудіе конституціоннаго движенія.

Понятно, что бернштейновская критика марксизма пришлась какъ нельзя болѣе ко времени этой русской демократіи и помогала ей доразвить до конца свои прежнія бернштейнскія положенія, до тѣхъ поръ представлявшіяся переходящей и несогласованной съ общимъ марксистскимъ міровоззрѣніемъ буржуазно-демократической примѣсью къ нему. Но эта примѣсь оказалась существенной частью ея взглядовъ, частью, которая вскорѣ поглотила все цѣлое.

Струве по своему былъ правъ, когда въ статьѣ «Противъ ортодоксальной нетерпимости» (см. «Міръ Божій» 1901 г., мартъ) заявилъ, что «русское критическое движеніе въ марксизмѣ отличается отъ западно-европейскаго гораздо большей смѣлостью, рѣшительнo и безъ всякихъ примирительныхъ оговорокъ и недомолвокъ порывая съ тѣми положеніями марксизма, которые оказываются въ глазахъ представителей этого движенія несостоятельными». Онъ забылъ только при этомъ пояснить, что причина этой русской «смѣлости», столь отличной отъ германской нерѣшительности, заключалась не въ чемъ либо другомъ, какъ именно въ томъ, что нѣмецкіе сторонники Бернштейна въ своемъ огромномъ большинствѣ были—худо-ли, хорошо-ли—непосредственно связаны съ движеніемъ рабочаго класса, тогда какъ за русскими «критиками»-ревізіонистами стояла демократія, уходившая какъ разъ въ это время изъ-подъ вліянія пролетарскаго движенія. Потому-то она и могла съ такой несравненной быстротой пройти эту дистанцію огромнаго размѣра: длинный путь отъ марксизма, черезъ привалъ въ бернштейнство, къ идеалистическому обоснованію своего новаго, либерально-демократическаго, символа вѣры.

Еще въ началѣ 1899 года возникаютъ предпріятія, задающіяся цѣлью продолжить незаконченное дѣло погибшаго «Новаго Слова»; появляются журналы «Начало», подъ редакціей Струве и Туганъ-Барановскаго, и «Жизнь», подъ редакціей Поссе.

И, однако, не трудно замѣтить: идейно-политической спайки, которая соединяла разнородные элементы въ легальномъ марксизмѣ періода «Новаго Слова», въ этихъ журналахъ уже нѣтъ; нѣтъ прежняго дружнаго натиска противъ народничества, нѣтъ политическаго оптимизма, въ сочетаніи съ классовымъ анализомъ текущихъ явленій общественной жизни и выдвиганіемъ освободительной миссіи пролетариата, накладывавшего такую своеобразную печать на марксистскую публицистику того времени. И есть первоначально еще маскированная, а затѣмъ — и откровенная трещина въ литературѣ марксизма.

Такъ, въ 4 вышедшихъ книжкахъ «Начала» передъ нами калейдоскопически проходятъ: Туганъ-Барановскій съ его еще выдержанной въ прежнихъ тонахъ статьей «Моимъ критикамъ», продолжающей споръ о числѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ въ Россіи; Вл. Ильинъ, дающій ортодоксально-марксистскую картину «вытѣсненія барщиннаго хозяйства капиталистическимъ»; и рядомъ — Булгаковъ, въ статьѣ «Къ вопросу о капиталистической эволюціи земледѣлія», — считающій нужнымъ подвергнуть — по собственному его заявленію — «очень строгой критикѣ» Каутскаго за его книгу объ аграрномъ вопросѣ, и вмѣняющій Каутскому въ наглый упрекъ, что онъ «разрубаеъ Гордіевъ узелъ, ста-

новясь спиной къ сельскому хозяйству, какъ представитель исключительныхъ интересовъ промышленнаго пролетаріата». Передъ нами «Журнальныя Записки» А. П., пытающіяся возстановить революціонно-соціалистическую преемственность русскаго марксизма и направленные по существу противъ того анти-революціоннаго и анти-соціалистическаго бернштейнѣанскаго умонастроенія, которое, даже еще не найдя своего отраженія въ печати, дѣлало одно завоеваніе за другимъ въ рядахъ марксистской демократіи. И тутъ же такія работы П. Струве, какъ статья «Романтика противъ казенщины», уже нащупывающая идеологическое выраженіе для своего новаго умонастроенія. Передъ нами «соціологическій этюдъ» Н. Андреевича (Плеханова) объ искусствѣ и статья о Метерлинкѣ Зин. Венгеровой, одной изъ первыхъ провозвѣстницъ «модернистскихъ» настроеній въ современной литературѣ и, наконецъ, беллетристика Вересаева и беллетристика—Мережковского и Гиппіусъ.

Бернштейнѣанское линіиіе марксизма въ средѣ демократической интеллигенціи, замѣтимъ къ слову, не даромъ совпадало съ прививкой къ извѣстнымъ элементамъ русской демократіи того психологическаго надлома, который принесла съ собой эта російская разновидность декадентскихъ теченій Европы. То, что недавно еще представлялось невозможнымъ, на чемъ потерпѣлъ неудачу «Сѣверный Вѣстникъ» Волинскаго, а именно—сочетаніе или по меньшей мѣрѣ сближеніе демократіи съ модернистскими въ литературѣ и съ идеалистическими въ философіи исканіями, стало возможнымъ только теперь и даже начало впервые входить въ обиходъ въ атмосферѣ буржуазно-демократической реакціи противъ гегемоніи марксизма.

Аналогичныя черты представляла и «Жизнь», въ которой романтика Горькаго, растрепанный *sui generis* марксизмъ Евг. Соловьева и безконечные споры марксистовъ Нежданова, Ильина, Изгоева о рынкахъ шли въ перемежку съ лишенными всякаго намека на марксизмъ статьями на внутреннеобозрѣвательныя темы А. Никонова, Д. Протопопова, Евг. Чирикова и др. и съ первыми открыто-ревизионистскими работами П. Струве.

Впрочемъ, атаку на марксизмъ—на экономическія основы ученія Маркса—повелъ еще раньше Туганъ-Барановскій, въ майской книжкѣ «Научнаго Обзорія» (1899 г.), помѣстившій статью «Основная ошибка абстрактной теоріи капитализма Маркса». Въ ней онъ доказывалъ, еще стараясь условно «сохранить» трудовую теорію цѣнности, что «сокращеніе доли переменнаго капитала, замѣщеніе рабочаго машиной (при прочихъ равныхъ условіяхъ) совсѣмъ не отражается на нормѣ прибыли, что обычный здравый смыслъ и вульгарные экономисты безусловно правы, отрицая какое бы то ни было различіе въ смыслѣ созданія прибыли между орудіями труда и рабочей силой».

Гораздо рѣшительнѣе по тому же пути упраздненія экономической теоріи Маркса шелъ Струве, уже въ статьѣ «Противъ ортодоксіи» («Жизнь», окт. 1899 г.) заявившій о необходимости, «твердо удерживая соціологическую теорію прибавочнаго труда, отказаться отъ экономической теоріи прибавочной цѣнности и вообще критически пересмотрѣть всю экономическую теорію Маркса, какъ таковую» ¹⁾. Къ этому «пересмотру» онъ и приступилъ въ ближайшихъ

¹⁾ Стр. 178.

книжкахъ того же журнала, въ статьяхъ «Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности» и «Къ критикѣ нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи» (см. «Жизнь», февр. и мартъ 1900 г.)¹⁾.

А параллельно и рука объ руку съ этимъ походомъ на экономическое ученіе Маркса шелъ походъ на марксизмъ, какъ на извѣстную концепцію развитія современнаго общества и перехода этого общества отъ капиталистическаго къ социалистическому строю. Въ рецензіи на книги Бернштейна и Каутскаго и въ самостоятельномъ «критическомъ опытѣ» подъ названіемъ «Die Marx'sche Theorie der sozialen Entwicklung» въ Архивѣ Брауна Струве изложилъ свои новые взгляды.

По ряду вопросовъ примыкая къ Бернштейну, хотя и оспаривая убѣдительность той аргументаціи, которою Бернштейнъ обосновывалъ свои положенія, Струве дѣлалъ центральнымъ объектомъ своихъ нападеній представленіе о социальной революціи. По мнѣнію Струве, это представленіе стоитъ въ органической связи съ тѣми группами явленій, которыя у Маркса получили свое обобщенное выраженіе въ теоріи концентраціи и обобществленія производства, въ теоріи обнищанія и теоріи экспроприаціи мелкихъ капиталистовъ крупными и, наконецъ, въ теоріи социалистической миссіи пролетаріата, создаваемого развитіемъ капитализма и растущаго въ ходѣ этого развитія. Непрерывной цѣпью другъ съ другомъ связанныхъ звеньевъ идутъ—процессъ обнищанія народныхъ массъ, развитіе общественныхъ отношеній посредствомъ роста противорѣчій и, слѣдовательно, нарастающій конфликтъ между интересами буржуазіи и пролетаріата, находящій свое конечное разрѣшеніе въ столкновеніи общественныхъ силъ, въ социальной революціи, представляющей въ видѣ политическаго переворота, на основѣ котораго вырастаетъ диктатура пролетаріата. Тенденціи, въ свое время наблюденныя Марксомъ, были вѣрны, говорилъ Струве, они отвѣчали дѣйствительному развитію капиталистическаго общества въ первой половинѣ XIX-го вѣка, невѣрны были только тѣ социалистическіе выводы, которые изъ нихъ дѣлались Марксомъ. Такъ, между тенденціей обнищанія, съ одной стороны, и развитіемъ общества въ направленіи къ социалистическому строю, съ другой, существуетъ непримиримое противорѣчіе. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи, пролетаріатъ обнищавымъ и въ то же время настолько социально-политически зрѣлымъ, чтобы онъ способенъ былъ къ осуществленію величайшаго въ мірѣ переворота.

Но, независимо отъ признанія несоотвѣтствующими болѣе дѣйствительному ходу развитія тѣхъ обобщеній, которыя Марксу служили предпосылками его концепціи социальной революціи, самое содержаніе понятія социальной революціи, какъ революціи политической, не реально, по мнѣнію Струве. Не реаленъ, съ точки зрѣнія теоріи познанія, опирающейся на Канта, предполагаемый при этомъ скачекъ, нарушеніе той непрерывности измѣненій, которая есть необхо-

¹⁾ См. также Туганъ-Барановскій: «Трудов. цѣнность и прибав.». «Научн. Обзоръ». Мартъ 1900 г.

димое условіе нашего познанія явленій. Чѣмъ сложнѣе социальное преобразованіе, тѣмъ труднѣе его себѣ представить въ формѣ «революціи». Преобразование капиталистическаго строя въ социалистическій мыслимо, поэтому, не какъ революціонное разрѣшеніе накопленныхъ противорѣчій, а какъ постепенное ихъ ослабленіе и устраненіе въ нѣдрахъ самого капиталистическаго общества, т. е. какъ социализированіе капитализма. Социализмъ же, противопоставляемый капитализму, не болѣе, какъ мифъ, не имѣющій оправданія передъ лицомъ историческаго знанія и однако же являющійся необходимымъ въ интересахъ практической политики, необходимымъ для социалдемократическаго движенія, какъ предметъ религіознаго сознанія. Исчезни у социалдемократическаго движенія это представленіе о «конечной цѣли», съ нимъ вмѣстѣ исчезло бы и самое движеніе.

И почти одновременно съ этой архивной статьей П. Струве, Булгаковъ въ заключительной главѣ своего двухтомнаго труда «Капитализмъ и земледѣліе» (1900 г.), такъ сказать, съ другого конца, черезъ анализъ эволюціи земледѣлія, приходилъ къ тому же самому практическому выводу о «невырости» «общаго воззрѣнія Маркса о развитіи капитализма, съ неотвратимой необходимостью ведущемъ къ коллективизму». «Единственное, что позволяютъ намъ утверждать данныя науки, это то, что настоящее экономическое развитіе ведетъ къ постепенному отмиранію самыхъ тяжелыхъ и грубыхъ формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, хотя и разными способами: въ промышленности—концентрируя производство и подвергая его все болѣе общественному контролю, въ земледѣліи—уничтожая крупное предпріятіе и ставя на его мѣсто крѣпкое крестьянское. Оба эти теченія объединяются въ мощномъ демократическомъ потоцѣ, который—можно сказать съ чувствомъ удовольствія—приноситъ новыя, лучшія, болѣе удовлетворяющія требованіямъ социальной справедливости, общественныя формы» ¹⁾.

И въ 1899-мъ же году книга С. Прокоповича ²⁾, одного изъ числа тѣхъ немногихъ бернштейнѣйцевъ въ Россіи, для которыхъ ревизионистская критика марксизма не оказалась кратковременной станціей на далекомъ пути къ идеализму, дала русской читающей публикѣ—въ соответствующемъ освѣщеніи—первую фактическую исторію германской социаль-демократіи и начала германскаго ревизионизма.

Такимъ образомъ, приблизительно къ 1900 году ликвидація марксизма буржуазной демократіей была уже въ общихъ чертахъ закончена и путь расчищенъ для построенія новой идеологіи.

Но марксизмъ даже и въ своемъ «реформированномъ» видѣ оказался лишь преходящимъ моментомъ въ развитіи буржуазной демократіи. Она восприняла и использовала отдѣльныя положенія его критики, она съ его помощью раздѣлялась съ тѣмъ періодомъ гегемоніи марксизма, черезъ который прошла, но ревизионизмъ какъ система—если можно въ данномъ случаѣ говорить о системѣ,—ре-

¹⁾ Булгаковъ. Капитализмъ и землед. Томъ II-й. Заключение, глава IX, стр. 456.

²⁾ „Рабочее движеніе на западѣ“, томъ I. 1899 г.

визионизмъ, эта идеологическая форма сближенія рабочаго класса съ извѣстными элементами буржуазной демократіи, не удовлетворялъ по своему содержанію тѣмъ идейнымъ задачамъ и тому практическому движенію, которыя стояли передъ ней.

Борьба за политическое освобожденіе Россіи, какъ національная, всенародная задача, объединяющая общественные элементы и отодвигающая назадъ все то, что могло бы ихъ разъединять,—для этого нужна была не ревизионистская концепція смягченной и введенной въ границы борьбы между классами, а идеологія, рѣшительно и безповоротно разрывающая съ самымъ принципомъ классовой борьбы и съ тѣми теоретическими построеніями, которыя, какъ материализмъ, непосредственно съ нимъ ассоціировались. Мало того: для этого необходимъ былъ отказъ и отъ обще-позитивныхъ традицій, которыя, начиная съ эпохи 60-хъ годовъ, сплелись съ анти-капиталистическимъ и либерализму враждебнымъ умонастроеніемъ демократической интеллигенціи. Необходимъ былъ выходъ къ тѣмъ «вѣчнымъ» этическимъ «цѣностямъ», къ тѣмъ верховнымъ апелляціоннымъ инстанціямъ, передъ лицомъ которыхъ могли бы исчезнуть классовыя противорѣчія освободительнаго движенія и быть заложены основы—обновленнаго либерализма.

Старый либерализмъ, либерализмъ „Вѣстника Европы“, былъ слишкомъ эмпириченъ, слишкомъ приспособленъ къ исконнымъ условіямъ своего симбіоза съ ветхозавѣтнымъ русскимъ режимомъ, слишкомъ пассивенъ и расплывчатъ, понимаемый имъ же самимъ лишь какъ „совокупность“ такихъ „пожеланій“, какъ свобода совѣсти, личности, слова, чтобы быть способнымъ поднять на себя великое національное движеніе, предносившееся очамъ демократіи.

Потому-то демократія съ первыхъ же шаговъ своей общественной консолидациі не только выполняла свою отрицательную миссію, ликвидируя марксизмъ, но и положительную—ища идеологическія формы, наиболѣе отвѣчающія ей политическому самоопредѣленію.

Еще въ статьѣ „Усложненіе жизни“, которая служила тѣмъ-то вродѣ увертюры для „Сѣвернаго Курьера“, начавшаго выходить (въ ноябрѣ 1899 г.) при ближайшемъ участіи въ редакціи бывшихъ сотрудниковъ марксистскаго журнала „Начало“, передъ нами, какъ центръ происходящихъ въ жизни процессовъ, выдвигается уже не классъ-освободитель, къ которому неслись такъ недавно всѣ мечты демократіи, а «усложненная» въ «усложнившейся жизни» выпрямляющаяся «человѣческая личность», вступающая въ конфликтъ съ «упрощенными формами воздѣйствія» ¹⁾. Въ слѣдующемъ году, въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Міръ Божій“, Струве пытается материалисту Марксу противопоставить идеалиста и государственника Лассаля, «исполнискую личность» котораго «также нуждалась въ метафизическомъ пламени, какъ, съ другой стороны, только въ такой личности этотъ пламень могъ адекватно выразиться». «Для созданія положительнаго міросозерцанія на новыхъ, болѣе широкихъ, т. е., въ сущности, на старыхъ идеалистическихъ основахъ», Струве призывалъ «дѣ-

¹⁾ „Сѣверн. Курьеръ“, 1-го ноября 1899 г.

«диалектических» и «иныхъ убѣжденныхъ» «материалистовъ» — «назадъ къ Лассалю»! «Это значитъ въ извѣстномъ смыслѣ: назадъ къ Гегелю и — еще дальше и больше — къ Фихте. Но назадъ не къ ихъ диалектикѣ, которую можно ставить «вверхъ ногами», которая можетъ быть сгибаема и на материалистическій, и на идеалистическій ладъ, а къ ихъ строгому и несгибаемому идеалистическому существу»¹⁾. Такъ впервые самимъ Струве былъ констатированъ его переходъ отъ «критическаго позитивизма» къ «исповѣданію» «метафизическаго идеализма».

Почти одновременно выходитъ книга Бердяева «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи» съ предисловіемъ Струве, въ которомъ говорится, что «въ предлагаемой книгѣ то практическое направленіе, появленіе котораго въ Россіи относится къ 90-мъ годамъ.... совершенно открыто и рѣшительно дѣлаетъ поворотъ къ философскому идеализму и вступаетъ, такимъ образомъ, въ союзъ съ духовными силами, которыя до сихъ поръ лишь по историческому недоразумѣнію считались ему враждебными. Этотъ поворотъ обозначился довольно давно, но въ книгѣ Н. А. Бердяева онъ впервые получаетъ болѣе или менѣе законченное и сосредоточенное выраженіе»²⁾.

Такимъ образомъ, Струве вмѣстѣ съ Бердяевымъ, совершая свое передвиженіе къ идеализму, еще продолжаютъ въ то же самое время солидаризироваться съ тѣмъ «практическимъ направленіемъ», изъ котораго они оба вышли, надѣясь передвинуть и его; или, вѣрнѣе говоря, имъ кажется, что оно уже вмѣстѣ съ ними начинаетъ передвигаться въ жежаемомъ ими направленіи. И они имѣютъ тѣмъ болѣе основаній за него держаться, что передъ ними еще нѣтъ отчетливо намѣченныхъ другихъ общественныхъ элементовъ, на которые они могли бы рассчитывать въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи. Они на распутьѣ, какъ и вся та буржуазная демократія, которая, уходя отъ самостоятельнаго движенія пролетаріата и консолидируясь, еще не успѣла наступать подъ ногами у себя новой твердой почвы.

Поэтому вся критика, направленная Бердяевымъ противъ Михайловскаго и вѣденная отъ имени марксизма, есть въ то же время и критика марксизма отъ лица идеалистической философіи, критика «ограниченности всякаго позитивизма вообще», и критика, якобы, утопій марксизма, съ которыми надо покончить «не только во имя усиленія нашего реализма, но, пожалуй, еще болѣе во имя усиленія нашего идеализма»³⁾. Поэтому и у Струве признаніе «служенія» въ жизни интересамъ опредѣленнаго класса идетъ рядомъ съ борьбой противъ такъ называемой «классовой точки зрѣнія», какъ разновидности «субъективнаго метода въ социологіи» и «авдемонистическая мораль» замѣняется концепціей «естественнаго права».

И таковы противорѣчія перехода: еще даже въ позднѣйшей статьѣ «Противъ ортодоксальной нетерпимости», Струве отвѣчаетъ своему «ортодоксальному критику», что, хотя союзъ его (Струве) и Туганъ-Барановскаго съ ортодоксаль-

¹⁾ Струве, «На разные темы», стр. 263 и 266.

²⁾ Н. Бердяевъ, «Субъект. и идеал. въ общ. фил.» Пред. Струве, стр. 1—2.

³⁾ Бердяевъ, «Субъект. и индивидуализмъ въ общ. философіи».

ными марксистами распался, но что все-таки критикъ напрасно торопится съ нимъ (со Струве) распрощаться. И имъ же одновременно въ рядѣ статей намѣчаются основные моменты либерально-демократическаго міровоззрѣнія. Такъ статья «Право и права», напечатанная въ «Правѣ» и приветствованная Арсеньевымъ на страницахъ «Вѣстника Европы», является какъ бы программнымъ заявленіемъ для той группы либеральныхъ юристовъ, среди которой оживленіе политической мысли все явственнѣе начинало сплетаться съ тенденціей въ реставрированной съ легкой руки Новгородцева теоріи естественнаго права найти опору своему либерализму.

«Въ сознаніи лучшихъ русскихъ людей и въ жизни нашихъ народныхъ массъ—пишетъ Струве—давно уже назрѣла сильнѣйшая потребность во всестороннемъ признаніи объективнымъ правомъ правъ человека, какъ такового. Это есть та великая идеальная и въ то же время реальная историческая задача, которая, наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ и колебаній русской общественной мысли, выкристаллизовалась, какъ неоспоримое общее достояніе, съ такою же ясностью, съ такими же рѣзкими, всѣми мыслящими людьми до боли ощущимыми границами, какъ вѣкогда идея освобожденія крестьянъ»¹⁾.

И эта же задача полемически очерчивается Струве въ ея несоотвѣстности той концепціи политическаго освобожденія Россіи, которая идею освобожденія связывала съ идеей освободителя-пролетаріата *par excellence*.

«На мой взглядъ—заявляетъ онъ теперь (см. статью «Памяти Шелгунова») — очередная историческая задача въ Россіи не такова, чтобы «аннибалова клятва» нашего времени была связана исключительно и даже преимущественно съ судьбами и интересами одного общественнаго класса, а прочіе классы были безсильны, индифферентны или враждебны по отношенію къ составляющей содержаніе этой клятвы задачѣ. Великая преобразовательная задача современности поставлена всей совокупностью жизненныхъ условій нашей страны и, въ качествѣ таковой, она господствуетъ надъ интересами всѣхъ жизнеспособныхъ классовъ Россіи, являясь условіемъ нашего дальнѣйшаго національнаго развитія. Отсюда—огромная роль интеллигенціи въ разрѣшеніи этой задачи»²⁾.

Мы видимъ, такимъ образомъ, одновременное выступленіе идеи великой исторической миссіи интеллигенціи, т. е. интеллигентной буржуазной демократіи, еще недавно квалифицированной, какъ *quantité négligeable*, и идеи національнаго развитія. Въѣстѣ съ вопросомъ о всенародной политической задачѣ вопросъ о націи, національной культурѣ и «истинномъ націонализмѣ» становится однимъ изъ центральныхъ вопросовъ либеральнаго теченія. Недаромъ именно въ статьѣ «Въ чемъ же истинный націонализмъ», посвященной памяти Вл. Соловьева, Струве дѣлаетъ попытку обосновать либеральную доктрину.

Ученіе объ естественномъ правѣ—говоритъ Струве—«лежитъ въ основѣ всякаго истиннаго либерализма». «Естественное право есть не только идеальное или желаемое право, призываемое или идущее на смѣну дѣйствующаго или положительнаго права; оно есть право абсолютное, коренищееся въ этическомъ

¹⁾ См. «На разныя темы» стр. 524.

²⁾ Ibid, стр. 314.

понятіи личности и ея самоопредѣленія и служащее мѣриломъ для всякаго положительнаго права. Последнее своимъ согласіемъ съ абсолютнымъ правомъ должно доказать свою правомѣрность»... «Проблема либерализма—продолжается далѣе Струве—не исчерпывается вовсе вопросомъ объ организаціи власти, такимъ образомъ, она шире и глубже проблемы демократіи; демократія въ значительной мѣрѣ является лишь методомъ или средствомъ для рѣшенія проблемы либерализма». Исторически невѣрна «та весьма популярная и въ русскомъ обществѣ доктрина, согласно которой либерализмъ возникъ, какъ политическая система буржуазіи въ ея матеріальныхъ интересахъ. Согласно этой доктринѣ либерализмъ носить въ одно и то же время и «классовой» и «матеріальный характеръ». Наоборотъ, «либерализмъ—общенароднаго и идеальнаго происхожденія».

И какъ истинный либерализмъ зиждется на признаніи естественныхъ правъ человѣка, такъ и истинный націонализмъ. «Уваженіе къ національному духу, какъ коллективному творческому процессу, какъ вѣчному «исканію», безусловно требуетъ признанія правъ человѣка». Национальная культура осуществляется «свободою и для свободы». Начало свободы, разъ оно вошло въ сознаніе, «приобрѣтаетъ для духа, его сознавашаго, абсолютное достоинство, ибо въ немъ выражается и дать о себѣ знать метафизическая природа человѣческаго духа, какъ вѣчной и самоопредѣляющейся субстанции. А такъ какъ понятіе объ этой метафизической природѣ образуетъ одну изъ основныхъ идей христіанства, то утвержденіе идеи свободы или автономіи личности въ области моральной и политической есть не что иное, какъ практическое раскрытіе христіанской идеи о человѣческомъ духѣ, раскрытіе не только важное, но и безусловно цѣнное съ точки зрѣнія религіи.... Не нужно страшиться такихъ сближеній земнаго и переходящаго съ Высшимъ и Вѣчнымъ; наоборотъ, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы вскрыть связь между конечными требованіями реальной (земной) жизни съ высшими и вѣчными идеями религіознаго сознанія» ¹⁾.

Такъ, въ результатѣ обоснованія либерализма естественнымъ правомъ передъ нами непосредственно встаетъ, какъ вѣнецъ процесса развитія отъ марксизма къ идеализму,—проблема религіознаго сознанія; проблема, получившая, однако, выраженіе гораздо болѣе полное и яркое, чѣмъ у Струве, въ писаніяхъ Бердяева и въ особенности Булгакова.

Бердяевъ, въ статьѣ «Борьба за идеализмъ», ²⁾ относящейся къ тому же 1901 году, приветствуетъ возрожденіе «несправедливо забытой теоріи естественнаго права»—этой «настоящей основы идеализма въ политикѣ», добавляя при этомъ: «но есть одна идея, въ которую упирается идеалистическій взглядъ на міръ и жизнь, это идея нравственнаго міропорядка. Если наука переходитъ въ философію, то философія переходитъ въ религію. Безъ религіозной вѣры въ нравственный міропорядокъ, въ кровную связь индивидуальнаго съ всеобщимъ и неумирающее значеніе всякаго нравственнаго усилія—жить не стоитъ, такъ какъ жизнь бессмысленна... пора признать, что религія, несмотря на текучесть

¹⁾ Первоначально напечатано въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи». См. Сборн. «На разные темы», стр. 538, 539, 541.

²⁾ «Міръ Божій», 1901 г. июнь.

своего содержания, есть вѣчная, трансцендентальная функція сознанія и что всякое цѣльное пониманіе и отношеніе къ міру есть религія. Величественный подъемъ духа и идеалистическій энтузіазмъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если я чувствую всѣмъ своимъ существомъ, что, служа человѣческому прогрессу въ его современной исторической формѣ, я служу вѣчной правдѣ, что мои усилія и мои труды безсмертны по своимъ результатамъ и учитываются въ міропорядкѣ».

И тогда же Булгаковъ въ своей публичной лекціи «Иванъ Карамазовъ, какъ философскій типъ», заговорилъ о богѣ и безсмертіи, какъ о вѣковѣчныхъ вопросахъ русской интеллигенціи, и объ атеистическомъ социализмѣ, какъ о «переходномъ міросозерцаніи», «предшествующемъ высшему синтезу», который «долженъ состоять въ сліяніи экономическихъ требованій социализма съ началами философскаго идеализма и оправданія первыхъ послѣдними»¹⁾. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что Булгаковъ, по его же собственному признанію, пришелъ къ религіозно-философскимъ исканіямъ, послѣ того какъ «утвердился въ своемъ убѣжденіи относительно невозможности научнаго прогноза въ социологіи» и съ тѣмъ вмѣстѣ утратилъ то «единство» «міровоззрѣнія и идеала», которое «прежде давалось марксизмомъ». Теперь социализмъ Булгакова не имѣлъ уже, конечно, ничего общаго съ классовымъ движеніемъ пролетаріата и его «конечной цѣлью». Рабочее движеніе, «въ своей практической программѣ» осуществляющее «освободительные постулаты философскаго идеализма», должно—заявляетъ Булгаковъ — «и на своемъ теоретическомъ знамени выставить не экономическій матеріализмъ и классовый интересъ—это оно можетъ отлично оставить своимъ противникамъ,—а принципы идеализма, на которыхъ могутъ быть прочно и непререкаемо обоснованы его требованія». «Современная социальная борьба—говоритъ онъ далѣе—представляется не однимъ столкновеніемъ враждебныхъ интересовъ, а осуществленіемъ и развитіемъ нравственной идеи. И наше участіе въ ней будетъ мотивироваться не классовымъ эгоистическимъ интересомъ, а явится религіозной обязанностью, абсолютнымъ приказомъ естественнаго закона, велѣніемъ Бога 2)».

Социализмъ Булгакова—не социализмъ, стоящій въ антагонизмѣ къ либерализму, а все та же социальная реформа либерализма, только расцвѣтшая всѣми красками идеалистической романтики. Поэтому, и для Булгакова «руководящимъ началомъ, которое дается философскимъ идеализмомъ и религіознымъ міропониманіемъ, какъ основа государственной, экономической и социальной политики», является «идея абсолютнаго достоинства личности», т. е. все тѣ же «естественныя и неотчуждаемыя права человѣка и гражданина», которыя фигурируютъ, какъ основной принципъ либеральной доктрины. И этого принципа—т. е. «идея свободы и правъ человѣческой личности»—замѣчаетъ Булгаковъ—«не много и не мало, а какъ разъ достаточно для обоснованія всѣхъ освободительныхъ стремленій нашего времени».

Нѣсколько позже и Струве въ статьѣ «Не въ очередь», въ 1-ой книжкѣ «Освобожденія», даетъ опредѣленіе своему отношенію къ социализму: «Извѣстное

¹⁾ См. С. Булгаковъ „Отъ марксизма къ идеализму“.

²⁾ С. Булгаковъ. Сборн. „Отъ марксизма къ идеализму“. Ст. „Основ. проблемы теоріи прогресса“, стр. 155.

опредѣленіе социализма: упраздненіе частной собственности на орудія и средства производства, или обобществленіе производства,—пишетъ онъ,—заключаетъ въ себѣ вовсе не идею социализма, которая тождественна съ идеей всесторонняго освобожденія личности, а даетъ лишь техническую, и потому вполнѣ условную (и для меня совсѣмъ не безспорную) формулу средствъ осуществленія социального идеала. Для социализма, какъ идеи освобожденія личности, безразлично, какимъ путемъ будетъ осуществлена эта цѣль. Социализмъ есть идея этическая, и социально-экономическія формулы социализма имѣютъ по отношенію къ этой идее лишь служебное значеніе» (стр. 239).

И наконецъ въ той же книжкѣ «Освобожденія» въ статьѣ «Отцы и дѣти» Независимый, выступая съ возраженіями противъ теоріи классовой борьбы и сѣтуя въ то же время на разномыслія между «отцами»—либералами и «дѣтьми»—революціонной интеллигенціей, благодаря которому нѣтъ «сплоченнаго освободительнаго общественнаго мнѣнія и активнаго либеральнаго движенія»,—резюмируетъ общественно-политическую сторону идеалистическаго теченія слѣдующими словами: «философско-идеалистическое теченіе, начинающее распространяться среди молодежи, имѣетъ своею цѣлью отвлеченное моральное обоснованіе идеала свободы и указаніе на его великій вѣчный смыслъ, независимый отъ его служебнаго значенія для матеріальныхъ интересовъ народа. Въ этомъ послѣднемъ теченіи впервые въ Россіи создается социально-философская система, въ которой идея либерализма и политической свободы занимаетъ не побочное, а центральное мѣсто, и которой, поэтому, должно быть приписано весьма серьезное значеніе въ современномъ освободительномъ движеніи, ибо только она одна даетъ необходимое для молодыхъ умовъ отвлеченное обоснованіе либерализма и дѣлаетъ его религіозной вѣрой» (стр. 12).

Мы сослались сейчасъ на нѣсколько статей, выходящихъ изъ рамокъ разбираемаго нами двухлѣтня, какъ регистрируемъ теперь же и самъ *standart-work* идеалистовъ, ихъ коллективный трудъ «Проблемы идеализма», появившійся въ концѣ 1902 г. и сгруппировавшій вокругъ себя, кромѣ Бердяева и Булгакова, еще и рядъ лицъ, съ одной стороны такихъ, какъ Б. Кистяковский и С. Франкъ, которые прошли черезъ школу ревизионизма, и съ другой—такихъ исконныхъ идеалистовъ, какъ кн. С. и Е. Трубецкіе или инициаторъ реставраціи теоріи естественнаго права, Н. Новгородцевъ. Мы дѣлаемъ это съ тѣмъ, чтобы уже болѣе не возвращаться къ этимъ работамъ. Ибо, если отдѣльныя положенія идеализма и получили въ нихъ дальнѣйшее развитіе и обоснованіе, то во всякомъ случаѣ основныя общественно-политическія черты интересующаго насъ идейнаго движенія уже съ достаточной ясностью намѣтились въ использованныхъ нами статьяхъ еще прежде, чѣмъ двухлѣтне идейнаго перелома успѣло смѣниться послѣдующими годами оживленной партійно-политической жизни.

Сводя во-едино свои впечатлѣнія, мы скажемъ: передъ нами попытка демократіи въ импульсивномъ движеніи отъ марксизма къ идеализму найти исходъ изъ того внутренне-противорѣчиваго положенія, въ которое ее поставилъ процессъ ея собственнаго самоопредѣленія. Какъ только демократія почувствовала себя освобожденной отъ гипноза пролетарской гегемоніи, такъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ непосредственнымъ ощущеніемъ своей принадлежности къ буржуазному

цѣлому, ощутила и свою «интеллигентность», т. е. несвязанность съ широкими слоями населенія, еще продолжавшаго оставаться въ состояніи политической аморфности. И съ тѣмъ вмѣстѣ передъ нею во весь ростъ вставала опять проблема политическаго освобожденія Россіи, которая такъ недавно еще благополучно, казалось, разрѣшалась поступательнымъ движеніемъ пролетаріата; но вставала уже, какъ проблема внѣклассоваго или общеклассоваго политическаго дѣйствія.

При инертности, однако, крестьянства, которое въ концѣ 90-хъ и началѣ 900-хъ годовъ не принималось, какъ далѣе увидимъ, въ расчетъ даже и многими соц.-революціонерами первой формаци; при рабочемъ движеніи, уже связанномъ традиціей съ социалдемократическимъ движеніемъ революціонной интеллигенціи,—такая постановка проблемы демократіей означала фактически союзъ ея съ тѣми элементами имущаго общества, которые какъ разъ вгонялись въ то время въ оппозицію тогдашней политикой правительства.

Фактически уже съ 80-хъ годовъ наблюдается сближеніе извѣстныхъ слоевъ демократической интеллигенціи съ земствомъ и весь первый періодъ предреволюціоннаго времени, какъ мы старались показать, идеологически непосредственно связанъ съ процессомъ этого сближенія. Гегемонія марксизма надъ частью буржуазно-демократическихъ элементовъ клиномъ вошла въ этотъ процессъ, на время оттѣснивъ было, по крайней мѣрѣ, для части демократіи, тягу къ культурно-либеральному землевладѣнію идейной тягой къ пролетаріату и тѣмъ создавая расщепленіе въ рядахъ самой демократіи. Теперь эта многолѣтняя тяга быстро принимала политическія формы, но съ тѣмъ вмѣстѣ выступала и вся трудность идеологическаго выраженія и теоретическаго оправданія совершившагося поворота демократіи. Прежде лицомъ обращенная къ народнымъ писамъ, она теперь, пройдя школу марксизма и стоя передъ фактомъ идущаго впередъ самостоятельнаго движенія пролетаріата, тѣмъ не менѣе строила свои конституціонныя планы на содѣйствіи имущихъ верховъ. Ясно, такимъ образомъ, какую огромную работу принужденъ былъ произвести идеализмъ, санкционируя этотъ поворотъ, какъ необходимое звено въ процессѣ политическаго освобожденія Россіи, и почему онъ такъ много былъ занятъ полемически марксизмомъ и его «классовой точкой зрѣнія».

Небесныя сферы идеализма преслѣдовали чисто земныя задачи—идеологически перекинуть мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую верхи отъ низовъ въ томъ обществѣ, которое было уже разъединено своими классовыми противорѣчіями. Для этого процессъ ликвидаціи стараго порядка получалъ недостающую ему цѣльность въ концепціи національнаго развитія, для этого абстрактная «человѣческая личность» идеалистовъ служила сосредоточеннымъ отраженіемъ политической цѣли, общей всѣмъ «жизнеспособнымъ классамъ Россіи», и для этого «самоопредѣляющаяся субстанція человѣческаго духа» съ ея естественными и неотчуждаемыми правами, одной своей стороной упираясь въ религію, другой — являлась «абсолютной» основой либерализма. Либерализмъ, до тѣхъ поръ лишенный доктрины, своимъ политическимъ безсиліемъ дискредитированный въ широкихъ кругахъ демократіи, получалъ свое вторичное крещеніе въ «метафизическомъ пламени» идеализма. Такъ сказать, черезъ голову исторіи онъ становился всеобъемлющимъ ученіемъ, для котораго социализмъ есть лишь

спорная частность, болѣе или менѣе утопическая картина грядущаго, но для котораго дѣйствительно реальной помѣхой представляется классовое ученіе пролетаріата.

«Религіозная вѣра» либерализма должна была собою замѣнить ту — по терминологіи Струве — религіозную вѣру социалдемократіи, которая своимъ обаяніемъ еще такъ недавно держала въ плѣну значительные круги демократической интеллигенціи. Въ соотвѣтствіи поднимающейся волнѣ настроенія, въ предвидѣніи громадности задачи, которую предстояло разрѣшить освободительному движенію Россіи, демократія нуждалась въ идеологіи, въ которой извѣстная абстрактно-теоретическая ширь, радикализмъ, приподнятость формы сочетались бы съ «трезвенно-реалистическимъ» содержаніемъ, которому отвѣчало ея новое движеніе вправо. Отсюда попытки идеалистовъ историческому матеріализму социалдемократіи противопоставить новое ученіе съ его «свободнымъ творчествомъ» идеаловъ, болѣе широкихъ и глубокихъ, чѣмъ псевдо-научные шаблоны ортодоксіи. Отсюда обращеніе Струве къ Лассалю и Фихте противъ Маркса и его заимствованіе о «практической нетерпимости», какъ необходимомъ лозунгѣ политической работы въ Россіи; отсюда — отрешиваніе Бердяева, Булгакова и Струве отъ «филистерства» Бернштейна, филистерства, несовмѣстимаго съ ихъ «критической реабилитаціей» утопизма; отсюда желаніе Независимаго видѣть въ освободительной борьбѣ пролетаріата въ Россіи «скорѣе идейное», чѣмъ «классовое движеніе», и та ярость, съ которою идеализмъ (въ лицѣ, наприм., Бердяева) устремлялся на западно-европейское рабочее движеніе, пытаясь въ глазахъ русской революціонно-настроенной интеллигенціи дискредитировать «мѣшанство» его практики и низменность его идеаловъ. Отсюда же — отъ имени автономной человѣческой личности — этого палладіума буржуазной демократіи — провозглашенная Струве декларация, столь же ярко отразившая въ себѣ канунъ революціи, какъ лозунгъ того же Струве «Великая Россія» позднѣе отразилъ въ себѣ день, слѣдующій за ея (революціи) пораженіемъ: «Вездѣ она (т. е. свобода лица) отрицаетъ власть или авторитетъ, какъ таковой, противопоставляемый человѣческой личности, какъ нѣчто обязательное, помимо ея свободнаго признанія. Для нея нѣтъ Бога-Власти и Бога-Хозяина, для нея нѣтъ Закона-Власти, Закона-Повелителя, для нея нѣтъ Государства-Власти, Государства-Господина. Бога свободный человѣкъ самъ себѣ отыскиваетъ, онъ ему не покоряется, онъ его любитъ. Правственный законъ свободный человѣкъ самъ себѣ творитъ и ему свободно слѣдуетъ. Государство свободный человѣкъ самъ себѣ строитъ и имъ живетъ, не поступаясь собою» ¹⁾).

И отсюда же, за этимъ идеалистическимъ пафосомъ таящееся, — по крайней мѣрѣ, до поры до времени, — отсутствіе программы экономическихъ реформъ, изъ боязни «экономикой» разрушить единство «политики», и, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, необычайная скромность тѣхъ политическихъ требованій, съ которыми эта часть демократіи выступала на арену партійно-политической жизни.

Періодъ разложенія марксизма для буржуазной демократіи былъ законченъ, начинался періодъ либерально-партійнаго строительства.

¹⁾ Ст. Струве „Не въ очередь“. Книга I. „Освобожденіе“ (1903 г.).

Но между тѣмъ какъ часть буржуазно-демократической интеллигенции, прошедшая черезъ марксизмъ, съ чрезвычайной быстротой эволюционировала къ «идеалистическому» либерализму, на развалинахъ легальнаго марксизма, въ промежуткѣ тѣхъ же двухъ лѣтъ и подѣ дѣйствіемъ того же толчка, исходившаго отъ политическаго броженія интеллигенции, въ несомнѣнной также большей или меньшей зависимости отъ измѣненій, внесенныхъ въ движеніе рабочаго класса промышленнымъ кризисомъ, выступаютъ и начинаютъ консолидироваться два идейныхъ теченія: революціонно-марксистское, освобожденное отъ своихъ прежнихъ буржуазно-демократическихъ спутниковъ, и революціонно-народническое, возрожденное въ своей политической формѣ—видоизмѣненнаго народо-вольчества.

Достаточно было взглянуть на подцензурную журналистику этихъ двухъ лѣтъ, чтобы сразу оцѣнить всю значительность происшедшей перемѣны. Если часть—теперь уже бывшихъ—марксистовъ, совершая свою эволюцію къ идеализму, отъ полемики съ народничествомъ постепенно перешла цѣликомъ, какъ мы уже видѣли, къ борьбѣ съ революціоннымъ марксизмомъ и выработкѣ основъ либерально-идеалистической системы, то революціонные марксисты въ это же время исчезли изъ легальной литературы почти безъ остатка, потому что должны были исчезнуть. Они не имѣли простора, по условіямъ тогдашней печати, даже и для защиты своихъ теоретическихъ позицій, тѣмъ болѣе для выясненія того общественно-политическаго содержанія своихъ взглядовъ, центръ тяжести котораго все болѣе перемѣщался къ вопросамъ практическаго движенія социалдемократіи ¹⁾.

И въ то же самое время начиналось большое оживленіе среди представителей лѣваго «политическаго» крыла народничества, представителей, группировавшихся вокругъ редакціи «Русскаго Богатства». Именно къ двухлѣтію разложенія легальнаго марксизма относится наиболѣе блестящая пора въ существованіи этого органа покойнаго Михайловскаго. Ни раньше, когда онъ представлялъ, какъ мы уже видѣли, лишь разновидность либеральнаго народничества, съ наклономъ къ революціонному конституціонализму, ни въ эпоху расцвѣта легальнаго марксизма, ни позже, когда нервъ публицистики перешелъ въ подполье и партійно-политическая жизнь революціоннаго народничества отражалась на страницахъ «Револ. Россіи» и летучихъ листовъ, никогда «Русское Богатство» не представляло собою такой мобилизаціи силъ, какъ въ этотъ переходный моментъ. Вокругъ Михайловскаго и со второй половины 90-хъ годовъ участвовавшихъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ Короленки и Анненскаго со-

¹⁾ Изъ числа немногихъ проявленій защиты марксизма въ подцензурной печати этого времени отмѣтимъ ст. Карелина (В. И. Засуличъ): „Замѣтки читателя по поводу упраздненія г.г. Туганъ-Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли“ („Научн. Обзоръ“, окт. и ноябрь 1900 г.); статьи въ защиту теоріи трудовой стоимости Нежданова, Богданова, Маслова; замѣтку Маслова въ „Научномъ Обзорѣ“—„Негодныя средства;“ полемическія „Письма въ редакцію“ по поводу эволюціи Струве—Ю. Адамовича („Жизнь“, янв. 1901 г.) и Ф. Берсенева („Рус. Мысль“, 1901 г....).

бираются частью молодые сотрудники, какъ Пѣшеховъ, Микотинъ, Черновъ, частью прежніе дѣтели движенія, какъ Гриневичъ (П. Я.) и Подарскій. Производится спѣшная работа пересмотра народнической аргументаціи по аграрному вопросу; дѣлаются попытки соціологическихъ построений, и В. Черновъ, систематизируя взгляды Михайловскаго, старается связать ихъ съ эмпирио-критическимъ теченіемъ въ философіи.

И по всей линіи ведется атака на марксизмъ. Статьи Пѣшехова «Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ» (еще въ 98 г.), В. Чернова («Типы капиталистической и аграрной эволюціи») и нѣкоторые другіи устанавливаютъ мнимую тождественность интересовъ рабочихъ и крестьянства, какъ представителей однихъ и тѣхъ же трудовыхъ идеаловъ, и въ то же время (какъ, напр., работа Чернова) подкрѣпляютъ свою народническую концепцію аграрной эволюціи ссылками на новѣйшую литературу бернштейнства. И одновременно же идетъ полнымъ ходомъ полемика противъ историческаго матеріализма, задающаяся цѣлью противъ его «экономической» односторонности отстоять и «интеллектуальный факторъ», т. е. интеллигенцію и ея значеніе въ историческомъ процессѣ вообще, тѣмъ самымъ отстаивая въ частности ея возможное значеніе въ историческихъ судьбахъ Россіи. Устами Михайловскаго, Подарскаго и иныхъ публицистика Русскаго Богатства торжествуетъ побѣду надъ легальнымъ марксизмомъ или, вѣрнѣе, надъ тѣмъ пустымъ мѣстомъ, которое къ тому времени отъ него оставалось—за уходомъ однихъ, за проваломъ въ подполье другихъ, и которое было представлено главнымъ образомъ такими сомнительными защитниками марксистскаго міровоззрѣнія, какъ Евг. Соловьевъ въ «Жизни» и Анг. Богдановичъ въ «Мірѣ Божьемъ».

И однако, это уже не прежнее «народничество» 90-хъ годовъ и не прежнее «Русское Богатство», а народничество новое, которому приходилось учитывать факты литературы и жизни, внесенные въ русскую дѣйствительность предыдущимъ періодомъ; народничество, стоявшее передъ реальностью развивающагося капитализма и растущаго рабочаго движенія.

«Допускаемъ охотно, писалъ Короленко ¹⁾, что по разнымъ условіямъ данной эпохи, раздумье русскаго мыслящаго человѣка (надъ возможностью набѣжать капитализма. А. П.) продолжалось, быть можетъ, нѣсколько дольше, чѣмъ бы слѣдовало, и если бы оно продлилось еще—мыслящій русскій человѣкъ рисковалъ, пожалуй, обратиться въ соляной столбъ на распутьѣ русскаго прогресса». И дальше: «капитализмъ пришелъ—значитъ, звать его уже поздно. Онъ уже дѣйствуетъ, а во многихъ мѣстахъ даже властвуетъ, значитъ, незачѣмъ его защищать ²⁾».

При данныхъ условіяхъ естественно было, что старый вопросъ о развитіи капитализма въ Россіи для народниковъ сдвигался все больше на вопросъ о различіи въ характерѣ эволюцій промышленности и земледѣлія, и все больше сближался съ постановкой этой темы въ Германіи Давидомъ, Герцомъ и другими нѣмецкими ревизионистами. И также естественно было и то, что—уже нами

¹⁾ См. Рус. Бог. 1899 г. ноябрь, ст. «О сложности жизни», стр. 189.

²⁾ Ibid. ст. 190.

отмѣченный—тезисъ о тождественности рабочихъ и крестьянскихъ интересовъ становился теперь—съ развитіемъ пролетарскаго движенія—такимъ же существенно необходимымъ элементомъ концепціи народниковъ, какъ иѣкогда тезисъ о социалистическихъ особенностяхъ русскаго крестьянства.

Уступая давленію момента, народничество вынуждено было начинать приспособленіе своихъ взглядовъ къ измѣнившимся условіямъ и въ лицѣ, напр., В. Чернова дѣлать характерное признаніе, еще недавно невозможное для народника,—признаніе, что капитализмъ заключаетъ въ самомъ себѣ не одиѣ разрушительныя, но и созидательныя силы ¹⁾.

Но разъ перейдя демаркаціонную линію признанія наличности капиталистическаго развитія и «созидательныхъ силъ» этого развитія въ лицѣ пролетарскаго движенія, народничество тѣмъ самымъ, при сохраненіи своей общей концепціи крестьянства и интеллигенціи, становилось на ту почву, на которой уже всюду въ Европѣ стоялъ такъ называемый ревизионизмъ. Для него, какъ и для ревизионизма существующій, общественный строй заключалъ въ себѣ въ зачаточной формѣ элементы социализма, этотъ строй, социализируясь, постепенно превращался въ свою противоположность, минуя тотъ критическій пунктъ—соціальную революцію, который составлялъ характерную черту во взглядахъ социаль-демократовъ. И, дѣйствительно, въ рядѣ статей народничество заявляетъ о своей близости къ ревизионизму и спѣшитъ приветствовать его первые шаги въ теоріи и на практикѣ. Достаточно напомнить сочувственной отзывъ В. Чернова объ извѣстной книгѣ Бернштейна, въ особенности о той ея части, которая трактуетъ вопросы практической политики ²⁾, или не менѣ знаменательныя слова Короленко, которыми онъ, одобряя министерскій экспериментъ Милльерана, ставилъ общій вопросъ о необходимости «программъ» «терять цѣлостность», «обкариываться», «пріодѣваясь въ мундиръ данной минуты» ³⁾.

Но если эта готовность къ «самообкариванію» являлась существенной частью наслѣдства отъ эры либеральнаго народничества, если въ «Русскомъ Богатствѣ» еще слышится приветствіе Южакова ⁴⁾ созданной по почину Россіи мирной конференціи въ Гаагѣ, или рекомендація Михайловскаго «среднему челоуѣку» изъ интеллигенціи заняться культурной работой и не соваться въ нелегальное политическое дѣло или иные, подобные приведеннымъ, мотивы, то въ немъ слышится, однако, и иѣчто другое. Слышится хотя слабый, по условіямъ цензуры, но отзывъ процесса нарастающаго группового самосознанія интеллигенціи. Если этотъ процессъ привелъ демократію въ одной ея части къ либерализму, то въ другой—далъ различныя сочетанія интеллигентскаго революціонизма, и ему радикальное народничество обязано было своимъ воскресеніемъ именно тогда, когда народничество 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, народничество

¹⁾ Русск. Богат. 1900, кн. IV, ст. В. Чернова „Типы капит. и аграрной эволюціи“, стр. 140.

²⁾ „Русск. Богат.“ октябрь 1899 г. В. Ч. „Замѣтка“.

³⁾ „Р. Б.“ ноябрь 1899 г., ст. Вл. Короленко, „О сложности жизни“, стр. 198.

⁴⁾ См. Южак. „Политика“ Русск. Богат., авг. 1899 г. стр. 160.

Абрамова, Кривенка и В. В., теряло послѣдніе остатки своего самостоятельнаго существованія ¹⁾.

Какъ увидимъ сейчасъ, въ это двухлѣтіе перелома интеллигентскій революціонизмъ народничества нашелъ свое идеологическое выраженіе въ видѣ направленія социалистовъ-революціонеровъ. И этотъ-то революціонизмъ самоопредѣлявшейся, какъ авангардъ освободительнаго движенія, интеллигенціи, какъ и вообще атмосфера начинавшагося предреволюціоннаго броженія Россіи, не давали возможности «самообкарнанію» народничества развиться дальше въ систему, не позволяли народничеству довести до логическаго конца предпосылки его концепцій, роднившія его съ оппортунистическимъ социализмомъ всѣхъ странъ.

Отсюда и вытекала та раздвоенность сознанія, та двойственность положенія, которая заставляла народничество, съ одной стороны, сочувствовать «критическому направленію въ марксизмъ», и съ другой—пугаться его выводовъ. Такъ, напр., Подарскій высказывалъ «страстное желаніе» «оставить всякіе не только прямые, но и косвенные споры съ людьми, въ родѣ г. Струве или г. Бердяева, съ которыми есть нѣкоторые общіе и далеко не второстепенные пункты социальнаго міровоззрѣнія» и въ то же время скорбѣлъ объ ихъ склонности къ «гашишу метафизики» и о развиваемой ими «въ духѣ буржуазныхъ апологетовъ» теоріи «незамѣтной и безпрепятственной эволюціи» ²⁾. Такъ, В. Черновъ, при всей его «симпатіи» къ ревизионизму въ марксизмъ, «безсильно разводитъ руками» передъ вопросомъ: «кто лучше? кто ближе къ намъ по воззрѣніямъ? Лафаргъ ли, съ его доктринерской послѣдовательностью отрицающей и кооперативное и синдикальное движеніе, и роль интеллигенціи и т. д., но за то, по крайней мѣрѣ, человекъ строгаго принципа, человекъ идеи; или г.г. «экономисты», которые готовы похоронить ортодоксію, готовы сдѣлать множество уступокъ, признать и общину, и артель, и деревню, и крестьянство, но за то тутъ же обольютъ это такимъ соусомъ оппортунизма и «философіи малыхъ дѣлъ», что, пожалуй, согласишься отдать назадъ всѣ уступки, всѣ ихъ признанія» ³⁾. Такъ, наконецъ,—иронія судьбы—народническое «Русское Богатство» увидѣло себя въ необходимости стать на защиту теоріи трудовой стоимости Маркса—впрочемъ, всегда раздѣлявшейся народничествомъ—противъ нападеній на нее бывшихъ русскихъ марксистовъ.

А тѣмъ временемъ, пока на страницахъ подцензурной журналистики велся этотъ споръ двухъ душъ въ единой груди народничества, происходило первое выступленіе въ литературѣ подполья только что начавшихъ еще соединяться въ разрозненныя группы социалистовъ-революціонеровъ. Еще въ 1898 году появляется въ Россіи программная брошюра «Наши Задачи», въ 1900 году выходитъ 1-й № «Революціонной Россіи», а также выпущенный одной группой «Мани-

¹⁾ Ихъ послѣдней попыткой выступленія самостоятельной группой мы считаемъ газету «Сынъ Отечества». Характерно, что съ 1900 г. В. В. уже хоронитъ себя на страницахъ того «Вѣстника Европы», съ которымъ онъ когда то такъ много сражался.

²⁾ Русск. Богат., 1901 г. кн. VII Подарскій «Наша текущая жизнь», стр. 64.

³⁾ Русск. Богат., 1900 г. кн. XI ст. В. Чернова «Типы капит. и аграр. эвол.», стр. 246.

фестъ партій». И одновременно же за границей оживляется дѣятельность Аграрно-Соціалистической Лиги, выходитъ брошюра «Очередный вопросъ» и подъ редакціей Тарасова въ 1901 году 1-ый № «Вѣстника русской революціи».

Къ концу 1901 года сплоченіе с. р.—овъ заканчивается образованіемъ партій и появленіемъ регулярно выходящей за границей партійной литературы.

О чемъ же, спрашивается, въ этотъ переходный, подготовительный къ организованной партійно-политической жизни, моментъ говорила свободная печать народничества: съ чѣмъ она пришла и на что рассчитывала?

Передъ нами еще несомнѣнная разногласица неспѣвшихся отдѣльныхъ кружковъ, хаосъ, изъ котораго не успѣло откristаллизоваться единообразное «общественное мнѣніе» революціоннаго народничества. Присматриваясь ближе, мы можемъ намѣтить, однако, основные мотивы въ этомъ идейномъ его выступленіи. Въ немъ прежде всего даетъ себя знать процессъ того растущаго самосознанія революціонной интеллигенціи, которое проектируется идеологически въ формулѣ «Нашихъ Задачъ»: интеллигенція—авангардъ революціи. «Мы обращаемъ,—заявляетъ съ своей стороны «Вѣстникъ русской революціи» въ статьѣ перваго № «Наша программа»,—особенное вниманіе на организацію умственнаго пролетаріата, являющагося... промежуточнымъ слоемъ между буржуазной и рабочей интеллигенціей».

Въ атмосферѣ антагонистическаго отношенія къ идеямъ марксизма, интеллигенція начинаетъ себя сознать, какъ самостоятельное политическое цѣлое, и однако, несмотря на это, она уже не можетъ себѣ мыслить политическаго обновленія Россіи безъ пролетаріата, какъ революціоннаго «народа» *par excellence*. Такъ, въ «Нашихъ Задачахъ», городской фабричный пролетаріатъ крупныхъ промышленныхъ центровъ рассматривается, какъ та именно «армія», которая, «предводительствуемая соціалистической интеллигенціей», «подниметъ движеніе и явится выразителемъ воли всей трудящейся массы фабричнаго люда и крестьянства».

И, наконецъ, эта интеллигенція, въ своемъ преобладающемъ большинствѣ, при всемъ народническомъ характерѣ своей концепціи развитія крестьянскаго хозяйства, для ближайшаго, по крайней мѣрѣ, момента ничего отъ крестьянства не ждетъ. «Систематическую дѣятельность среди крестьянства мы оставляемъ на будущее, не отказываясь лишь пользоваться всѣми удобными поводами для ознакомленія крестьянъ съ своей программой и привлеченія сознательныхъ сторонниковъ изъ наиболѣе развитой его части»—заявляютъ «Наша Задача». А «Вѣстникъ рус. револ.» считаетъ въ числѣ «политическихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ «Народной Волей»—отрицательный взглядъ на деревню, какъ на исходную точку демократическаго переворота, какъ на инициативную силу революціи». Инициативною же силой, по его мнѣнію, являются только—интеллигенція и рабочіе городовъ.

Такимъ образомъ, въ этотъ начальный періодъ развитія воскресшаго революціоннаго народничества, крестьянскій вопросъ не «очередной вопросъ» практической дѣятельности; онъ выступаетъ таковымъ лишь въ немногихъ произведеніяхъ заграничной «Аграрно-Соціалистической Лиги»,—а въ общемъ и цѣломъ остается теоретической схемой, намѣчаемой въ духѣ той «аграрной

эволюции», которая популяризировалась на страницах легального «Русского Богатства» в статьях Чернова, Пивнехонова и других.

Центральный же нерв идейного движения народничества проходит не здесь, он находится в сфере процесса революционизирования интеллигенции и воздействия ее на начавшееся рабочее движение. И до тех пор, пока этот процесс еще не принял своей специфически-интеллигентской формы—не окрасился в террористические тона, как в 1901 и еще более в 1902 г., и не дал еще, как в эти годы, новой вспышки массового движения интеллигенции, в виде забастовок студенчества и демонстрационной волны, до тех пор он волеи-неволей идеологически отражался в различных промежуточных вариантах, начиная от точки зрения, приближающейся к взглядам революционной социалдемократии, и кончая точкой зрения политического радикализма в его безпримесной форме. Или, конкретно говоря, от «Манифеста партии», в свое время приветствованного Плехановым за его социалдемократический характер, и до 1-го № «Революционной России»,—тогда еще выходившей в России в качестве органа союза социалистов-революционеров,—номера, в котором в заявлении от редакции говорилось: «Политическая свобода—свобода слова, собраний, союзов, участия в законодательстве и управлении страны—вот лозунг наших дней, вот та ближайшая цель, которая, силою окружающих условий, отодвигает на задний план решение основных вопросов переустройства нашей общественной жизни, дѣлает его пока неосуществимым». И далее: «Мы глубоко убеждены, что, только идя на встречу назревшей потребности, выдвигая на первый план задачу политического освобождения, русские революционеры-социалисты могут рассчитывать на успешность своей работы и на приближение своего конечного идеала».

Как видим: здесь нет идеи освободителя-пролетариата, но еще нет в то же время и идеи террора и того утопизма в постановке политической задачи, который был характерен как для старой Народной Воли, так окажется не менее характерным и для позднейшего периода в развитии революционного народничества.

Потому-то, считаясь с этими фактами тогдашней идейной эволюции народничества, как с симптоматическими, Группа Освобождения Труда и считала возможным в объявлении о возобновлении своей деятельности в 1899 г. сдѣлать знаменательное заявление о том, что «в настоящій моментъ социал-демократическая пресса обязана выдвигать и подчеркивать тѣ стороны и тѣ практическія стремленія, которыя общи нашему движению и революционному народничеству».

Мы переходимъ, такимъ образомъ, къ идейному движению революционного марксизма. Уже самая возможность приведеннаго нами сейчасъ заявленія указывала на глубину происшедшаго перелома, но всю значительность различія между недавней эрой господства идейного комплекса, названнаго нами марксизмомъ 90-хъ годовъ, и настоящимъ моментомъ его разложения. А моментъ былъ таковъ, что среди идейныхъ перегруппировокъ разсматриваемаго нами двухлѣтія, рядомъ съ формирующимся «идеалистическимъ» либерализмомъ и революционнымъ народничествомъ, все сильнѣе выдвигалась та часть револю-

ционной интеллигенции, которая, будучи непосредственно связана практической работой с движением рабочего класса, в процессе своего сплочения и попыток создания самостоятельной политической партии пролетариата, выдвигала идеи революционного марксизма.

Революционный марксизм в России становился из лабораторного продукта прежних лет, из неотделившейся части так называемого легального марксизма, идеологическим выражением процесса консолидации русской социал-демократии. Этим и объясняется та смѣнная задача, стоявших перед марксизмом, которая дала себя знать с такой рѣзкостью в этот момент перехода. Так еще недавно вопрос о развитии капитализма в России был актуальным политическим вопросом марксизма и, напр., еще в 1898 г. «Русская фабрика» Тугань-Барановского создавала вокруг себя атмосферу внимания, теперь же, в 1899—1900 гг., аналогичные темы, даже «Развитие капитализма в России» Ильина, проходили, не возбуждая реплик и представляясь почти академическими. И наоборот, вопросы практического движения, в период легального марксизма сводившиеся чуть ли не к одной элементарной проблеме агитации и затѣнные основным моментом борьбы марксизма с народничеством, стали теперь тем фокусом, к которому тайно или явно тяготѣли все споры, который стоял за очередными вопросами—объ «экономизмъ» и «бернштейнианствѣ».

И вмѣстѣ съ темъ усложнялась практика движения, вопрос о партии становился центральным и еще в 1897—98 гг. оказавшаяся не ко времени работа П. Б. Аксельрода, «Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социалъ-демократовъ», сдѣлалась в известномъ смыслѣ отправнымъ пунктомъ для революционно-марксистскаго движения. Недаромъ первый же протестъ в России противъ намъ уже известнаго Среда опирался на тѣ двѣ знаменитыя перспективы, которыя ставилъ Аксельродъ, какъ неизбежную дилемму для рабочего движения в России.

«Рабочее движение—писалъ Аксельродъ—не выходитъ изъ тѣснаго русла чисто-экономическихъ столкновений рабочихъ съ предпринимателями и само по себѣ, въ цѣломъ, лишено политическаго характера. Въ борьбѣ же за политическую свободу, передовые слои пролетариата идутъ за революционными кружками и фракціями изъ такъ называемой интеллигенціи... Другая перспектива—социалдемократія организуетъ русскій пролетариатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу частью рядомъ и въ союзѣ съ буржуазными революционными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), частью же привлекая прямо въ ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые элементы изъ интеллигенціи». («Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социалдемократовъ». Женева, 1897 г. стр. 19—20). Теперь дилемма Аксельрода, изъ перспективной дали переходя въ текущую дѣйствительность, становилась реальностью, воплощалась въ борьбѣ революціоннаго марксизма съ экономизмомъ и бернштейнианствомъ.

«Объявленіе о возобновленіи дѣятельности Группы Освобожденія труда» именно такъ и понимало очередную задачу революціоннаго русскаго марксизма. Оно отмѣчало, что «представители узкаго и грубаго экономизма въ нашемъ

движеніи ищутъ себѣ поддержки на Западѣ, въ воззрѣніяхъ тѣхъ «критиковъ» марксизма, знаменосцемъ и глашатаемъ которыхъ выступилъ Бернштейнъ; оно указывало на эволюцію въ самомъ «экономизмѣ»: «первоначально воззрѣнія представителей антиполитическаго направленія въ нашемъ движеніи—говорило оно—въ очень существенныхъ пунктахъ прямо противоположны были воззрѣніямъ бернштейнства. Но нашлись мудрецы, которые ухитрились образовать изъ тѣхъ и другихъ своеобразную идейную смѣсь и сдѣлать изъ нея теоретическую основу для принципиальной борьбы противъ стремленій, направленныхъ къ организаціи самостоятельнаго политическаго движенія среди русскихъ рабочихъ. Вражда къ этимъ стремленіямъ мотивируется уже не временными тактическими или просто примитивно-педагогическими соображеніями, а принципиальными, въ силу которыхъ сама идея организаціи самостоятельной рабочей политической партіи является не чѣмъ инымъ, какъ зловредной утопіей и продуктомъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву». И далѣе, цитируя Credo, «Объявленіе» констатировало, что «русская социалдемократія—если слѣдовать Credo—должна отказаться отъ всякихъ революціонныхъ помысловъ и дѣйствій и завершить свое кратковременное существованіе такимъ же образомъ, какъ и народничество, именно: превратиться въ партію мирныхъ конституціоналистовъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ порахъ либеральнаго «общества». Но народничество можетъ указать на славныя традиции своего революціоннаго прошлаго... русская же социалдемократія, всего только безъ году недѣлю выступившая, какъ практическая активная боевая сила на историческое поприще, произнесла бы смертный приговоръ и надъ своимъ кратковременнымъ прошлымъ, и надъ своимъ будущимъ, если бы она по совѣту своихъ мнимыхъ друзей отказалась отъ преслѣдованія революціонныхъ задачъ»...

И конечный выводъ отсюда: «борьба съ ними (т. е. съ русскими бернштейнцами) это—борьба за существованіе социалдемократіи въ современной Россіи».

Линія движенія русскаго революціоннаго марксизма была, такимъ образомъ, намѣчена; открывалась кампанія *противъ* «экономизма» и бернштейнства и одновременно за реализацію той партіи, номинальное существованіе которой ведетъ свое начало со времени съѣзда 1898 г. и опубликованнаго имъ манифеста.

«Опасность» угрожаетъ социалдемократіи «изнутри» — говорила декларация группы. Но если отъ этой декларации мы обратимся къ литературѣ двухлѣтія, то мы сразу окажемся въ томъ своеобразномъ положеніи, въ которомъ очутился Плехановъ, когда захотѣлъ документально изобразить «экономизмъ».

Правда, литература «критики марксизма» была чрезвычайно обширна, мы касались ея, говоря объ эволюціи демократіи «отъ марксизма къ идеализму», но это была литература демократической ликвидаціи социалдемократіи, литература съ чрезвычайной поспѣшностью приспособлявшаяся къ своему новому политическому «курсу». Литература же «экономизма» настолько отсутствовала, что это отсутствіе и заставило въ то время Плеханова, выпуская свой полемическій памфлетъ противъ редакціи «Рабочаго Дѣла» — «Vademecum» — оперировать съ

неопубликованными документами и заявлениями социалдемократовъ «экономистовъ».

Какъ извѣстное умонастроение «экономизмъ» былъ разлитъ въ жизни, въ практикѣ социалдемократическихъ организаций; онъ по частямъ просачивался въ литературу, онъ проникъ между прочимъ и въ «Рабочее Дѣло», съ 99-го года начавшаго выходить взамѣнъ прежняго «Работника» (въ редакціи котораго участвовала Гр. Осв. тр.), но нигдѣ «экономизмъ» не получилъ законченнаго выраженія, идеологической разработки, — если не считать неоднократно уже нами упоминавшагося буржуазно-демократическаго *Credo*, политическіе выводы котораго заставляли отъ него отрекаться «экономистовъ», да еще нѣкоторыхъ статей въ Петербургской «Рабочей Мысли», въ особенности же ея «отдѣльнаго приложения», вышедшаго осенью 99 года (къ слову сказать, со статьей, написанной для «Рабочей Мысли» Эд. Бернштейномъ).

Дѣло въ томъ, что экономизмъ былъ умонастроеніемъ, которое вышло изъ комбинаціи условій, получившей возможность просуществовать лишь короткое время и исчезнувшей прежде, чѣмъ этой комбинаціей рожденное умонастроеніе успѣло откристаллизироваться въ опредѣленную идеологическую форму. Какъ мы уже говорили, стачечная борьба пролетаріата оборвалась съ наступленіемъ промышленнаго кризиса, а въ средѣ самыхъ разныхъ слоевъ демократической интеллигенціи ускореннымъ темпомъ шелъ процессъ ихъ революціонизированія, процессъ, который даже Бердиева и Струве задѣлывалъ рикошетомъ, заставляя отмежевываться отъ «филистерства» Бернштейна ради правъ «утопизма». Тѣмъ болѣе долженъ былъ обнаружиться этотъ процессъ въ средѣ той интеллигенціи, которая продолжала быть связанной съ движеніемъ рабочаго класса. Какъ мы еще увидимъ, что дальше, то больше, изъ кругозора этой интеллигенціи «политика» вытѣсняла «экономику», вопросъ о политическомъ освобожденіи Россіи заслонялъ собою обслуживаніе повседневныхъ экономическихъ нуждъ пролетаріата, все болѣе представлялось заведомо ни съ чѣмъ несообразной недавняя концепція экономизма, говорившая о возможности улучшенія положенія рабочаго класса въ рамкахъ существующаго политическаго строя, о преждевременности политической борьбы, а выпады «Раб. Мысли» противъ интеллигенціи и ея «революціоннаго нигилизма» только дискредитировали ихъ авторовъ. Къ моменту начавшагося процесса сплоченія революціонно-марксистской интеллигенціи отъ «экономизма» оставались одни лишь обрывки — теорія стадій Раб. Дѣла, непосредственно примыкавшая къ вопросамъ агитаціонной педагогики, да индифферентизмъ къ социалдемократической догмѣ и расположеніе къ «критикѣ», во имя текущихъ интересовъ движенія.

Такимъ образомъ, экономизмъ уже былъ наполовину отжившимъ явленіемъ къ тому времени, когда процессъ сплоченія революціонно-марксистской интеллигенціи выдвинулъ «Искру» и съ нею выстѣлъ вопросъ — организаціонно-партийный. Осенью 1900 года появляется объявленіе объ изданіи «Искры», съ уже намѣтившейся организаціонно-политической линіей и въ декабрь того же года первый номеръ газеты. Весной 1901 г. выходитъ № 1 «Зари». Но эта дѣятельность, начало которой еще падаетъ, правда, на конецъ 1900 года, по существу уже выходитъ изъ предѣловъ переходнаго двухлѣтія. Съ нею мы окончательно входимъ въ послѣдній, партийно-политическій періодъ предреволюціонной эпохи.

IV. Періодъ партійной политики.

Если двухлѣтіе съ 1899 и по 1901 годъ, какъ мы уже видѣли, расщепивъ идейный комплексъ марксизма 90-хъ годовъ на его составляющіе элементы, продвинуло часть демократіи къ либерализму, консолидировало революціонно-марксистское ученіе и породило революціонное народничество, то, начиная приблизительно съ 1901 года, эти идейныя теченія закрѣпляютъ свою связь съ партійно-политической дѣятельностью, по мѣрѣ того, какъ одна партійная группировка вслѣдъ за другою выступаетъ на сцену политической жизни: вначалѣ только революціонно-марксистское теченіе имѣетъ свою базу въ организуемомъ движеніи социаль-демократіи, затѣмъ—революціонное народничество находитъ опору въ слагающихся въ партію къ концу 1901 года организаціяхъ социалистовъ-революціонеровъ, и, наконецъ, послѣднимъ либерализмъ демократіи пытается связаться съ организаціями земцевъ и создаетъ организацію ad hoc—Союзъ Освобожденія. Соотвѣтственно же этому процессу сближенія идейныхъ теченій съ общественно-политической дѣятельностью партій, какъ и съ быстро идущимъ впередъ оживленіемъ жизни, въ идеологіяхъ на первое мѣсто выдвигаются вопросы, такъ или иначе непосредственно связанные съ этой политической практикой. Подцензурная печать все болѣе сходитъ на нѣтъ и—вплоть до второй половины 1904 г.—положеніе центровъ идейнаго движенія сохраняютъ за собой нелегальные органы, какъ выразители стоящихъ за ними опредѣленныхъ общественныхъ силъ.

Такъ, основное теченіе марксизма идетъ по фарватеру «Искры»—«Зари» между тѣмъ какъ въ литературѣ «легальной» остается либо неимѣющая политическаго значенія струйка, въ видѣ марксистской примѣси къ неопредѣленно-демократическому содержанію «Міра Божьяго» или позже «Образованія», либо одиноко стоящія работы отдѣльныхъ писателей, какъ напр., вышедшій въ 1903 г. «Аграрный вопросъ» П. Маслова. И едва ли не въ качествѣ единственной легально-марксистской формации этого періода выступаетъ та группа писателей, которая сосредоточиваетъ свои силы на вопросахъ философіи и эстетики и въ борьбѣ съ нахлынувшимъ тогда на русскую общественную мысль идеализмомъ пытается произвести сочетаніе марксизма съ философскими взглядами Авенаріуса и Маха. Плодомъ по преимуществу усилій этой группы (Богдановъ, Луначарскій, Базаровъ) является сборникъ «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія», а затѣмъ отчасти и журналъ «Правда», начавшій выходить уже къ самому концу этого періода «кануна революціи».

Такъ, «Русское Богатство», успѣвшее заложить основаніе для нѣкоторыхъ взглядовъ революц. народничества (спеціально по аграрному вопросу), становится, несмотря на присутствіе Михайловскаго, все болѣе блѣднымъ, по мѣрѣ того какъ на очередь выступаютъ тѣ задачи, которыя—по своему актуально-политическому характеру—могли быть дебатированы лишь на столбцахъ—«Революціонной Россіи» или «Вѣстника русск. революціи».

Такъ, даже описанное нами движеніе демократіи «отъ марксизма къ идеализму»—не говоря уже о либеральномъ движеніи въ его цѣломъ—находило свое

завершение не столько въ «Проблемахъ идеализма», а тѣмъ менѣе въ такихъ, не имѣвшихъ никакого политическаго значенія, журналахъ, какъ «Вопросы Жизни» (и отчасти «Новый Путь»), а въ организаци свободной трибуны для либерализма въ штуттгартскомъ органѣ Струве—«Освобожденіе». Ни «Вѣстникъ Европы», ни «Русск. Вѣдомости», ни «Русская Мысль» за это время не играютъ какой роли, и одно только «Право» привлекаетъ къ себѣ время отъ времени вниманіе статьями Набокова, кн. С и Е. Трубецкихъ, Петрункевича и нѣкоторыхъ другихъ писателей.

Революціонный марксизмъ былъ первымъ, вошедшимъ въ эту полосу партійной политики; вошедшимъ въ то время еще, когда революціонное народничество переживало эмбриональную стадію своего партійнаго развитія, а либерализмъ еще не успѣлъ обрѣсти той новой своей формы, которая дана была взаимодействіемъ эволюціонировавшей отъ марксизма къ идеализму демократіи и земской культурно-либеральной среды. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, какъ этотъ приоритетъ социаль-демократическаго выступленія и одновременно организованности, отразился на нѣкоторыхъ чертахъ революціонно-марксистской идеологіи. Сейчасъ мы переходимъ къ опредѣленію той работы, которую пришлось произвести революціонному марксизму на первыхъ же порахъ своего консолидированнаго выступленія. Это была, прежде всего, реализація тѣхъ обязательствъ, которыя были приняты имъ на себя еще въ предъидущее двухлѣтіе, но по которымъ уплатить въ полной мѣрѣ ему удалось только теперь: отвѣтъ бернштейнианству и ликвидація экономизма.

Только теперь, въ 1901—1902 г.г., въ 3 книжкахъ «Зари» русская «критика марксизма» услышала свою антикритику изъ устъ «ортодоксіи», она получила тотъ отвѣтъ, который ей успѣлъ еще дать революціонный марксизмъ до тѣхъ поръ, пока волна растущаго освободительнаго движенія не захлестнула его своими текущими политическими интересами, и пока, съ другой стороны, русское бернштейнианство еще не растворилось безъ остатка въ новообразовавшемся либерализмѣ.

Въ серіи статей, подъ общимъ названіемъ «Критика нашихъ критиковъ», Плехановъ сводилъ счеты съ попытками критиковъ Маркса перекроить и перетолковать на свой ладъ Марксову теорію общественнаго развитія. Сводя же эти счеты, ему приходилось концентрировать свое вниманіе на Струве, ибо въ то время Струве, которому и мы должны были удѣлить такъ много вниманія и мѣста—представлялъ изъ себя центральную фигуру въ идейномъ развитіи буржуазной демократіи. Потому-то такое значеніе и приобрѣтало доказательство несостоятельности его аргументаціи и такъ важно было вскрыть общественное содержаніе его «критики».

Съ данными новѣйшей статистики въ рукахъ, Плехановъ показалъ несостоятельность того представленія ревизионизма объ относительномъ улучшеніи въ положеніи рабочаго класса, которое легло въ основаніе всѣхъ выводовъ о развитіи современнаго общества путемъ «притупленія противорѣчій». Но мало того: и въ болѣе общей формѣ Плехановъ показалъ, какъ историческую несостоятельность той «формулы развитія», которая дана была Струве, такъ и логическую несостоятельность тѣхъ доводовъ, которыми Струве пытался «гносеологически»

мотивировать свое неприятие въ исторіи «скачковъ», и, стало быть,—свое отрицаніе соціальной революціи.

«Если понятіе—общественный переворотъ—несостоятельно потому, что природа скачковъ не дѣлаетъ, а интеллектъ ихъ не терпитъ—замѣчалъ Плехановъ—то, очевидно, что эти рѣшительные доводы должны въ одинаковой мѣрѣ относиться ко всѣмъ переворотамъ. А если революція буржуазіи давно уже совершилась, несмотря на то, что скачки «невозможны», а измѣненія «непрерывны», то у насъ есть всѣ основанія думать, что въ свое время совершатся и другіе перевороты, если только, разумѣется, они не встрѣтятъ на своемъ пути другихъ препятствій, болѣе серьезныхъ, чѣмъ тѣ, на которыя указываетъ намъ г. П. Струве въ своихъ «гносеологическихъ разсужденіяхъ»¹⁾.

Соціальная революція не исключаетъ соціальной реформы и «формула» историческаго развитія, если ужъ таковая непременно нужна, должна охватить и революцію, и реформы, какъ различные моменты одного историческаго процесса. Струве считаетъ неотразимымъ аргументъ, гласящій, что «выродившійся рабочій классъ» не «способенъ совершить величайшій изъ всѣхъ переворотовъ, какіе только знала исторія». Но, вѣдь, Марксъ и Энгельсъ «никогда» и «не рассчитывали на выродившіеся элементы пролетаріата, какъ на общественную силу». И тогда какъ Струве полагаетъ, что «ухудшеніе общественнаго положенія пролетаріата... равносильно созданію условій, затрудняющихъ развитіе его классоваго самосознанія», Марксъ и Энгельсъ говорили о томъ, что развитіе капитализма «создаетъ не одни только «пассивные продукты общественнаго разложенія», оно, кромѣ того, будитъ мысль... пролетаріевъ... и образуетъ изъ нихъ все болѣе растущую армію общественнаго переустройства». Указывая на ростъ нищеты и т. д., Марксъ указывалъ также и на «возмущеніе рабочаго класса, который постоянно растетъ и постоянно обучается, объединяется и организуется самымъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства». (Тамъ же, стр. 95).

Свою «реалистическую» точку зрѣнія Струве пытается обосновать на «коренномъ положеніи историческаго матеріализма» о постоянно совершающемся «приспособленіи права къ экономіи», положеніи, по мнѣнію Струве, идущемъ въ разрѣзъ съ Марксовой концепціей соціальной революціи, но обосновываетъ точку зрѣнія на томъ «коренномъ недоразумѣніи», въ которое при этомъ впадаетъ, исказивъ матеріалистическое ученіе Маркса. И во имя «реализма» же онъ отвергаетъ и «конечную цѣль», изъ предмета познанія дѣлая ее предметомъ религіи. Но «для того, чтобы «конечная цѣль»—говоритъ Плехановъ—стала для меня болѣе или менѣе благочестивой утопіей, неосуществимость которой ясна для меня при свѣтѣ сознанія, необходимо, чтобы я предварительно убѣдилъ себя въ томъ, что никакого окончательнаго исхода развитіе нынѣшняго экономическаго порядка имѣть не будетъ и не можетъ по самому своему существу... Но что же означаетъ собою это признаніе невозможности окончательнаго исхода? Оно означаетъ убѣжденіе въ томъ, что процессъ развитія капитализма будетъ продол-

¹⁾ Плехановъ. «Критика нашихъ критиковъ». Спб. изд. 1906 г., стр. 97—98.

жаться постоянно, т. е. другими словами, что капитализм будет существовать всегда, или, по крайней мѣрѣ, такъ необозримо долго, что незачѣмъ и задумываться объ его устраненіи... Разъ у человѣка возникло такое убѣжденіе, то ему, въ самомъ дѣлѣ, не остается ничего другого, какъ положить «конечную цѣль» на божницу благочестивыхъ утопій и признать штопанье дыръ единственной общественной дѣятельностью, имѣющей подъ собою реальную почву» (Тамъ же, стр. 122). Свою антикритику Плехановъ суммировалъ въ выводѣ: «историческая миссія нашихъ «критиковъ» заключается въ «пересмотрѣ» Маркса для устраненія изъ его теорій всего ея истинно-новаторскаго содержанія». Нашу «образованную мелкую буржуазію, идеологами которой являются гг. «критики», отталкиваютъ его (Маркса) крайніе выводы; ее пугаетъ его страсть. Но «по нынѣшнимъ временамъ» трудно обойтись и совсѣмъ безъ Маркса: его критическое оружіе необходимо въ борьбѣ съ охранителями всѣхъ реакціонныхъ цвѣтовъ и съ утопистами разныхъ народническихъ оттѣнковъ. Поэтому надо очистить теорію Маркса отъ ея плевелъ; надо противопоставить настоящему Марксу—Маркса-реформатора, Маркса-реалиста». «Марксъ противъ Маркса»! И вотъ закипаетъ работа «критики». Изъ теорій Маркса выбрасываются одно за другимъ всѣ тѣ положенія, которыя могутъ служить пролетаріату духовнымъ оружіемъ въ его борьбѣ съ буржуазіей. Діалектика; матеріализмъ; ученіе объ общественныхъ противорѣчіяхъ, какъ о стимулѣ общественнаго прогресса; теорія стоимости вообще и теорія прибавочной стоимости въ частности; устраненіе капиталистическихъ отношеній производства; диктатура пролетаріата—всѣ эти необходимыя составныя части Марксознаго ученія, безъ которыхъ оно утрачиваетъ все свое существенное содержаніе, обьявляются второстепенными частностями, несоотвѣтствующими нынѣшнему состоянію науки, тенденціозными, утонченными... Мало-по-малу изъ горниза «критики» выходитъ такой Марксъ, который, мастерски доказывая намъ историческую необходимость возникновенія капиталистическаго способа производства, обнаруживаетъ очень большой скептицизмъ во всемъ томъ, что касается его устраненія. «Критика» ухитряется сдѣлать изъ Маркса почти консерватора» (стр. 125). Соціальная реформа въ теоріи Струве—говорилъ Плехановъ—не только не угрожаетъ господству буржуазіи, но, напротивъ, обѣщаетъ поддерживать его, содѣйствуя упроченію «соціальнаго мира». И если наша крупная буржуазія до сихъ поръ и слышать не хочетъ объ этой «реформѣ», то это не мѣшаетъ нашему «неомарксизму» быть лучшимъ и самымъ передовымъ выраженіемъ общихъ спеціально-политическихъ интересовъ буржуазнаго класса, какъ цѣлаго. Теоретики нашей мелкой буржуазіи видятъ дальше и судятъ лучше, чѣмъ дѣльцы—вожаки крупной. Поэтому ясно, что именно теоретикамъ нашей мелкой буржуазіи будетъ принадлежать руководящая роль въ освободительномъ движеніи нашего «средняго класса» (стр. 126).

Если Плехановъ доказывалъ теоретическую несостоятельность русской «критики Маркса» въ общихъ вопросахъ соціальнаго развитія, то работы другихъ авторовъ въ «Зарѣ» затрагивали отдѣльныя темы этой «критики» или анализировали общественно-политическое содержаніе ея появленія въ Россіи.

Такъ, Ленинъ,—въ своей неоконченной работѣ—выступалъ противъ «критиковъ» въ аграрномъ вопросѣ—Чернова и Булгакова ¹⁾; В. И. Засуличъ

отдавала должное «идеализму» Бердяева и его изобличенію европейскаго рабочаго движенія въ буржуазности, кваліцифируя его «философію», какъ проектъ украшенія «буржуазной лавки» «букетомъ бумажныхъ цвѣтовъ» «абсолютнаго добра, истины и красоты». «Старый бумажный букетъ измялся, запылится, его не видно изъ-за тюковъ съ товарами, но почему же, въ самомъ дѣлѣ, не встряхнуть его и не поставить на видное мѣсто въ качествѣ «компенсаціи» за духовныя потери пролетаріата, заключающіяся въ возведеніи текущаго пятачка въ единственную цѣль и высшую цѣнность жизни» ²⁾. Л. Аксельродъ (Ортодоксъ) ³⁾ оперировала съ «гносеологіей» Струве, Л. Мартовъ, въ статьѣ «Всегда въ меньшинствѣ», ставилъ кризисъ русскаго марксизма въ связь съ эволюціей буржуазной демократіи, предрекая революціонному марксизму удѣлъ «меньшинства», и Старовѣръ определялъ общественно-психологическое содержаніе того, «что случилось» съ русскимъ легальнымъ марксизмомъ.

И во всѣхъ этихъ работахъ красной нитью проходила борьба за самостоятельную политическую партію пролетаріата и за «конечную цѣль», какъ определяющій принципъ этой партіи. Правда, ревизионизмъ, нападая на отдѣльныя положенія марксизма, еще остерегался, до поры до времени, открыто разрывать съ движеніемъ социаль-демократіи и тщательно подчеркивалъ свои социалистическія симпатіи. И однако, либеральный метаморфозъ буржуазной демократіи, явившійся дальнѣйшимъ этапомъ русскаго ревизионизма, только подтверждалъ справедливость той позиціи, которую занялъ по отношенію къ нему революціонный марксизмъ, и вѣрность поставленныхъ ревизионизму діагноза и прогноза.

Но если борьба противъ ревизионистскихъ идей въ конечномъ своемъ счетѣ была борьбой за идею самостоятельной политической партіи пролетаріата, то о борьбѣ революціоннаго марксизма противъ пережитковъ экономизма, еще вистѣвшихъ непосредственно грузомъ надъ его партійно-политической практикой, приходится сказать, что эта борьба была борьбой за непосредственную реализацію уже существовавшей номинально партіи и за такіе методы ея построенія, при которыхъ этой партіи максимально обезпечивалась чистота ея социалдемократическихъ принциповъ.

Какъ мы уже говорили, къ моменту выступленія «Искры» старый экономизмъ уже умиралъ; въ атмосферѣ растущаго политическаго возбужденія, идея преждевременности перехода къ политической агитаціи въ рабочей массѣ становилась все болѣе вопіющимъ анахронизмомъ, пока, наконецъ, волна февральскихъ и мартовскихъ событій 1901 г. окончательно не смыла ее съ поверхности общественной жизни. Естественно, что при данныхъ условіяхъ марксистская критика «экономизма» не столько боролась съ нимъ, сколько подводила итоги, занимаясь уже въ сущности его ликвидаціей.

Именно, такой характеръ носила статья Плеханова въ «Зарѣ» (№ 1) — «Еще разъ социализмъ и политическая борьба» — и соотвѣтственно этому объектомъ своей критики брала не кричація проявленія экономизма, не эксцессы его антирево-

¹⁾ Ст. «Гг. „критики“ въ аграрномъ вопросѣ», „Заря“, № 2—3.

²⁾ Ст. «Элементы идеализма въ социализмѣ», „Заря“ № 2—3 и 4.

³⁾ «Почему мы не хотимъ идти назадъ», „Заря“ № 2—3 и ст. «О нѣкоторыхъ философскихъ упражненіяхъ нѣкоторыхъ критиковъ», „Заря“ № 4.

люціоннаго настроенія въ извѣстномъ приложеніи къ «Рабочей Мысли», а то существо его взглядовъ, тотъ корень его теоретическихъ ошибокъ, который—по мнѣнію Плеханова—уже можетъ быть установленъ въ брошюрѣ «Объ агитаціи», сыгравшей такую значительную роль въ социалдемократической практикѣ половины 90-хъ годовъ. Эта брошюра—говорилъ Плехановъ—нанесла въ свое время сильный ударъ «кружковщинѣ», создавшей очень образованныхъ людей изъ отдѣльныхъ рабочихъ и рѣшительно неспособной вліять на массу, но она боролась съ кружковщиной такими доводами, которые дали ей возможность стать на нѣкоторое время «евангеліемъ чистыхъ экономистовъ, съ точностью воспроизводившихъ старыя ошибки народниковъ». Исходя изъ противопоставленія—«объективной логики вещей», которою народная масса вовлекается въ борьбу, «разсужденіямъ», якобы, не играющимъ при этомъ какой либо роли, авторъ брошюры «Объ агитаціи» тѣмъ самымъ закладывалъ основаніе для выводовъ, которые дѣлались затѣмъ «экономистами». Въ самомъ дѣлѣ, если «разсужденія» не имѣютъ значенія, то мы должны говорить народнымъ массамъ только то, что имъ доступно и безъ нашихъ разсужденій, слѣдовательно, сосредоточить свои усилія на ихъ ближайшихъ экономическихъ интересахъ. И если, далѣе, по мнѣнію автора брошюры, «роль нашей партіи ограничивается тѣмъ, чтобы опредѣлить тотъ моментъ, когда экономическая борьба рабочихъ должна перейти въ политическую, то ясно, что этому моменту будетъ предшествовать періодъ чисто-экономической агитаціи, до окончанія котораго всякая мысль о политической борьбѣ останется преждевременной, а потому и вредной». Такимъ путемъ мы приходимъ къ тому смѣшенію понятія «классъ» съ понятіемъ «партія», которое «служить теперь... источникомъ... заблужденій», препятствующимъ «извѣстной части русскихъ социаль-демократовъ не только вѣрно рѣшить, но даже правильно формулировать нашу политическую задачу».

Между тѣмъ, надо помнить: «если рабочій классъ данной страны, взятый въ его цѣломъ... еще не созрѣлъ для перехода къ политической борьбѣ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что «моментъ» такой борьбы еще не насталъ для партіи, задавшейся цѣлью политическаго воспитанія этого класса. Для партіи моментъ политической борьбы наступаетъ каждый разъ, когда она встрѣчаетъ поводъ для политической агитаціи». Въ противномъ случаѣ, игнорируя инициативу партіи въ дѣлѣ политической борьбы, мы логически приходимъ къ тому выводу, согласно которому «существованіе социаль-демократіи не имѣетъ теперь смысла»¹⁾.

Одновременно, однако, съ ликвидаціей «экономизма» и его тезиса о преждевременности политической агитаціи, на первый планъ выступала борьба съ тѣмъ хаосомъ его пережитковъ, широко разлитымъ въ социаль-демократической средѣ того времени, съ хаосомъ, который стоялъ на пути процессу консолидаціи социаль-демократіи въ партію, получившему свое выраженіе въ «Искрѣ» и ея организаціонно-политическихъ планахъ.

Организаціонная раздробленность, элементарность практики, не выходящая изъ среды взаимоотношеній между рабочими и предпринимателями, и соответственно, элементарность социаль-демократическихъ взглядовъ на политику—

¹⁾ Цитируемъ по изд. 1906 г., стр. 88—100.

это наследіе не только экономизма, но и всего періода легальнаго марксизма вообще, — или лучше, сказать, абсентизмъ въ политикѣ и рядомъ политика, не объединенная единствомъ принципа, и какъ ея слѣдствіе, политическій импрессионизмъ, благодаря которому возможны были скачки отъ настроеній, непосредственно связанныхъ съ «экономизмомъ», вплоть до призывовъ на «штурмъ» и сочувствія террористическимъ методамъ дѣйствій — вотъ съ чѣмъ «Искрѣ» пришлось столкнуться съ первыхъ же шаговъ ея выступленія, и вотъ въ антагонизмъ къ чему опредѣлялось направленіе какъ ея политики, такъ и ея организационно-партийной практики.

«Содѣйствовать политическому развитію и политической организаціи рабочаго класса — наша главная и основная задача», писала «Искра» въ передовой статьѣ своего перваго номера. «Всякій, кто отодвигаетъ эту задачу на второй планъ, кто не подчиняетъ ей всѣхъ частныхъ задачъ и отдѣльныхъ приемовъ борьбы, тотъ становится на ложный путь и наноситъ серьезный вредъ движенію. Отодвигаютъ эту задачу тѣ, кто суживаетъ содержаніе и размахъ политической пропаганды, агитаціи и организаціи, кто считаетъ возможнымъ и умѣстнымъ угощать рабочихъ «политикой» только въ исключительные моменты ихъ жизни... кто слишкомъ заботливо размѣниваетъ политическую борьбу» противъ стараго режима «на требованія отдѣльныхъ уступокъ и недостаточно заботится о томъ, чтобы эти требованія отдѣльныхъ уступокъ возвести въ систематическую борьбу» рабочей партіи противъ существующаго политическаго строя.

И далѣе: «безъ такой организаціи (т. е. безъ политической партіи) пролетаріатъ не способенъ подняться до сознательной классовой борьбы, безъ такой организаціи рабочее движеніе осуждено на безсиліе, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на немъ великую историческую задачу: освободить себя и весь русскій народъ отъ его политическаго и экономическаго рабства». И въ заключеніе: мы осуществимъ эту задачу, «если всѣ силы пробуждающагося пролетаріата соединимъ со всѣми силами русскихъ революціонеровъ въ одну партію, къ которой потянется все, что есть въ Россіи живого и честнаго».

Передъ нами, такимъ образомъ, въ первомъ же номерѣ «Искры» очередная задача политической агитаціи въ рабочемъ классѣ и его политической организаціи упирается въ идею гегемоніи пролетаріата и его социаль-демократическаго авангарда въ дѣлѣ политическаго освобожденія Россіи. И та же идея въ различныхъ вариантахъ встаетъ передъ нами и дальше. Напомнимъ, напр., статью «На порогѣ двадцатаго вѣка» во 2 № «Искры» съ ея заключительнымъ аккордомъ: «русская соц.-демократическая партія возьметъ на себя инициативу борьбы... и она нанесетъ... ударъ, опираясь на болѣе или менѣе энергичную, прямую или косвенную, поддержку всѣхъ тѣхъ элементовъ, на которые давитъ теперь тяжелое, неуклюжее зданіе неограниченной монархіи»... или перифразъ извѣстной рѣчи Плеханова на парижскомъ конгрессѣ 1889 года, въ статьѣ № 20 «Искры»: «только на фундаментѣ политическаго самосознанія русскаго пролетаріата можетъ быть воздвигнуто зданіе русской политической свободы! Русское революціонное движеніе восторжествуетъ, какъ движеніе рабочей массы, или совсѣмъ не восторжествуетъ»...

Но для того, чтобы понять политическую позицию, занятую «Искрой» и роль, которую въ ей представленіи играла идея гегемоніи, мы должны обратиться къ общественно-политической конъюнктурѣ того времени, когда вырабатывалась идеология «Искры». Это было время уже завершенной дифференцировки идейныхъ теченій, за которой, однако, еще не успѣла послѣдовать дифференцировка партійно-политическая.

Вплоть до начала 1902 года, когда обнаружились первые признаки буржуазно-демократической консолидаціи вокругъ либеральнаго земства и когда ростъ террористическихъ настроеній интеллигенціи въ связи съ начавшимися крестьянскими волненіями далъ благопріятную среду для развитія социалистовъ-революціонеровъ — «Искра» имѣла передъ собою ту аморфную обывательскую массу, тотъ конгломератъ либерально-демократическихъ и революціонно-настроенныхъ элементовъ, въ которомъ бродили извѣстныя тенденціи и слагались неопредѣлившіяся еще группировки, но который не могъ противопоставить чего либо съ своей стороны организационному процессу социаль-демократіи.

При такихъ то условіяхъ начинала свою публицистическую миссію «Искра», какъ литературная представительница социаль-демократіи и въ то же время, какъ органъ всенародныхъ политическихъ обличеній, въ поддержкѣ котораго непосредственно заинтересованы всѣ демократическіе элементы страны (см. ея «Объявленіе»). И при тѣхъ же условіяхъ начиналась впервые, въ обстановкѣ развивающейся политической жизни, конкретизація идеи гегемоніи — этой исконной концепціи революціоннаго русскаго марксизма. Неудивительно, что эта конкретизація носила на себѣ всѣ черты, принадлежавшія моменту, и идея гегемоніи воплощалась, напр., въ идеѣ руководства социаль-демократіи движеніемъ не одного только рабочаго класса, но и другихъ общественныхъ классовъ и группъ.

«Мы гордимся тѣмъ, говорилось въ 12-мъ № «Искры» въ «Бесѣдѣ съ защитниками экономизма», что «Искра» пробуждаетъ политическое недовольство во всѣхъ слояхъ населенія... Какъ передовой борецъ за демократію, социаль-демократія должна... руководить активной дѣятельностью различныхъ оппозиціонныхъ слоевъ, разъяснять имъ общее политическое значеніе ихъ частныхъ и профессиональных столкновеній съ правительствомъ, привлекать ихъ къ поддержкѣ революціонной партіи, должна вырабатывать въ своей средѣ такихъ вождей, которые бы умѣли вліять на всѣ и всякіе оппозиціонные слои. Всякій отказъ отъ этой роли... равносильнъ новой «защитѣ отсталости» социаль-демократовъ, отсталости отъ подъема демократическаго общенароднаго движенія, равносильнъ передачѣ руководящей роли въ руки буржуазной демократіи».

Слѣдуя традиціямъ «Группы Освобожд. труда» и въ противоположность «экономизму», «Искра» признавала и подчеркивала, что въ борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи у русской социаль-демократіи «много союзниковъ» ¹⁾. Но то были «союзники», еще не сложившіеся въ партіи, то было «общество», къ которому «Искра» обращалась, напр., послѣ мартовскихъ дней 1901 года,

¹⁾ См. «Искра» № 16, ст. «Политическая агитація и классовая точка зрѣнія». Ср. также ст. Плеханова въ № 2 «Зари» «Что же дальше».

говоря: «теперь отъ политической зрѣлости русскаго общества будетъ зависѣть, сумѣетъ ли оно понять этотъ фактъ (участіе рабочихъ въ демонстраціяхъ. А. П.) и извлечь изъ него всѣ практическія слѣдствія... Организованный пролетаріатъ получилъ теперь право надѣяться, что «общество» пойметъ, наконецъ, политическій смыслъ ведущейся имъ борьбы, и что оно признаетъ первенствующее политическое значеніе рабочаго движенія въ современной Россіи» ¹⁾. Это «общество» надо было «подталкивать», ему приходилось оказывать помощь, и извѣстное предложеніе Ленинской статьи «Письмо къ земцамъ» («Н.» № 18)—помощь «новымъ протестантамъ» изданіемъ и распространеніемъ листа ихъ—представляло лишь сколокъ съ тѣхъ реальныхъ отношеній, которые короткое время существовали въ дѣйствительности. Напоминаемъ о напечатаніи «Зарей» записки Витте «Самодержавіе и земство» съ либеральнымъ предисловіемъ, Р. Н. С. (Струве), но еще больше обращаемъ вниманіе на знаменательный фактъ заключенія въ самомъ началѣ 1901 года—договора, не получившаго, впрочемъ, осуществленія—между группой «Зари—Искры» и «группой демократической оппозиціи» «Свобода», въ лицѣ ея представителя, того же П. Струве. Предметомъ договора служило изданіе «общеполитическаго приложенія къ Зарѣ», подъ названіемъ «Современное Обозрѣніе», которое должно было выходить подъ совмѣстной редакціей представителей обѣихъ договаривающихся сторонъ. Въ виду чрезвычайной характерности этого, оставшагося до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ, эпизода изъ исторіи взаимоотношенія нашихъ идейныхъ теченій,—мы приводимъ въ существенныхъ выдержкахъ принятый обѣими группами проектъ объявленія, въ которомъ заявленіе отъ имени редакціи «Зари» написано Плехановымъ, и отъ имени группы «демократической оппозиціи»—Струве.

«Русская социаль-демократія, говорилось въ объявленіи отъ редакціи „Зари“, въ лицѣ своихъ сознательныхъ элементовъ... всегда понимала, что побѣда надъ... старымъ режимомъ „можетъ быть куплена лишь цѣною одновременныхъ усилій всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ элементовъ нашей страны. Поэтому она всегда готова была... по мѣрѣ своихъ силъ поддерживать всякое, болѣе или менѣе прогрессивное, движеніе, направленное противъ существующаго у насъ порядка. Рѣзко осуждая—какъ совершенно нецѣлесообразную—мысль о полномъ сліянніи всѣхъ вышеназванныхъ элементовъ въ единую политическую партію, сознательные русскіе социаль-демократы всегда твердо держались того убѣжденія, что эти многоразличные элементы... должны идти рядомъ и поддерживать другъ друга тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о борьбѣ съ общимъ... врагомъ. Въ виду этого наши читатели не удивятся, узнавъ, что редакція „Зари“ предприняла изданіе обще-политическаго приложенія къ своему журналу совмѣстно и на равныхъ правахъ участія въ редакціи съ представителями демократической оппозиціи, ставящими между прочими цѣлями задачу „политически осмысливать легальную борьбу съ... превосходно организованнымъ самовластіемъ бюрократіи“... Это политическое осмысливаніе легальной борьбы такъ наз. общества... несомнѣнно, составитъ собою политически необходимое и давно желанное дополненіе къ революціонной дѣятельности русскихъ социаль-демократовъ въ рабочей средѣ и потому найдетъ въ нихъ полнѣйшее сочувствіе..... Въ Россіи практический интересъ, общій всѣмъ партіямъ, кромѣ партіи кнута и палки, заключается... въ торжествѣ политической свободы, и въ предѣлахъ этого общаго практическаго интереса самый элементарный политическій расчетъ предни-

¹⁾ „Искра“ № 3, ст. „Бурный мѣсяцъ“.

сывается этимъ партіямъ сближаться другъ съ другомъ и поддерживать другъ друга". На страницахъ „Современнаго Обозрѣнія“.... „будетъ свободно высказываться всякое политическое мнѣніе, кромѣ мнѣнія противниковъ политической свободы“....

Съ своей стороны представители „демократической оппозиціи“ заявляли: „...желая служить дѣлу широкой общественной пропаганды идей свободы, мы не задаемся выработкой какой-либо партійной программы, предрѣшающей въ деталяхъ то или другое политическое устройство нашей многоплеменной и многоязычной страны.... Наше вниманіе будетъ одинаково удѣлено и нелегальной, т. наз. „революціонной“ борьбѣ и всѣмъ фактически осуществляемымъ и возможнымъ попыткамъ—бороться съ существующимъ политическимъ порядкомъ вещей на его собственной почвѣ. Мы напередъ заявляемъ, что одной изъ главнѣйшихъ задачъ литературнаго предпріятія будетъ—политически осмысливать легальную борьбу съ... превосходно организованнымъ самовластіемъ бюрократіи.... Все больше и больше укрѣпляющееся и у русской оппозиціи и у... правительства убѣжденіе въ неразрывной исторической связи между т. н. легальной и культурной дѣятельностью и дѣятельностью, прямо и открыто направленной на измѣненіе существующаго политическаго порядка, является, на нашъ взглядъ, важнѣйшимъ приобрѣтеніемъ политическаго сознанія за послѣднее время.... Мы не отвергаемъ въ легальной общественной дѣятельности неизбѣжности извѣстныхъ компромиссовъ, но мы будемъ признавать только тѣ компромиссы, которые диктуются неуклоннымъ стремленіемъ скорѣе и прочиѣе завоевать для русскаго человѣка условія достойнаго политическаго существованія. За этими предѣлами практичность переходитъ въ нравственно презрѣнную и политически опасную безпринципность.... Наконецъ, мы считаемъ нужнымъ подчеркнуть, что мы такъ же, какъ и соединившаяся съ нами для общаго дѣла социаль-демократическая группа, признаемъ первостепенное политическое значеніе и призваніе русскаго рабочаго движенія. Въ немъ политическая мысль интеллигенціи нашла себѣ могучаго союзника, съ ростомъ котораго отнынѣ неразрывно связаны судьбы политической свободы въ Россіи. Мы рассчитываемъ, что „Совр. Обозр.“ встрѣтитъ сочувствіе и поддержку со стороны всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Задача его—соединить всѣ эти элементы на одномъ литературномъ предпріятіи, въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ единственной организованной силой русской оппозиціи, социаль-демократіей“....

Какъ мы уже сказали, этотъ историческій документъ реализованъ не былъ, но и въ этомъ своемъ нереализованномъ видѣ онъ остается для насъ неоцѣненнымъ свидѣтелемъ того положенія вещей, которое вынуждало либеральную демократію—при ея политическомъ дебютѣ—дѣлать попытки создать общую съ революціоннымъ марксизмомъ литературную трибуну и искать опоры вообще «въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ единственной организованной силой русской оппозиціи—социаль-демократіей».

Мы имѣемъ дѣло съ интереснымъ моментомъ, когда процессъ высвобожденія демократіи изъ подъ вліянія марксизма, въ сущности почти уже законченный, столкнулся съ растущимъ престижемъ организационно-агитаціонной работы социаль-демократіи и далъ въ результатъ эту своеобразную литературно-политическую комбинацію—наканунѣ мартовскихъ дней 1901 года.

Демонстраціонная эра, начавшаяся этими днями и выдвинувшая опять на политическую сцену студенчество и съ нимъ вмѣстѣ демократическую интеллигенцію вообще, относительно понизила въ глазахъ демократіи политическій вѣсъ пролетаріата и повысила ея собственную цѣнность, тѣмъ самымъ давъ

сильный толчек молекулярным процессам сплочения въ различныхъ слояхъ демократіи. Но непосредственно въ политическую концепцію русскаго марксизма, эта эра не внесла серьезныхъ измѣненій. Напротивъ того, какъ мы увидимъ сейчасъ, расцвѣтъ политическихъ идей, характеризующихъ «Искру» ея перваго фазиса развитія, т. е. «Искру» того времени, которое предшествовало партійному съѣзду 1903 г., уже относится въ моменту, когда приходило къ концу, какъ монопольное положеніе «Искры» въ роли единственнаго въ Россіи свободнаго періодическаго органа, такъ и монополія социалдемократической организованности. Идеологія же все еще продолжала развѣтываться въ томъ направленіи, которое было дано политической конъюнктурой первоначальнаго выступленія «Искры».

Такъ еще началу 1902 г. принадлежитъ едва ли не наиболѣе изъ всѣхъ характеризующее моментъ пониманіе идеи гегемоніи. Мы говоримъ о послѣсловіи, которымъ «Искра» (№ 18) сопровождала статью Каутскаго—«Славяне и революція». Въ этой статьѣ Каутскій высказывалъ увѣренность, что міровой революціонный центръ передвигается въ Россію, и надежду, что русской социалдемократіи удастся одолѣть тотъ новый «священный союзъ», который представленъ европейскимъ капиталомъ и русскимъ абсолютизмомъ. «Искра», съ своей стороны, замѣчала: «если русской социалдемократіи дѣйствительно удастся отвоевать себѣ роль передоваго борца за освобожденіе пролетаріата всего міра, то поистинѣ неизмѣрима будетъ та мощь, которую эта гегемонія придастъ нашей собственной борьбѣ за достиженіе нашихъ ближайшихъ, самыхъ насущныхъ задачъ. Потому что стоять во главѣ значитъ пользоваться всею той силой, которая идетъ позади». И показавъ на примѣрахъ, въ чемъ должна выражаться поддержка этой силы, «Искра» заключала: «но чтобы добиться такой гегемоніи, недостаточно говорить о ней... Мы должны развить революціонную мысль и революціонное дѣло до послѣднихъ предѣловъ и должны объявить непримиримую борьбу всему, что подтачиваетъ нашу революціонность... Мы должны взять въ свои руки руководство борьбой всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ слоевъ русскаго народа, потому что, какъ можемъ мы мечтать о томъ, чтобы стать во главѣ всемірной революціи, если не сумѣемъ встать во главѣ русской?» Конечно, идея міровой гегемоніи была лишь болѣе или менѣе случайнымъ отголоскомъ взглядовъ, высказанныхъ Каутскимъ, но тѣмъ отчетливѣе выступала на ея фонѣ идея русской гегемоніи, въ специфической формѣ, принадлежавшей моменту, и въ той оптимистической окраскѣ, съ которой контрастировало едва ли не одно пессимистическое «Всегда въ меньшинствѣ» Л. Мартова, во 2 № «Зари».

И въ началѣ же 1902 года выходитъ памфлетъ Ленина «Что дѣлать», въ которомъ нашла свою систематизацію организаціонно-политическая реакція противъ экономизма. Отдѣльными проявленія этой реакціи мы можемъ наблюдать тамъ и здѣсь на всемъ протяженіи первыхъ двухъ лѣтъ существованія «Искры», и уже въ ея 3 №, въ статьѣ «Съ чего начать» данъ Ленинымъ первоначальный набросокъ его будущей схемы. Но только въ «Что дѣлать» передъ нами выступаетъ эта реакція противъ экономизма въ видѣ опредѣленнаго идейнаго наслоенія на революціонномъ русскомъ марксизмѣ.

Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ процессъ формированія социалдемократической партіи въ данной исторической обстановкѣ принималъ все болѣе ха-

ракторъ формированія революціонно-интеллигентскаго аппарата для руководства движеніемъ рабочаго класса, въ революціонно-марксистскую идеологию врывалась струя, которая искала идеологическаго выраженія для этого, правда, еще не осознаннаго, но инстинктивно ощущавшагося момента въ развитіи русскаго социал-демократическаго движенія. И вотъ создается концепція, въ которой на первое мѣсто выступаетъ централизованная организація профессиональныхъ революціонеровъ, въ качествѣ носительницы социалистическаго начала, а рабочее движеніе само по себѣ представляется идущимъ въ направленіи буржуазнаго развитія. «Исторія всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ, — говоритъ Ленинъ ¹⁾, — что исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе трэдъ-юніонистское»... Трэдъ-юніонизмъ же означаетъ «порабощеніе рабочихъ буржуазіей». Социализмъ приносится рабочему движенію извнѣ. Такъ, у насъ теоретическое ученіе социалдемократіи есть «естественный и неизбежный результатъ развитія мысли у революціонно-социалистической интеллигенціи». И въ соответствии съ этимъ представленіемъ о «буржуазности» массъ и социалистической «сознательности» «профессионально-революціонной» интеллигенціи, организація профессиональныхъ революціонеровъ становится центромъ, къ которому приурочивается политическое движеніе рабочаго класса, и въ то же время центромъ, рассылающимъ своихъ агентовъ-агитаторовъ «во всѣ классы населенія» и осуществляющимъ тѣ грандіозныя политическія задачи, которыя предносились социалдемократіи. Подъ знакомъ этой концепціи ведется война съ «кустарничествомъ» экономистовъ, «демократическому» принципу въ организаціяхъ противопоставляется принципъ построенія партіи сверху, и вырабатывается планъ созданія организаціи вокругъ обще-русской политической газеты.

Такимъ образомъ, какъ антитеза экономизму, въ нѣдрахъ революціоннаго марксизма появляются первыя очертанія того видоизмѣненнаго бланкизма, который въ 1903 году приводитъ къ расколу и уже позже — въ эпоху революціи — развертываетъ свое общественно-политическое содержаніе. Но въ моментъ появленія «Что дѣлать» — этотъ бланкизмъ еще не выдѣляется изъ общаго революціонно-марксистскаго русла — и хотя и непріемлемый въ цѣломъ отдѣльными представителями революціонно-марксистской идеологіи — быстро идетъ къ господству въ социалдемократической практикѣ и опредѣляетъ собой организаціонно-политическую линію «Искры».

Если, говоря объ идеѣ гегемоніи, мы могли констатировать, какъ въ ея проявленіяхъ своеобразно презомилась политическая конъюнктура момента, то въ этомъ сслетеніи бланкизма съ марксизмомъ передъ нами впервые отражается противорѣчіе между огромностью тѣхъ политическихъ задачъ, которыя выдвигались передъ революціонно-марксистской интеллигенціей вмѣстѣ съ ходомъ событій, и тѣмъ моментомъ въ движеніи рабочаго класса, когда проникавшее въ него политическое сознаніе — благодаря ряду историческихъ условій — еще не претворялось въ организаціонно-партійное слоченіе самого пролетаріата, и когда, наоборотъ, процессъ революціонно-интеллигентской консолидаціи сплошь и рядомъ глушилъ первоначальные всходы пролетарской самодѣтельности.

¹⁾ См. „За 12 лѣтъ“ изд. 1908 г., стр. 205 и др.

Но рядомъ съ этимъ процессомъ насаиванія чуждыхъ марксизму элементовъ, шло дальнѣйшее самоопредѣленіе революціонно-марксистской идеологіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялась политическая позиція марксизма—въ его критикѣ формировавшагося либерализма, въ его борьбѣ съ терроризмомъ социалистовъ-революціонеровъ и ихъ аграрными утопіями. Выработка партійной программы какъ бы завершала этотъ процессъ революціонно-марксистскаго самоопредѣленія.

Для революціонно-марксистскаго теченія 1902-ой годъ былъ тѣмъ водораздѣломъ, которымъ закончилась начальная полоса его партійно-политическаго существованія, когда его вниманіе сосредоточивалось по преимуществу на вопросахъ бернштейнства и экономизма и на фиксированіи его общей организационно-политической линіи, и которымъ начинался періодъ его столкновенія съ уже сложившимися въ партіи противниками. Впрочемъ, съ либерализмомъ революціонный марксизмъ столкнулся еще раньше, еще тогда, когда предисловіе Струве къ запискѣ Витте—«Самодержавіе и Земство» вызвало реплику Ленина во 2 № «Зари», его статью—«Гонители земства и аннибалы либерализма».

«Мы будемъ, писалъ Ленинъ, приветствовать ростъ политическаго самосознанія въ имущихъ классахъ, мы будемъ поддерживать ихъ требованія, мы постараемся, чтобы дѣятельность либераловъ и социалдемократовъ взаимно пополняла другъ друга». Но «мы никогда и ни въ какомъ случаѣ не откажемся отъ рѣшительной борьбы съ тѣми иллюзіями» либерализма, которыя позволяютъ ему предполагать, «будто возможно еще парламентарство» со старымъ режимомъ, «будто какое нибудь земство есть зародышъ конституціи, будто искреннимъ сторонникамъ этой послѣдней можно исполнять свою аннибалову клятву посредствомъ терпѣливой легальной дѣятельности и терпѣливыхъ призывовъ къ смиренію врага»¹⁾.

Какъ видимъ, политика революціонной борьбы противопоставляется здѣсь «политиканству»²⁾ либерализма, подмѣняющаго борьбу «умѣлой тактикой лавированія между враждующими другъ съ другомъ сторонами. И это же противопоставленіе проходитъ и дальше черезъ всю полемику «Искры» съ «Освобожденіемъ», усиленное и осложненное противопоставленіемъ демократическихъ задачъ социалдемократіи—отсутствію демократизма въ идеологіи либеральнаго движенія, его вѣчной боязни народа и отраженію въ немъ классовыхъ интересовъ помѣщиковъ.

«Либералы—говорила «Искра» въ передовой статьѣ своего 23 № («Программа русскихъ либераловъ») —организуются не столько для борьбы» съ существующимъ режимомъ «въ настоящее время, сколько для переговоровъ» съ нимъ «въ такое время, когда послѣдній, подъ вліяніемъ ужаса передъ рабочимъ движеніемъ и другими революціонными силами, станетъ думать о серьезной политической реформѣ». «Какія же условія поставятъ въ этотъ моментъ наши либералы»?—Передъ режимомъ, расшатаннымъ революціоннымъ движеніемъ, «земская политическая партія», съ которой солидаризируется «Освобожденіе», «выступитъ съ требованіемъ, чтобы ликвидація» стараго и «опредѣленіе основъ новаго,

¹⁾ См. «За 12 лѣтъ», стр. 183.

²⁾ Ср. статью «Политическая борьба и политиканство» «Искра», № 26.

свободноконституціоннаго, порядка было поручено никому иному, а представителямъ земствъ и городскихъ думъ, т. е. известной части земельныхъ собственниковъ и капиталистовъ». «Стало быть», заключала «Искра», «либеральная буржуазія больше всего озабочена», «чтобы дѣло установленія новаго порядка досталось цѣликомъ въ ея руки». Наши «либеральные помѣщики», «выговоривъ себѣ полномочіе устроить судьбы русскаго народа въ собраніи земскихъ представителей», полагаютъ при этомъ, что «вовсе не слѣдуетъ вводить тѣхъ «экономическихъ» реформъ, тѣхъ мѣръ по «рабочему и аграрному вопросу», которыя должны быть проведены послѣ политическаго освобожденія Россіи. Это дѣло тѣхъ парламентовъ, которыми насъ наградить Земскій Соборъ». И точно также «они не берутъ на себя даже обязательства предоставить» народу «политическое равенство, немыслимое безъ равнаго и всеобщаго избирательнаго права». Резюме: «ни рабочій классъ, ни революціонная демократія вообще не могутъ оказать такой партіи никакого политическаго кредита».

Это былъ отвѣтъ на литературно-политическій дебютъ либерализма. Основныя черты этого отвѣта повторяются затѣмъ въ многочисленныхъ статьяхъ, которыя «Искра» въ разное время посвятила либерализму вообще, «Освобожденію» въ частности. По существу же мы сказали бы: нервъ этой полемики заключался въ борьбѣ съ либерализмомъ за обладаніе демократіей; демократіей, которая находясь въ союзѣ съ земцами, поступалась и демократизмомъ своихъ требованій, и рѣшительнымъ методомъ дѣйствій, и которая, только пріобиравшись къ движенію рабочаго класса, могла бы надѣяться на осуществленіе своихъ демократическихъ цѣлей. «Только слѣдуя за революціоннымъ пролетаріатомъ—говорила, напр., «Искра» въ статьѣ «Революціонный годъ» (№ 40, май 1903 г.)—русская демократія можетъ успѣшно работать надъ ликвидаціей стараго порядка. «Пониманіе этой истины—прибавляла «Искра»—несомнѣнно проникаетъ въ широкіе круги демократической интеллигенціи по мѣрѣ того, какъ мукаетъ и проявляетъ свою зрѣлость русское рабочее движеніе»...

Одновременно же съ тѣмъ, какъ развѣтывалась эта полемика съ либерализмомъ, разгоралась борьба революціоннаго марксизма съ обновленнымъ народничествомъ—старая борьба, содержаніе которой, однако, опредѣлялось теперь уже тѣми условіями, въ которыхъ протекала партійно-политическая дѣятельность обоихъ направленій. Поэтому рядомъ съ критикой того рецидива утопическаго крестьянофильства, который въ такой рѣзкой формѣ далъ себя знать въ литературѣ социалистовъ-революціонеровъ послѣ крестьянскихъ волненій 1902 г. въ центрѣ борьбы становится вопросъ, какъ будто бы узко-практическій, а на самомъ дѣлѣ являвшійся, быть можетъ, наилучшимъ оселкомъ для испытанія политики, какъ марксистскаго направленія «Искры», такъ и социально-революціоннаго направленія «Революціонной Россіи».

Мы имѣемъ въ виду тотъ вопросъ о террористическихъ тенденціяхъ, въ борьбѣ съ которыми «Искра» развивала свою точку зрѣнія классовой пролетарской политики. Еще въ 3 № «Искры», когда, послѣ выстрѣла Карповича, впервые вопросъ о террорѣ сталъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе, В. И. Засуличъ заговорилъ о присущемъ этому методу свойствѣ разливать вокругъ себя пассивно-созерцательное отношеніе къ политической борьбѣ, при которомъ общая задача сваливается на

плечи «передового отборного отряда». И тогда же, въ фельетонѣ 4-го № «Вопросы дня», въ полемикѣ противъ «историческаго поворота» «Рабочаго Дѣла», «Искра» устанавливала связь между возникновеніемъ подобныхъ тенденцій въ средѣ интеллигенціи и «недовѣріемъ» этой интеллигенціи къ способности пролетаріата и его представительницы — социалдемократин — стать «во главѣ общественнаго движенія». Но только съ тѣхъ поръ, какъ терроръ сталъ признаннымъ тактическимъ приѣмомъ цѣлой партіи и получилъ свое теоретическое обоснованіе въ статьяхъ официального органа социалистовъ-революціонеровъ — «Революціонной Россіи», полемика «Искры» принимаетъ характеръ систематическаго отстаиванія классовой политической борьбы пролетаріата и ея методовъ массоваго дѣйствія противъ такихъ приѣмовъ, которые характеризуютъ движеніе интеллигенціи и способны только дезорганизовать какъ все освободительное движеніе въ цѣломъ, такъ и въ частности — массовое движеніе рабочаго класса. Такъ, въ 20 № «Искра» писала: «всѣмъ извѣстно, что приемы борьбы, употребляемые всякой данной арміей, опредѣляются ея составомъ. Составъ рабочихъ армій таковъ, что для нея самымъ удобнымъ и самымъ дѣйствительнымъ приѣмомъ борьбы являются демонстраціи и вообще всякаго рода массовыя уличныя движенія». «При нашихъ нынѣшнихъ условіяхъ» вышеуказанный методъ борьбы, недоступный, вообще говоря, для массъ, «привелъ бы къ тому, что изъ нея выдѣлились бы и слились бы съ террористами-интеллигентами отдѣльныя личности и группы личностей, вся же остальная ея масса стала бы гораздо менѣе активной, вслѣдствіе чего только замедлилось бы, — если бы не прекратилось совершенно, — дѣло политическаго воспитанія нашего пролетаріата»...

«Политическое воспитаніе пролетаріата», т. е. интересы пролетарскаго движенія въ его цѣломъ — вотъ та верховная инстанція, передъ лицомъ которой — несмотря на извѣстную примѣсь уже отмѣченныхъ нами наслоеній на марксизмъ и въ противоположность другимъ направленіямъ русской общественно-политической мысли — рѣшались всѣ вопросы практической политики «Искры». И сю же опредѣлялась и линія разногласія между «Искрой» и социалистами-революціонерами, какъ въ данномъ, такъ и въ другихъ тактическихъ вопросахъ.

И въ непосредственной же зависимости отъ этого представленія о пролетаріатѣ, какъ единственномъ классѣ, движеніе котораго является гарантіей для осуществленія идей социализма, стояло и рѣшеніе направленіемъ «Искры» аграрнаго вопроса, какъ и та концепція крестьянства и характера предстоящей въ Россіи революціи, которая отдѣляла «Искру» такой рѣзкой чертой отъ реставрированнаго народничества соц.-революціонеровъ.

«Безполезно», говорила «Искра» (см. № 3, ст. «Рабочая партія и крестьянство»), «обманывать крестьянина иллюзіей возможнаго и при капитализмѣ благосостоянія», бесполезно пытаться спасти его защитой мелкаго хозяйства и мелкой собственности. Въ деревнѣ идетъ неуклонный процессъ разслоенія, и пролетаризирующееся крестьянство «только примыкая къ рабочему движенію, помогая ему въ его борьбѣ за социалистическій строй», можетъ избавиться отъ гнета капитала. Но не эта классовая противоположность господствуетъ сейчасъ надъ русской деревней. «Нашъ крестьянинъ страдаетъ... не только и даже не столько отъ гнета капитала, сколько отъ гнета

помѣщиковъ и отъ остатковъ крѣпостничества». И именно этотъ вопросъ—вопросъ о сметеніи остатковъ крѣпостничества, о вытравленіи изъ всѣхъ порядковъ русскаго государства духа сословной неравноправности, приниженія десятковъ милліоновъ простонародія—имѣеть сейчасъ «общенациональное значеніе».

Подъ этимъ угломъ зрѣнія подходила «Искра» и къ крестьянскому движенію 1902 года, имѣвшему такое рѣшающее значеніе въ идеологіи соц.-революціонеровъ. Крестьянское движеніе, говорила «Искра» (№ 21 ст. «Крестьянское возстаніе») «всегда предшествовало и сопутствовало буржуазной революціи» и оно должно было сыграть «въ послѣдній разъ свою роль», прежде чѣмъ «смогло на просторѣ развернуться современное движеніе пролетаріата». Соц.-революціонеры обвиняютъ «Искру», что, назвавъ крестьянское движеніе послѣднимъ мятежомъ крестьянства, она рано заговорила за упокой: крестьянство—поучаютъ насъ—можетъ участвовать и въ социалистическомъ движеніи пролетаріата. Это обвиненіе наглядно показываетъ всю путаницу мысли соц.-революціонеровъ. Они не разобрались даже въ томъ, что одно дѣло—демократическое движеніе противъ остатковъ крѣпостничества, другое дѣло—социалистическое противъ буржуазіи... О томъ, что гибнущіе малые производители (крестьяне въ томъ числѣ) могутъ и должны участвовать въ социалистическомъ движеніи пролетаріата, «Искра» не только сказала въ своей программѣ, но и точно опредѣлила условія этого участія. Но современное крестьянское движеніе вовсе не является социалистическимъ... Наоборотъ, оно объединяетъ буржуазные и пролетарскіе элементы крестьянства, которые, дѣйствительно, едины въ борьбѣ съ остатками крѣпостничества. Современное крестьянское движеніе ведетъ—и приведетъ—къ установленію не социалистическаго и не полусоциалистическаго, а буржуазнаго сельскаго уклада, очистивъ созрѣвшіе уже буржуазные устои нашей деревни отъ крѣпостническихъ путъ». «Революція, навстрѣчу которой быстро идетъ современная Россія, будетъ буржуазной революціей—не разъ подчеркивала «Искра»,—въ томъ смыслѣ, что она окончательно очиститъ путь общественнаго развитія отъ всѣхъ историческихъ пережитковъ крѣпостнаго строя и дастъ полный просторъ развитію капитализма и порождаемой имъ классовой борьбѣ» («Искра» № 24 ст. «Революціонный авантюризмъ»).

Итакъ, крестьянское движеніе есть движеніе не социалистическое, а демократическое, и только тѣ элементы крестьянства, которые въ процессѣ разложенія своей психологіи мелкаго собственника переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата, сливаются съ современнымъ социалистическимъ движеніемъ рабочаго класса. Отправляясь отъ этой именно концепціи крестьянства и крестьянскаго движенія, которая, между прочимъ, нашла свое развитіе въ рядѣ статей Плеханова «Пролетаріатъ и крестьянство», «Искра» вела свою борьбу съ представленіемъ социалистовъ-революціонеровъ о тройственно-единомъ характерѣ трудовой социалистической арміи, состоящей изъ пролетаріата, крестьянства и интеллигенціи; изъ нея же исходя, она устанавливала свое отрицательное отношеніе къ вопросу о націонализациі земли, и предлагала аграрную программу, принятую съѣздомъ 1903 года.

«Съ точки зрѣнія интересовъ борьбы пролетаріата, единственной борьбы, ведущей къ освобожденію человѣчества—заявляла «Искра» (№ 27 ст. «Къ

эпизоду крестьянских бунтов») — социалдемократія взвѣшиваетъ социальную и политическую цѣнность всѣхъ возникающихъ въ современной Россіи общественныхъ движеній, беретъ на себя поддержку всего того въ нихъ, что содѣйствуетъ общественному развитію... «Она не скажетъ крестьянамъ, что осуществленіе ихъ притязаній на панскую землю будетъ началомъ конца всякаго буржуазнаго развитія.. Напротивъ, она скажетъ ему... что осуществленіе его стремленій къ прирѣзкѣ земли можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, избавить его отъ мученій докапиталистической кабальной эксплуатаціи, но не разрушить вопроса объ общей буржуазной эксплуатаціи... Она поддержитъ крестьянскія требованія объ экспроприаціи земель, служащихъ средствомъ поддержанія кабальныхъ, полукрѣпостническихъ общественныхъ отношеній и поможетъ рациональной формулировкѣ этихъ требованій, но она никогда не опустится до того, чтобы въ этихъ требованіяхъ признать свой социалистическій идеалъ и чтобы питать въ крестьянствѣ вѣру въ осуществимость всѣхъ его социальныхъ недуговъ примѣненіемъ этого средства». «И съ этой же точки зрѣнія» социалдемократія относится «къ выставленному теперь съ разныхъ сторонъ требованію «націонализации земли». «Мы слишкомъ отчетливо представляемъ себѣ, какіе общественные классы приобретутъ политическое господство въ Россіи на другой день послѣ переворота, за который мы боремся, чтобы восторгаться идеей о передачѣ въ руки этихъ буржуазныхъ классовъ распоряженія земельнымъ фондомъ страны». Съ другой же стороны, мы знаемъ хорошо, говорила «Искра», что демократамъ и соц.-революціонерамъ «націонализация земли нужна для поддержанія если не самого крестьянскаго «самостоятельнаго» хозяйства, то, по крайней мѣрѣ, крестьянскихъ предразсудковъ объ укрѣпленіи такого хозяйства при капитализмѣ». Социаль-демократія къ этому «не можетъ приложить своихъ рукъ» и, съ своей стороны, «не станетъ замалчивать того для нея несомнѣннаго факта, что для «трудоваго крестьянства» задача социального освобожденія неразрѣшима внѣ задачи социального освобожденія пролетаріата», т. е. внѣ заключительнаго акта пролетарскаго движенія.

Какъ мы уже сказали, этой постановкой вопроса предугадывалось и то направление, въ которомъ «Искра» должна была намѣчать свои аграрныя требованія. И, дѣйствительно: требованія проекта аграрной программы, выработаннаго редакціей «Искры» - «Зари», какъ то возвращеніе выкупныхъ платежей, извѣстный пунктъ объ «отрѣзкахъ» и т. д., давались съ мотивировкой, что они выставляются «въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежавшихъ на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовою борьбы въ деревнѣ»... Это была постановка вопроса, какъ это отмѣчалось въ комментаріяхъ Плеханова и Ленина къ программѣ (См. № 4 «Зари»), по существу отличная отъ постановки вопроса въ западно-европейской социалдемократической литературѣ и диктовавшаяся специфическими условіями переживавшейся Россіей исторической эпохи. «Прежде чѣмъ ставить аграрный вопросъ—писалъ Плехановъ¹⁾—въ томъ смыслѣ, въ какомъ его ставятъ западно-европейскіе социал-

¹⁾ «Заря» № 4, ст. «Проектъ программы Р. С. Д. П., стр. 35.

демократы, мы должны добиться раскрѣпощенія нашего крестьянина, мы должны ввести его въ условія жизни, свойственныя нынѣшнему европейскому обществу. Соціальная революція, которую намъ предстоитъ теперь совершить въ русской деревнѣ, есть революція «третьяго сословія», а не революція пролетаріата».

Мы подошли, такимъ образомъ, къ послѣднему моменту того фазиса въ развитіи революціонно-марксистской идеологіи, который въ извѣстномъ смыслѣ получилъ свое увѣнчаніе въ выработкѣ и принятіи программы. Въ русскихъ условіяхъ это былъ первый случай, когда идейное теченіе отверждалось въ принятой коллективностью программѣ, подводящей итоги теоретической работѣ мысли и борьбѣ этого теченія, и въ то же время сводящей во-едино и систематизирующей свои практическія требованія отъ жизни.

Правда, еще въ 84 году былъ выработанъ Груп. Освоб. Труда и въ 85 г. опубликованъ проектъ программы, но этотъ проектъ не былъ принятъ открыто какимъ-либо изъ дѣйствовавшихъ тогда въ Россіи кружковъ и, по словамъ Плеханова, «представлялъ собою скорѣе очень сжато написанную статью, чѣмъ программу въ собственномъ смыслѣ слова». На проектѣ, говоритъ Плехановъ, лежитъ печать тѣхъ уступокъ «пародическимъ предразсудкамъ», которыя дѣлала въ то время Груп. Освоб. Труда, въ расчетѣ на то, что путемъ этихъ уступокъ она сможетъ завоевать революц. интеллигенцію, только-что пережившую крушеніе своихъ прежнихъ взглядовъ, но еще не свободную отъ извѣстныхъ традицій¹⁾. Отсюда включеніе въ программу требованія государственной помощи производительнымъ товариществамъ и «неопредѣленная формулировка аграрныхъ требованій», какъ-то—«радикальный пересмотръ нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленія ею крестьянскихъ обществъ» и т. п.

Въ теченіе 90-хъ годовъ мы не встрѣчаемъ уже новой попытки формулировать программу, что же касается социалдемократическихъ требованій специально въ аграрномъ вопросѣ, то передъ нами, съ одной стороны, та постановка вопроса, которая выдвигается Плехановымъ въ его «Задачахъ социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи», а съ другой,—тотъ докладъ русскихъ социалдемократовъ по аграрному вопросу на международный Лондонскій съѣздъ 1896 г., который—въ духѣ всего періода легальнаго марксизма—игнорируетъ специфическія условія эпохи раскрѣпощенія Россіи и—соотвѣтственно этому—отвергаетъ необходимость какихъ-либо требованій въ аграрномъ вопросѣ.

Программа «Искры»--«Зари» непосредственно уже связана съ процессомъ консолидаціи социаль-демократіи въ партію. Въ ней какъ бы подводится итогъ тому періоду въ развитіи рев.-марксистской идеологіи, когда, съ одной стороны, шла усиленная идейная работа надъ вопросами организаціи, и съ другой—«на первый планъ выдвигалась задача подготовленія элементовъ единства въ партіи путемъ идейной борьбы за очищеніе пролетарскаго движенія отъ всѣхъ чуждыхъ, историческими судьбами принесенныхъ въ него, элементовъ». Это была не компромиссная программа, а программа, такъ сказать, заостренная на всѣ тѣ вопросы, которые—какъ говорилъ Плехановъ въ своей пояснительной статьѣ—«подняты были въ социаль-политической литературѣ капиталистическихъ странъ

¹⁾ См. цит. стат., стр. 18.

критическимъ походомъ болѣе или менѣе ученыхъ представителей буржуазіи противъ научнаго социализма Маркса и Энгельса»: вопросъ объ увеличеніи или уменьшеніи общественнаго неравенства, вопросъ о кризисахъ, о концентраціи производства, о «диктатурѣ пролетаріата», какъ предпосылкѣ социальнаго переворота, о роли социалдемократіи, какъ «передового отряда рабочей арміи и вмѣстѣ ея руководителя», и, наконецъ, объ отношеніи другихъ общественныхъ классовъ къ основной борьбѣ труда съ капиталомъ.

И въ то же время это была программа, для которой въ центрѣ становился вопросъ объ освобожденіи Россіи—говоря словами программной мотивировки—отъ всѣхъ «остатковъ» «докапиталистическаго общественнаго порядка», какъ въ сферѣ политики, такъ и въ сферѣ экономическихъ отношеній. Такъ, аграрныя требованія программы, какъ мы уже видѣли, являлись производными отъ этой основной ея идеи.

Программа «Искры»-«Зари» была принята на съѣздѣ 1903 г. съ незначительными поправками и стала официальнымъ выраженіемъ точки зрѣнія россійской социалдемократіи. Только аграрная часть ея не встрѣтила того единодушнаго признанія, которымъ пользовались всѣ остальные положенія программы, и тогда же Иксъ, выступая противъ нея съ возраженіями, въ вышедшей ко времени съѣзда брошюрѣ, развивалъ тѣ идеи, которыя впоследствии легли въ основаніе программнаго требованія «муниципализаціи». Впрочемъ, уже тогда условное значеніе аграрной программы «Искры»-«Зари» отгѣнялось въ комментаріи Плеханова, который замѣчалъ, что въ «революціонную эпоху экспроприація землевладѣльцевъ можетъ явиться необходимымъ условіемъ социально-политической побѣды револ. партіи» и что постановка и рѣшеніе даннаго вопроса «будетъ обусловливаться соотношеніемъ силъ въ такую эпоху».

Почти единогласное принятіе программы на съѣздѣ было своего рода формальнымъ подтвержденіемъ того «очищенія» социаль-демократическаго движенія отъ «чуждыхъ ему элементовъ», о которомъ говорилось въ послѣсловіи «Искры» къ программѣ, и которое по существу уже закончилось раньше—еще къ моменту выступленія на политическую сцену различныхъ группъ демократіи, вводившихъ и закрѣплявшихъ за собой эти «чуждые элементы» въ процессѣ своей консолидаціи.

Но съ тѣмъ вмѣстѣ приходила къ концу и цѣлая опредѣленная полоса въ партійно-политическомъ развитіи революціонно-марксистскаго теченія, полоса его лихорадочно-быстраго формированія въ борьбѣ съ бернштейнствомъ и экономизмомъ вначалѣ, съ народничествомъ и либерализмомъ новообразовавшихся партій впоследствии. Его стремительный организаціонный успѣхъ внутри партіи до поры до времени не позволялъ развиваться самокритикѣ, а та почва подъ ногами, которая ощущалась въ непрерывно растущемъ движеніи рабочаго класса, казалась, давала всѣ шансы на выполненіе социалдемократіей роли вождя освободительнаго движенія. Правда, либерализмъ и народничество фактомъ своей партійно-политической консолидаціи какъ бы искажали перспективу первоначально рисовавшейся «Искрѣ» картины возможной гегемоніи, и «Искрѣ» приходилось заявлять ¹⁾, что по мѣрѣ того, какъ либеральная и

¹⁾ «Искра» № 31, ст. «Идейныя традиціи и идейныя задачи пролетарскаго социализма».

«социально-революционная» партія «становятся на собственные ноги, онѣ должны все болѣе энергично поддерживать тѣ своеобразныя положенія своихъ программъ, которыя вырываютъ непроходимую пропасть между ними и партіей пролетаріата. Пока еще онѣ прикрываютъ эти свои шаги умильными рѣчами объ общности ближайшихъ задачъ и т. п.; завтра, когда онѣ почувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы задаться прямой цѣлью уничтожить социалдемократію, какъ самостоятельную партію русскаго пролетаріата, — завтра онѣ отбросятъ эти рѣчи и поведутъ съ нами войну «по настоящему». Но, съ другой стороны, «Искра» твердо вѣрила, что «тщетны всѣ эти — т. е. беринштейнианцевъ, идеалистовъ и народниковъ — попытки бороться съ объективнымъ ходомъ вещей, перемѣщающимъ центръ русской революціи въ среду именно пролетарскаго движенія... Революціонно-концентрирующая сила всѣхъ демократическихъ партей оказывается ничтожною, и всякая идеологическая борьба противъ революціоннаго социализма, не создавая новыхъ центровъ, только разслабляетъ общенациональное движеніе... Быстро свершаетъ свое развитіе русское беринштейнианство..., растворившись въ умѣренномъ, неспособномъ къ борьбѣ, либерализмѣ. Быстро вянетъ и блекнетъ революціонизмъ фразы»... (народниковъ). «И новѣйшее «идеалистическое» движеніе не успѣваетъ еще оформиться, какъ уже ясно для всѣхъ, желающихъ видѣть, что его агенты являются проводниками политическаго индифферентизма и политической дряблости».

Послѣдній годъ, говорила «Искра» еще за нѣсколько мѣсяцевъ до сѣзда, принесъ много въ смыслѣ уразумѣнія того, гдѣ находится выходъ для русской демократіи. «Понемногу сошло на нѣтъ либерально-земское движеніе, приостановилось въ своемъ развитіи самостоятельное движеніе студенчества, обнаружилъ свое безсиліе терроризмъ, свой неоправданный оптимизмъ — новѣйшее рев. крестьянофильство. Только... пролетаріатъ шелъ по восходящей линіи, постепенно ускоряя темпъ своего развитія... Растетъ и организованность его авангарда — р. социалдемократіи... Недалекое будущее завершитъ эту организаціонную работу соц.-демократіи объединеніемъ и упроченіемъ партіи (№ 40, ст. «Рев. годъ»).

Но вотъ состоялся сѣздъ и — далъ не «объединеніе и упроченіе партіи», котораго ждали, а расколъ въ революціонно-марксистскомъ теченіи, до сихъ поръ признававшимъ себя, какъ единое цѣлое. Вначалѣ по внѣшности лишенный принципиальнаго характера и какъ будто бы локализованный въ узкой области отдѣльныхъ вопросовъ организаціоннаго централизма, признававшагося обѣими сторонами, расколъ мало-по-малу развертывалъ свое общественно-политическое содержаніе, изъ сферы организаціи перекидываясь въ сферу тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ проходило въ Россіи развитіе какъ рабочаго движенія вообще, такъ и въ частности — социалдемократіи.

Еще въ статьѣ Мартова «Нашъ сѣздъ» — въ первомъ номерѣ реформированной «Искры» (№ 53) — разногласія сводятся къ вопросу «о методахъ проведенія въ жизнь новыхъ (т. е. централистскихъ. А. П.) организаціонныхъ принциповъ и о предѣлахъ и характерѣ возможной для соц.-демократическаго движенія централизаціи». Но уже въ ближайшихъ затѣмъ номерахъ появляются фельетоны Аксельрода подъ общимъ заголовкомъ «Объединеніе россійской соц.-

демократіи и ея задачи», въ которыхъ впервые даетъ себя знать реакція револ.-марксистскаго міровоззрѣнія противъ бланкистской примѣси, которая имѣла свое болѣе оформленное выраженіе въ отдѣльныхъ писаніяхъ Ленина, которая до тѣхъ поръ накладывала извѣстную печать на нѣкоторыя стороны партійно-политической дѣятельности «Искры» вообще, но которая только теперь начинала нащупываться въ ея несоотвѣтствіи марксизму, въ противорѣчій ея практики задачамъ классовой борьбы пролетаріата.

Въ то время, какъ для «Искры» предыдущаго фазиса развитія «политика», смѣнившая «экономическую» практику «экономистовъ», представлялась безъ поясненій простымъ и самоочевиднымъ дѣломъ, той прямой дорогой, по которой социалдемократія, организационно сплачиваясь, шла къ осуществленію своей идеи гегемоніи въ освободительномъ движеніи Россіи, для Аксельрода вопросъ до чрезвычайности осложнялся тѣмъ моментомъ, что «историческая стихія нѣкоторыми своими сторонами сама толкаетъ наше движеніе въ сторону буржуазнаго революціонизма—наперекоръ нашимъ желаніямъ и нашему сознанию». «Россійская социалдемократія»—«партія пролетаріата по своей теоретической основѣ и программѣ»—говорилъ онъ—«но далеко еще не таковая по составу и характеру своей организаціи». «Она только стремится стать политической организаціей рабочихъ массъ, въ дѣйствительности же, по составу своихъ руководящихъ элементовъ, является еще преимущественно организаціей лишь принципіальныхъ сторонниковъ пролетаріата среди революціонной интеллигенціи». «И само тяготѣніе радикальной интеллигенціи къ социализму и къ пролетаріату объективно, исторически, въ конечномъ счетѣ, вызывается и обуславливается не классовой борьбой послѣдняго, а обще-демократической потребностью всѣхъ націй и классовъ избавиться отъ гнета пережитковъ вѣрностнической эпохи». Благодаря же «отсталости нашихъ общественныхъ условій» тѣмъ же опредѣляется и политическая практика русской соц.-демократіи. «Практика періода кустарничества—писалъ Аксельродъ—революционизировала рабочія массы, но не воспитывала и не объединяла ихъ для самостоятельной политической роли. Общественную тенденцію или «конечную цѣль» этой практики формулировали авторы «Credo»—она подготовляла политическую опеку буржуазной демократіи надъ рабочими массами». Наконецъ, практика кустарничества уступила мѣсто централизму періода «Искры», рѣшеніями съѣзда закрѣпившему свою побѣду надъ кустарничествомъ. Но оказалось, что и этотъ централизмъ, который Аксельродъ называетъ бюрократическимъ или механическимъ, «родной братъ кустарничеству». Оказалось, что онъ собою резюмируетъ тотъ періодъ «вовлеченія» рабочихъ массъ въ борьбу съ абсолютизмомъ, который «завершился... созданіемъ почти принципіальнаго противорѣчія между идейнымъ теоретическимъ знаменемъ партіи и ея практикой, «въ общемъ мало развивающей» въ массахъ «классовое сознание» и еще меньше развивающей въ нихъ «классовую политическую самостоятельность». «Получается такой результатъ—заключалъ Аксельродъ—какъ будто революціонный социалдемократизмъ, подобно кустарническому и оппортунистическому, стихійнымъ образомъ выполняетъ только роль замѣстителя буржуазной идеологіи въ освободительномъ движеніи. И этотъ результатъ, опять-таки без-

сознательно, стихийно, отражается и фиксируется въ организационныхъ утопіяхъ, отмѣченныхъ печатью бюрократизма на заговорщической подкладкѣ» ¹⁾).

Отъ разногласій въ пониманіи организационныхъ задачъ Аксельродъ, такимъ образомъ, восходилъ къ ихъ первоисточнику, къ наличности въ рев. марксистскомъ теченіи русской социалдемократіи, благодаря специфическимъ условиямъ развитія, привходящихъ элементовъ буржуазнаго революціонизма. «Въ концѣ пути, на который «организационная утопія» увлекаетъ наше движеніе»—говоритъ Аксельродъ—«свѣтится, какъ блестящая точка, якобинскій клубъ, т. е. организція революціонно-демократическихъ элементовъ буржуазіи, ведущая за собой, при посредствѣ *sociétés populaires*, то бишь, децентрализованныхъ периферійныхъ народныхъ обществъ, наиболее активные слои пролетаріата». Тѣмъ самымъ, однако, устанавливалась связь между организационнымъ утопизмомъ, съ которымъ боролся Аксельродъ, и тѣмъ моментомъ въ партійно-политической дѣятельности «Искры», который мы назвали—бланкистскимъ наслоеніемъ на марксизмъ.

Такъ стихийно ощутившееся противорѣчіе внутри одинаго дотола рев. марксистскаго теченія закрѣпилось въ сознаніи, какъ противорѣчіе принципиальное, получившее теперь свое оформленное выраженіе въ раздѣленіи на идейныя струи—меньшевизма и большевизма. Меньшевизма, представлявшагося большевикамъ (см. Ленинъ—«Шагъ впередъ, два назадъ»), какъ оппортунизмъ въ организационныхъ вопросахъ, и большевизма, квалифицированнаго меньшевиками, какъ разновидность бланкизма. И все же—это было пока только эмбриональное состояніе того идейнаго антагонизма, которому суждено было развернуться и наполниться актуальнымъ общественно-политическимъ содержаніемъ лишь въ эпоху революціи; лишь тогда, когда съ конца 1904 г. и начала 1905 г. большевизмъ сталъ развертывать свое отношеніе къ революціи, къ буржуазной демократіи и крестьянству, когда началъ дебатироваться вопросъ объ участіи во временномъ правительствѣ и стали обрисовываться «стратегическіе» планы большевизма. Поэтому и намъ придется вплотную заняться этимъ идейнымъ антагонизмомъ внутри рев. марксистскаго теченія уже тогда, когда мы будемъ характеризовать развитіе общественно-политической мысли въ эпоху революціи. Но сейчасъ—и вплоть до конца предреволюціонной эпохи—передъ нами лишь начало этого кризиса, лишь непосредственная и первоначальная реакція на проникшее въ сознаніе фіаско организационной политики «Искры», на разверзшуюся теперь передъ глазами и ничѣмъ не заполненную пропасть между организационнымъ развитіемъ партіи и той стихіей пролетарскаго движенія, которая только что передъ тѣмъ засвидѣтельствовала о своемъ существованіи могуче взметнувшейся волной въ іюльскіе дни 1903 г.

Потому-то, въ центрѣ всѣхъ вопросовъ, которые стояли передъ меньшевистской «Искрой» 1904 г. ²⁾, находился вопросъ о приближеніи партіи къ мас-

¹⁾ «Искра» №№ 55 и 57.

²⁾ Большевистскаго теченія мы сейчасъ не будемъ касаться какъ потому, что литература большевизма, съ переходомъ «Искры» къ меньшевикамъ, почти совершенно отсутствуетъ вплоть до конца 1904 г., если не считать той брошюрной литературы, въ которой получили свое отраженіе всѣ перипетіи организа-

совому рабочему движению, о такомъ воздѣйствіи на него, при которомъ бы могло получиться то политическое воспитаніе пролетаріата и то развитіе его подѣ самостоятельнымъ классовымъ знаменемъ, о которомъ говорилъ Аксельродъ.

«Къ массамъ! таковъ пароль даннаго момента»—писалъ Мартовъ. «Лишь топну ногой, изъ подѣ-земли появятся мои легіоны». «Соціалдемократія, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ съ полнымъ правомъ повторить о себѣ» эти классическія слова. «Но только въ томъ случаѣ, если она сама тщательно позаботилась, чтобы ея призывной сигналъ не могъ затеряться въ торичеллиевомъ безвоздушномъ пространствѣ, чтобы онъ нашелъ живой проводникъ въ атмосферѣ взаимнаго политическаго пониманія между партіей и массами. Въ сторону созданія такой неразрывной связи должны быть направлены все наши усилія»... ¹⁾.

И объ этомъ же созданіи связи, о развитіи классовой политической самостоятельности пролетаріата, которую бы нельзя было «подмѣнять» «нашей собственной дѣятельностью», говорила вся новая тактика «Искра», статьи Троцкого, Дана и друг. Передъ литературой меньшевизма грознымъ призракомъ стояла боязнь «торичеллева пространства» и диктовала ей какъ смилчченное отношеніе въ оцѣнкѣ прошлой дѣятельности «экономистовъ», такъ и готовность привѣтствовать самыя несовершенныя усилія самоорганизации пролетаріата.

Но это непосредственное ощущеніе разорванности между партіей и массами, какъ и сознаніе того, что «историческая стихія», о которой говорилъ Аксельродъ, «толкаетъ» соц. демократическое движеніе въ Россіи «въ сторону буржуазнаго революціонизма», накладывало свой рѣзкій отпечатокъ и на всю политическую позицію «Искры». Достаточно, въ самомъ дѣлѣ, сравнить, какъ «Искра» оцѣнивала политическое положеніе до съѣзда, съ тѣмъ, что она писала теперь. Такъ, Мартовъ въ только что цитированной уже нами статьѣ заявлялъ, что «вся стихійно-складывающаяся обстановка крушенія» стараго режима «направляется противъ тѣхъ политическихъ задачъ, которыя ставитъ себѣ революц. авангардъ русскаго пролетаріата. Мы еще не утратили вліянія на все недовольные абсолютизмомъ политическіе слои, но кругъ нашего вліянія уже сузился относительно за послѣдніе годы, и мы увѣренно можемъ сказать, что о боѣ съ нами всегда найдутся революціонные элементы, готовые содѣйствовать приближенію» ликвидаціи стараго режима «такими методами, которые... имѣютъ тенденцію затруднить рѣшеніе пролетаріатомъ его политической задачи».

Что же дѣлать? На все увеличивавшіяся трудности того положенія, въ которое историческое развитіе Россіи поставило социалдемократію, на обостреніе взаимоотношеній направленных и развивавшуюся изолированность социалдемократіи передъ лицомъ ея сближавшихся другъ съ другомъ антагонистовъ изъ среды либеральной и революціонной демократіи, «Искра» отвѣчала усиленіемъ пролетарскихъ чертъ своего направленія. Окончательно отошла въ область прошлаго давно уже начавшая блекнуть концепція «хожденія во все классы», ясно и опредѣленно подчеркивалось, что социалдемократія можетъ оказывать вліяніе на

ціонной борьбы,—такъ и потому, что до наступленія революціонной эпохи большевистское теченіе вообще не выходитъ изъ рамокъ этихъ организаціонныхъ дебатовъ.

¹⁾ „Искра“, № 70.

другіе общественные элементы лишь через посредство пролетарскаго движенія и «пролетарское» рѣшеніе политической задачи методомъ народнаго движенія постоянно выдвигалось во всей его непримиримости какъ съ народнической методологіей единоличныхъ нападеній, такъ и съ концепціей компромисса, этой центральной идеей либерализма, начинавшей уже по временамъ принимать реальныя очертанія.

Въ этомъ фазисѣ его развитія эпоха революціи застала меньшевистское теченіе.

Революціонное народничество было идейнымъ теченіемъ, нашедшимъ свою партійно-политическую форму непосредственно вслѣдъ за теченіемъ марксистскимъ; и какъ марксизмъ отразилъ на себѣ стихію пролетарскаго движенія и на основѣ его—и съ нимъ въ непосредственной связи—происходившее сплоченіе социалдемократической интеллигенціи, такъ партійно-политическое оформленіе народничества было дальнѣйшимъ развитіемъ того процесса революціонизированія широкихъ слоевъ интеллигенціи, который, въ связи съ забастовкой студентовъ 1899 г., далъ первое, уже нами отмѣченное, оживленіе народничества. Теперь изъ студенческаго движенія 1901 г., наложившаго свой отпечатокъ на волну демонстрацій, вмѣстѣ съ террористическимъ настроеніемъ интеллигенціи, вышло и то направленіе социалистовъ-революціонеровъ, которому не доставало еще только послѣдняго штриха, наложеннаго на него крестьянскими волненіями 1902 г., чтобы, по крайней мѣрѣ, для предреволюціонной эпохи—закончить кругъ своего идейнаго развитія.

Это уже не было социально-революціонное направленіе переходнаго двухлѣтія, гдѣ отдѣльныя народническія черточки едва замѣтно были вкраплены въ концепцію, то приближавшуюся къ концепціи социаль-демократіи, то замыкавшуюся въ кругозоръ политическаго радикализма. Напротивъ, это была уже смѣсь, въ которой остатки вліянія марксизма все дальше оттѣснялись, по мѣрѣ развитія событій, организаціонно-политическими взглядами народовольческаго типа и вскорѣ начавшими съ ними конкурировать новыми варіаціями старо-народническихъ идей крестьянскаго социализма.

Но при всей пестротѣ и неустойчивости идейнаго направленія с.-р-овъ, мы можемъ все же извлечь изъ него то основное въ его политической концепціи, что въ значительной мѣрѣ опредѣляло собою какъ тактику единоличной борьбы, такъ и отношеніе с.-р-овъ къ другимъ направленіямъ политической мысли. Это концепція освободительнаго движенія Россіи, осуществляемаго тройственно- или двойственно-единой арміей социализма, состоящей, съ одной стороны, изъ интеллигенціи, съ другой—изъ трудового народа, т. е., пролетаріата и крестьянства. «Единеніе» «идеологической силы интеллигенціи» съ «массовой силой нуждающагося и обремененнаго народа»¹⁾—вотъ было то исходное положеніе, которое окрашивало собою социально-революціонную публицистику—съ перваго же момента ея партійно-политическаго существованія.

Но «сила интеллигенціи»—съ точки зрѣнія с.-р-овъ—получала свое наивыс-

¹⁾ „Р. Р.“ № 4. „Отвѣтъ Зарѣ“.

шее и наиболее характерное выражение не въ чемъ либо другомъ, какъ именно въ образованіи «центральной революціонной организаціи» и въ «выполняемыхъ подъ ея руководствомъ единоличныхъ актахъ борьбы». Потому-то, отстаивая эти акты противъ нападковъ социаль-демократической прессы, доказывая ихъ совмѣстимость съ движеніемъ массъ, ихъ полезность, даже необходимость для этого движенія, «Революціонная Россія» въ этой формѣ отстаивала по существу концепцію руководящаго значенія интеллигенціи въ освободительномъ движеніи Россіи. Недаромъ, просматривая литературу соц.-р-овъ, мы тамъ и здѣсь встрѣчаемъ представленіе о роли «организаціи», какъ суррогата и замѣстительницы массового движенія ¹⁾.

Но «выѣкласовая интеллигенція» не только выполняла въ концепціи с. р-овъ функцію революціоннаго тарана, она въ то же время перекидывала мостъ отъ соц.-р-овъ къ либераламъ. За русскимъ либерализмомъ—говорила «Р. Р.», не стоитъ «цѣлостнаго и сильнаго общественнаго класса», «приверженцевъ либерализма не сплачиваетъ во-едино крѣпкій цементъ одинаго матеріальнаго интереса» ²⁾; значитъ, тѣмъ болѣе, играетъ въ немъ роль интеллигенція; «ни торгово-промышленная буржуазія, ни землевладѣльцы, какъ классъ—говорилось въ ст. «Составъ либеральной партіи» («Р. Р.» № 33)—сдѣлаться активнымъ борцомъ за дѣло политическаго освобожденія у насъ не могутъ. Только «ни навы, ни вороны» социаль-политической мысли, только разношерстные, промежуточные элементы, отъ буржуазно-плутократическаго порядка душою отставшіе, но къ социализму не приставшіе, могутъ въ-серьезъ откликнуться на призывъ къ активной борьбѣ за освобожденіе. Но эти элементы ничего не имѣютъ противъ широкихъ социальныхъ реформъ. Они не враждебны социализму, они просто плохо въ него вѣрятъ». Это наши radicaux-socialistes. «Нечего сказать, нашла буржуазію»—пронизировалъ, съ своей стороны, П. Новобранцевъ въ статьѣ «Основные вопросы рев. программы» («Р. Р.» № 32) по поводу квалификаціи «Искрой» либерализма «Освобожденія» буржуазнымъ. «Русскіе революціонеры и русскіе либералы—добавлялъ онъ—движутся въ сущности въ одномъ направленіи и только доходятъ до разныхъ точекъ». «Освобожденіе» объединяетъ «дѣйствительно только «отцовъ» изъ той самой интеллигенціи, «дѣти» которой являются самоотверженными борцами за революцію».

Отсюда существенно иное, чѣмъ у соц.-демократіи, отношеніе къ либерализму и въ противоположность социалдемократіи, всегда говорившей о соглашеніяхъ съ либералами «отъ случая къ случаю», готовность къ блокированію съ ними. Но отсюда же, изъ этого сведенія на нѣтъ буржуазныхъ элементовъ освободительнаго движенія—и особенность того прогноза, который ставился предстоящему въ Россіи политическому перевороту. «Политическое освобожденіе Россіи—писала «Р. Р.»—дѣло русской интеллигенціи и русскаго рабочаго народа, и пора понять, что никто другой въ немъ не приметъ активнаго участія. А если это такъ, то имъ же должны принадлежать и социальные результаты грядущаго переворота. (Цит. выше ст. П. Новобранцева, № 32).

¹⁾ См. напр. № 10 «Р. Р.», «Два письма рабочаго-революціонера».

²⁾ «Р. Р.» № 9, ст. «Новое выступленіе либераловъ».

Предполагая же социалистический характер русской интеллигенции за данный, намъ остается еще опредѣлить характеръ другого члена двухчленной формулы с.-р.-овъ, а именно: «рабочаго народа», т. е. пролетариата и крестьянства, чтобы уже затѣмъ имѣть возможность перейти къ «соціально-революціонному» прогнозу революціи.

Изъ двухъ составныхъ элементовъ «рабочаго народа» крестьянство, а не пролетариатъ являлось для соц.-р.-овъ послѣ крестьянскихъ волненій 1902 г. рѣшающимъ факторомъ въ процессѣ политическаго освобожденія Россіи. Доказано, говорилъ «Р. Р.» что во 1-хъ) городской пролетариатъ въ Россіи можетъ, по своей сравнительной малочисленности, быть только авангардомъ арміи, но не всей арміей; во 2-хъ) если его движеніе не будетъ поддержано массою трудового народа, оно, раньше или позже, будетъ раздавлено; въ 3-хъ) чтобы избѣжать этой участи, пролетариатъ долженъ тѣсно сойтись съ остальной трудовой массою; въ 4-хъ) надѣяться на значительное увеличеніе своихъ рядовъ вслѣдствіе пролетаризаціи и перехода въ ряды индустріальной арміи значительной доли крестьянства онъ не можетъ ни по ходу промышленной, ни по ходу земледѣльческой эволюціи; въ 5-хъ) зато интересы пролетариата не только не противоположны, но даже тѣсно связаны съ интересами трудового крестьянства... Это даетъ возможность городскому пролетариату не только заключить союзъ съ трудовымъ крестьянствомъ, но и слиться въ одну социалистическую партію» («Р. Р.» 1904 г. № 47 ст. «Дневн. Читат.»).

Если же трудовое крестьянство являлось рѣшающимъ факторомъ, то тѣмъ необходимѣе было для соц.-р.-овъ укрѣпиться въ той мысли, что трудовое крестьянство социалистично. «Мы не признаемъ принадлежности современнаго крестьянства, какъ цѣлаго, къ мелкобуржуазнымъ слоямъ», заявляла «Р. Р.» въ полемикѣ съ «Искрой». «Не признаемъ потому, что среди крестьянства, какъ цѣлаго, различается цѣлый рядъ слоевъ, не только съ количественно различными, но и качественно противоположными интересами». Для насъ крестьянство дѣлится: на «трудовое крестьянство, живущее эксплоатаціей собственной рабочей силы, и сельскую буржуазію—среднюю и мелкую,—въ большей или меньшей степени живущую эксплоатаціей чужой рабочей силы». Къ трудовому крестьянству принадлежит и сельскій пролетариатъ, и классъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ. Между ними «при всѣхъ частныхъ различіяхъ—огромное принципиальное сходство» («Р. Р.» 1902 г. № 11 ст. «Программные вопросы»).

Выступая, однако, защитниками трудового крестьянства, соц.-р.-ы въ то же время заботились о томъ, чтобы отмежеваться и отъ тѣхъ «западныхъ оппортунистовъ», которые идеализируютъ мелкое хозяйство, «со всѣми его слабыми антиобщественными сторонами, мѣшающими быстрому темпу соціального развитія», но на аргументацію которыхъ тѣмъ не менѣе всецѣло опиралась ихъ собственная концепція эволюціи сельскаго хозяйства. Поэтому, вырабатывая свою аграрную программу, они старательно выдвигали «тѣ въ высшей степени важные факты», которыми отличается русская дѣйствительность и которые—по ихъ мнѣнію—«даютъ надежду социалистамъ на облегченіе реализаціи социалистическаго идеала». Это, во-первыхъ, тотъ фактъ, что «большинство русскаго крестьянства владѣетъ землей на общинно-уравнительномъ началѣ», во-вторыхъ,

что «какъ среди этого общиннаго крестьянства, такъ и среди тѣхъ крестьянъ, которые владѣютъ землей на личномъ началѣ, почти повсемѣстно распространѣнъ взглядъ на землю, какъ на ничью», и въ третьихъ, что «громадное большинство нашего крестьянства» — «полупролетаріи, почти пауперы», и лишь меньшинство — «зажиточно и богато» («Р. Р.» № 47 ст. «Дн. Чит.»).

Отсюда точка зрѣнія соц.-р-овъ на крестьянское движеніе 1902 г., которая въ противоположность точкѣ зрѣнія «Искры» гласила: «Да, современное крестьянское движеніе есть зародышевая форма будущаго болѣе сознательнаго и оформленнаго движенія. Оно уже теперь выставило полусоціалистическую программу: земля не должна быть частной собственностью; она можетъ лишь находиться въ справедливомъ, уравнительномъ пользованіи тѣхъ, кто самъ лично трудится, живетъ своимъ трудомъ; продуктъ труда долженъ и принадлежать труду. Мы должны дать только раціональную, научную формулировку этимъ совершенно правильнымъ принципамъ, чтобы вывести изъ нихъ чистую идею социализма». Крестьянское движеніе — заключали соц.-р-ы — есть «начало движенія огромнаго трудового класса — движенія, которое, слившись съ другимъ, ранѣе начавшимся движеніемъ другого такого же трудового класса, городского пролетаріата, образуетъ одинъ мощный потокъ, который смоетъ въ концѣ концовъ всѣ преграды и донесетъ до желанной цѣли — коренной соціальной революціи». И въ соответствии съ этимъ задача освободительнаго движенія — «добиться того, чтобы эта политическая революція не была революціей чисто буржуазной, а сопровождалась крупными демократическими и соціальными реформами, которыя положили бы первое основаніе дальнѣйшему соціальному строительству будущаго, заложили бы первые кирпичи въ фундаментъ будущаго зданія социализированнаго труда. Это не одно благое пожеланіе, а и политическая и экономическая необходимость» ¹⁾.

«Что могутъ интеллигенція и пролетаріатъ безъ крестьянства, а тѣмъ болѣе — вопреки крестьянству?» — спрашивалъ Крестьянскій Союзъ и отвѣчалъ — ничего! Но «что можетъ интеллигенція и пролетаріатъ вмѣстѣ съ крестьянствомъ? — Все». «Погружаясь въ глубины крестьянскаго моря — говорилось въ заявленіи отъ Крестьянскаго Союза — мы какъ бы опускаемъ кристалъ революціонизма въ растворъ, пересыщенный для революц. кристаллизаціи. Можемъ ли мы при этомъ бояться недостатка силъ, имѣемъ ли мы право медлить съ этимъ животворнымъ началомъ» ²⁾.

Такъ признаніе с.-р-ами соціалистическаго характера современнаго рус. крестьянства приводило ихъ непосредственно къ выводу о соціалистическомъ характерѣ р. революціи. Но этотъ максимальный, или мы бы сказали — «максималистскій» выводъ, логически слѣдующій изъ данныхъ предпосылокъ, психологически не былъ возможенъ для с.-р-овъ при общественно политической конъюнктурѣ предреволюціоннаго времени. Поэтому — тѣ оговорки, которыя «Р. Р.» вносила въ свою собственную концепцію, заключая, что «историческая равнодѣйствующая пройдетъ гдѣ нибудь посрединѣ между умѣренно-либе-

¹⁾ «Р. Р.» № 8 (Іюнь 1902 г.).

²⁾ Ibid. «Отъ Крестьянскаго Союза».

ральною требованіями, съ одной стороны, и крайними требованіями социалистовъ, съ другой». Въ концѣ концовъ получалась своеобразная концепція революціи не буржуазной, но въ то-же время и не окончательно социалистической, и въ гармоніи съ этою концепціей программа, останавливающаяся на полъ-дорогѣ къ социальной революціи, не выставляющая въ качествѣ очереднаго требованія «обобществленія всѣхъ средствъ производства», но «для крестьянства на первую очередь» ставящая «соціализацію земли, т. е. переходъ ея въ собственность всего общества и въ пользованіе трудящихся, и во-вторыхъ развитіе въ крестьянствѣ всевозможныхъ видовъ общественныхъ соединеній и экономическихъ кооперацій для постепеннаго высвобожденія крестьянства изъ подъ власти денежнаго капитала и для подготовленія грядущаго коллективнаго земледѣльческаго производства». (Тамъ-же).

Таковъ былъ тотъ хаотическій конгломератъ изъ революціонизма и мелкобуржуазныхъ экономическихъ панацей, въ качествѣ переходныхъ мѣръ къ социалистическому строю, съ которымъ соц. рев-ры вступали въ эпоху революціи.

Наконецъ, послѣднимъ въ партійно-политическій періодъ своего существованія вошло либерально-демократическое теченіе, процессъ формированія котораго мы набросали въ предыдущей главѣ. Теперь оно завершало свою эволюцію приспособленія, въ органѣ Струве «Освобожденіе» дѣлая первый свой шагъ на пути практической политики, который былъ въ то же время и первой реализаціей его сближенія съ оппозиціонными теченіями земской среды.

Соотвѣтственно же этому, «Освобожденіе» выступало, какъ «органъ національной задачи и всѣхъ поборниковъ новой свободной Россіи», какъ бы продолжая публицистическую линію демократіи, свое движеніе къ идеализму желавшей связать съ «аннибаловой клятвой» эпохи, и одновременно—какъ простой «регистраторъ земской политической мысли», не имѣющій въ виду дать «программу», а желающій ее «получить» отъ «общественныхъ дѣятелей страны и, прежде всего, дѣятелей самоуправления».

«Национальная задача» и «земская регистратура» — это былъ не случайный контрастъ, это было то фатальное, что — при данной исторической конъюнктурѣ — являлось присущимъ движенію буржуазной демократіи, и что заставляло ее, спускаясь съ высотъ «идеализма» въ міръ текущей дѣйствительности, вмѣсто «несгибаемаго идеалистическаго существа», къ которому апеллировалъ Струве, призывая назадъ къ Лассалю и Фихте, апеллировать какъ разъ къ той «гнущейся» средѣ обывателей, отличительнымъ признакомъ которой она сама провозглашала заранѣе неспособность къ рѣшительной борьбѣ. Она звала на общенародное дѣло, но бѣда была въ томъ, что въ ея «общенародномъ» дѣлѣ отсутствовалъ именно «народъ», тотъ народъ, на который она сама возлагала надежды, какъ на борца за политическое освобожденіе Россіи, ибо этотъ народъ, по ея собственному признанію, находился въ неотъемлемомъ вѣдѣніи «крайнихъ партій». Такъ, въ своемъ первомъ же номерѣ «Освобожденіе» писало: «огромное значеніе рабочаго движенія для политическихъ судебъ нашей страны заключается въ томъ, что въ столѣтній

политическій споръ русской интеллигенціи съ правительствомъ, въ лицѣ рабочаго класса, наконецъ, активно и сознательно вступаетъ народъ. Онъ проснулся къ свободѣ, онъ требуетъ ея и онъ возьметъ ее».

Но этотъ «народъ» — пролетаріатъ уже «найденъ» «соціалистическимъ движеніемъ» русской интеллигенціи. «Современной соціалдемократіи въ этомъ отношеніи посчастливилось», признавало «Освобожденіе»: «придя во-время, она нашла откликъ въ массѣ, и этотъ откликъ будетъ становиться все громче и сознательнѣе».

Такимъ образомъ, при завѣдомой для буржуазной демократіи инертности крестьянства, она вынуждалась фактически въ «національномъ движеніи» занять всего-на-всего лишь тотъ уголъ, который называется «либеральнымъ умѣреннымъ ядромъ русскаго общества». Это «ядро» въ политическомъ отношеніи пребывало въ состояніи почти безформенномъ, но оно имѣло культурно-хозяйственную организацію въ земствѣ, представлявшемъ естественный кристаллизаціонный пунктъ для этого умѣренного «ядра». Понятно, поэтому, что земство, которое занимало такое видное мѣсто въ старо-либеральной идеологіи, выдвигалось опять на авансцену, какъ вдохновитель и виѣстъ съ тѣмъ и идеологическій центръ обновленнаго либерализма. Недаромъ, поэтому, въ свободной печати либерализмъ дебютировалъ предисловіемъ Струве въ извѣстной запискѣ Витте «Самодержавіе и земство», предисловіемъ, въ которомъ комментирующій записку указанія имѣли смыслъ политической реабилитации земства, защиты его противъ тѣхъ, «кто по недостатку политическаго образованія или по увлеченію революціонной фразой не желалъ и не желаетъ видѣть крупнаго политическаго значенія р. земства и его легальной культурной дѣятельности». И недаромъ само «Освобожденіе» начиналось заявленіями «Отъ русскихъ конституціоналистовъ» и «Открытымъ письмомъ отъ группы земскихъ дѣятелей», намѣчавшими политическую profession de foi либерализма.

Этимъ его соціальнымъ составомъ, предопредѣлялась и та позиція, которая была занята либерализмомъ въ разгоравшейся освободительной борьбѣ. Эта позиція съ ясностью, неоставлявшей желать большаго, была формулирована въ уже цитированномъ нами предисловіи: «При наличности яркаго политическаго движенія — писалъ Струве — а создать таковое задача все болѣе и болѣе консолидирующей въ Россіи соц.-дем. партіи — хоть сколько-нибудь организованная либеральная оппозиція можетъ сыграть крупную политическую роль: умѣренная партія при умѣлой тактикѣ выигрываютъ отъ обостряющейся борьбы между крайними общественными элементами, каковыми въ данномъ случаѣ явятся, съ одной стороны, самодержавная бюрократія, а съ другой — революціонная соціалдемократія».

И если мы возьмемъ «Освобожденіе» съ его перваго номера и вплоть до времени ноябрьскаго съѣзда 1904 года, мы увидимъ красной нитью проходящимъ въ его оцѣнкѣ текущей дѣйствительности все тотъ же политическій принципъ: принципъ учета въ каждый данный моментъ процесса ослабленія власти силами революціоннаго движенія и на основѣ этого учета готовый компромиссъ съ этой властью. Напомнимъ хотя бы тѣ мысли, которыя были высказаны вслухъ «Освобожденіемъ» по поводу переговоровъ Шипова съ Плеве въ связи съ вопросомъ

объ участіи выборныхъ отъ земствъ въ «Особомъ Совѣщаніи». Это былъ — «ложный шагъ» со стороны Шипова — заявлялъ Антонъ Старицкій. («Освобод.» № 7), «Нѣтъ ничего мудренаго, что Плеве... предпринялъ эту диверсію бесѣдъ и намековъ. Но земцамъ слѣдовало бы очень и очень подумать, прежде чѣмъ идти на компромиссъ, на приманку. Теперешнее положеніе дѣлъ не ими создано; оно создано молодежью... создано рабочими... создано крестьянами... оно создано безпорядками, демонстраціями... Земцы выступили позже всѣхъ и до сихъ поръ заявили о себѣ слабѣе всѣхъ. Никто и не зоветъ ихъ на баррикады, никто и не приглашаетъ ихъ къ крайнимъ дѣйствіямъ. Но пусть же они умѣло, съ достоинствомъ и съ сознаніемъ громадной отвѣтственности, лежащей на нихъ, выполнять свою историческую миссію, естественную свою обязанность передъ родиной. Не молодежь, не крестьяне, не рабочіе будутъ, конечно, вести переговоры съ правительствомъ, и примутъ власть отъ него, а они — представители земства... И пусть они не спѣшатъ учестъ свое первородство, въ видѣ какого-то сѣзда, который «оформить» г. Плеве... Спѣшить съ переговорами еще нечего!»

А Струве въ томъ же №, указывая на то, что «день неизбежной — при упорствѣ правительства — революціи еще не близокъ», что матеріальная сила еще на сторонѣ существующаго режима, этимъ объяснялъ, почему «мы призываемъ мирныя реформы», почему «мы желаемъ уступокъ сверху» и выставлялъ свой «аргументъ, обращенный къ правительству»: «Въ интересахъ не только дѣла преобразованія, но и самого правительства, «лучше сверху, чѣмъ снизу», лучше «мирнымъ», чѣмъ «революціоннымъ путемъ».

Это обращеніе къ правительству шло рука объ руку съ установленіемъ тезиса, являвшагося также однимъ изъ основныхъ въ либерально-демократической публицистикѣ; мы имѣемъ въ виду признаніе, что «ни революціонная борьба, ни умѣренная и мирная оппозиція не могутъ обойтись одна безъ другой»¹⁾.

Это была та средняя линія, по которой двигалось либерально-демократическое теченіе, съ одной стороны отбрасывая влѣво идеи, подобныя тѣмъ, которыя развивалъ едва ли не одинъ земскій гласный Т. на страницахъ «Освобожденія», когда указывалъ на необходимость «покончить съ робкими полумѣрами легальной оппозиціи», намѣчалъ желательныя формы борьбы и приглашалъ земцевъ не оказаться въ случаѣ «призванія» ихъ сверху «въ положеніи птицъ небесныхъ, собирающихъ тамъ, гдѣ не сѣяли»²⁾, и съ другой стороны — оспаривая весьма распространенную въ земской средѣ точку зрѣнія, отрицавшую за «крайними партіями» даже ихъ относительную цѣнность для либеральнаго движенія и, подобно авторамъ открытаго письма отъ «группы земскихъ дѣятелей», квалифицировавшую дѣятельность этихъ партій, какъ «общественное бѣдствіе» на основѣ «обнищанія» и «невѣжества» населенія. Въ концепціи же «Освобожденія», наоборотъ, на долю «революціонныхъ элементовъ» оставалась «великая заслуга» и «огромная роль» въ постановкѣ вопроса «коренного политическаго преобразо-

¹⁾ «Освоб.» № 7, 1902 г. Ст. П. Струве „Либерализмъ и т. н. революціонныя направленія“.

²⁾ «Осв.» № 7, Ст. „Мирная и революціонная борьба“.

ванія», и усилія «Освобожденія» были направлены на то, чтобы доказать, что единоличная борьба с.-р.-овъ имѣетъ свои глубокіе корни въ существующемъ общественно-политическомъ порядкѣ, что «принципы» соц.-демократіи въ своемъ существѣ «совпадаютъ съ чистыми идеями либерализма, какъ политической системы свободы и равенства», и что «русскому либерализму не поздно еще занять правильную политическую позицію—не противъ соціальной демократіи, а рядомъ и въ союзѣ съ нею»¹⁾. Но практическій политическій выводъ изъ всей этой теоріи мирнаго сосуществованія умѣренныхъ и крайнихъ элементовъ и раздѣленія между ними труда гласилъ: сугубая фиксація умѣренныхъ элементовъ на ихъ «полумѣрахъ» и расчеты на растущее давленіе освободительной борьбы на власть въ цѣляхъ заключенія компромисса.

Но если преобладаніе умѣреннаго-земскаго характера наложило свою неизгладимую печать на позицію либерализма въ освободительной борьбѣ, на приемы его тактики, и дало расцвѣсть идеѣ компромисса, то тѣмъ же классовымъ, землевладѣльческимъ характеромъ еще непосредственнѣе опредѣлялось содержаніе тѣхъ политическихъ требованій, которыя выставлялъ либерализмъ на своемъ знамени. На протяженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ предреволюціонной эпохи, можно сказать, на нашихъ глазахъ протекаетъ процессъ вынужденной развертывающимся ходомъ событій демократизаціи этихъ требованій.

Въ самомъ дѣлѣ, когда въ половинѣ 1902 г. «Освобожденіе» выступало на политическую сцену, то оно безъ оговорокъ объявляло себя солидарнымъ съ тѣмъ коллективнымъ заявленіемъ «отъ русскихъ конституціоналистовъ», согласно которому учредительныя функціи въ созданіи «безсословнаго народнаго представительства»—въ выработкѣ конституціи—должны принадлежать вмѣстѣ съ властью представителямъ организацій «всесословнаго общественнаго самоуправленія». Это—организаци, говорилось, правда «искаженные по составу своего представительства, и очень неполно представляющія мнѣніе страны, но имѣющія за собой преданія политическихъ стремленій и по существу своему представляющія нижній этажъ будущаго конституціоннаго зданія»... «Мы имѣемъ все основанія думать, что дѣятельность... представителей отъ земствъ не пойдетъ вразрѣзъ съ вѣковыми стремленіями русской интеллигенціи. Во всякомъ случаѣ, такой путь вѣрнѣе и лучше, чѣмъ тотъ скачекъ въ неизвѣстное, который представляла бы всякая попытка выборовъ ad hoc, подъ неизбѣжнымъ въ такихъ случаяхъ правительственнымъ давленіемъ и при трудно-опредѣлимомъ настроеніи непривычныхъ къ политической жизни общественныхъ слоевъ»²⁾. Въ удовлетвореніе же не-земскихъ круговъ «общества»—«было бы желательно»—заявляли конституціоналисты—«предоставить... существующимъ органамъ самоуправления право выбирать депутатовъ изъ лицъ, принадлежащихъ не только къ средѣ земскихъ и городскихъ гласныхъ и избирателей, но и ко всему русскому обществу; было бы также полезно допустить право представительства и для русскихъ университетовъ».

¹⁾ „Освоб.“ № 25 (1903 г.). Ст. П. С. „Германскіе выборы“.

²⁾ „Освоб.“ № 1. (18 іюня 1902 г.). „Отъ рус. конст.—овъ“.

Но уже къ началу 1903 года наступаетъ извѣстное полѣвѣніе: вмѣстѣ съ временной заминкой въ земскомъ движеніи, съ дальнѣйшимъ ростомъ революціоннаго движенія и консолидаціей интеллигентской части либерально-демократическаго теченія, интеллигентская демократія беретъ свой временный реваншъ надъ либеральнымъ землевладѣніемъ. Въ «Освобожденіи» появляются новыя ноты: въ передовой статьѣ своего 15 № «Освобожденіе» заявляетъ: «широкая и идеалистическая постановка задачи освобожденія, какъ общенароднаго или національнаго дѣла, не только не исключаетъ послѣдовательнаго и принципиальнаго проведенія идей правового государства и демократіи, но, наоборотъ, требуетъ такого проведенія». И далѣе: «Русскій либерализмъ приобрѣтетъ силу и значеніе только какъ демократическое теченіе съ широкимъ размахомъ. Съ этой точки зрѣнія мы разсматриваемъ и земское движеніе, въ которомъ мы видимъ лишь одно, своеобразное и цѣнное, теченіе нарождающейся русской демократіи. Еслибы земство и земское движеніе потеряло связь съ этимъ большимъ потокомъ, въ которомъ выражается и творится новая Россія—они лишились бы своихъ питательныхъ соковъ и ихъ живыя силы изсякли бы. Земское дѣло перестало бы быть общимъ дѣломъ всѣхъ свободолюбивыхъ силъ безсословной русской интеллигенціи и пало бы до простаго представительства помѣщичьяго класса и его интересовъ. Оно утратило бы свое національное значеніе».

А въ 16 № «Освобожденіе» уже открыто признается въ поворотѣ. «Оказалось на практикѣ», отмѣчаетъ с.с., одинъ изъ составителей заявленія «отъ конституціоналистовъ», что «Освобожденіе обслуживаетъ слишкомъ обширный кругъ лицъ и общественныхъ слоевъ, чтобы точно выражать мнѣнія и настроенія каждаго», что необходимо отмежеваться отъ «идеалистовъ самодержавія» Шипова, Стаховича, Хомякова и яснѣе отлѣпить свое конституціонное знамя. Струве же, устанавливая основныя положенія подлежащей сформированію партіи, говоритъ: «Партія должна быть открыто и рѣшительно конституціонной... Партія должна быть открыто и рѣшительно демократической»... «Для того, чтобы въ рядахъ либеральной партіи могли рука объ руку дѣйствовать и земскій дворянинъ, и разночинецъ-интеллигентъ, представитель «третьяго элемента», и крестьянинъ, доработавшійся до политическаго самосознанія, партія должна открыто и рѣшительно исповѣдывать принципъ политической равноправности. И потому въ ея программѣ необходимо ясное заявленіе въ пользу всеобщей подачи голосовъ. Такое заявленіе должно на нашъ взглядъ—замѣнить собою соотвѣтственные разсужденія программы конституціоналистовъ «Объ учредительномъ собраніи».

Такъ вмѣстѣ съ попыткой расширенія соціального основанія партіи, въ либерально-демократическомъ теченіи появляется признаніе всеобщей подачи голосовъ (не смѣшивать, впрочемъ, съ извѣстной 4-хъ членной формулой), и центръ тяжести отъ земскихъ элементовъ начинаетъ передвигаться къ «безсословной интеллигенціи». И одновременно же исключительно политическій характеръ либ. демокр. теченія впервые нарушается внесеніемъ въ него соціальныхъ требованій.

«За время существованія «Освобожд.» мы убѣдились, что требованіе всеобщей подачи голосовъ, въ справедливости котораго мы по существу никогда не сомнѣвались, соотвѣтствуетъ политическому сознанію тѣхъ слоевъ

безсоловной русск. интеллигенции, которые стоятъ въ первыхъ рядахъ борцовъ за политическое освобожденіе Россіи и должны составлять главные кадры либер. партіи, которая выступаетъ открыто конституціонной и послѣдовательно демократической. Недостаточно демократическій характеръ партійной программы, хотя бы онъ сказывался лишь въ формѣ умолчанія о нѣкоторыхъ пунктахъ, оттолкнуть тѣ элементы, безъ привлеченія которыхъ партія будетъ влзчить жалкое существованіе. Помимо положительнаго рѣшенія вопроса о всеобщей подачѣ голосовъ, демократическій характеръ партіи требуетъ программного выясненія ея отношенія къ социальнымъ вопросамъ—аграрному и рабочему» ¹⁾).

Практическія требованія по рабочему вопросу, выставляемыя рабочими партіями на Западѣ и въ Россіи, «должны быть цѣликомъ включены въ его (т. е. либерализма) программу» — заявляетъ «Освобожденіе» въ № 33 (ноябрь 1903 года), провозглашая въ то же время, что въ аграрномъ вопросѣ «на первую очередь долженъ стать вопросъ о демократизаціи земельной собственности»... «Политическое освобожденіе Россіи должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и довершеніемъ дѣла освобожденія крестьянъ, основаннаго на принципѣ призванія права земледѣльцевъ на обрабатываемую ими землю... Государство должно ставить задачу—содѣйствіе переходу земель въ руки трудящихся массъ—и выработать цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ мѣръ» ²⁾. И въ другомъ мѣстѣ: «Въ немъ (т. е. аграрномъ вопросѣ)—матеріальная основа совершающагося въ Россіи освободительнаго движенія—и когда послѣднее прочно овладѣетъ этой позиціей,—когда оно сольетъ матеріальную потребность крестьянства въ землѣ съ политическимъ лозунгомъ освобожденія—тогда противъ него ничто не устоитъ», («Освоб.» № 32).

И уже въ 1904 году, когда вспыхнула война и послѣ того, какъ потухъ первоначальный подъемъ націоналистическихъ чувствъ, данъ которому отдало и «Освобожденіе»,—оно писало, что, если «въ началѣ XIX вѣка можно было ввести барскую конституцію, т. е. давъ народу гражданскую, а верхамъ общества политическую свободу и политическую власть, въ теченіе долгаго времени управлять социальными низами, какъ болѣе или менѣе покорной въ политическомъ отношеніи массой», то «теперь выборъ можетъ быть только» между старымъ режимомъ и «демократіей». «На самомъ дѣлѣ, только радикальная и широкая политическая реформа можетъ дать прочный внутренний миръ Россіи» ³⁾.

Мы видѣли, такимъ образомъ, какъ подымающаяся температура предреволюціонной эпохи и приближающіеся раскаты грозы налагали свой штрихъ за штрихомъ на фizioномію либерально-демократическаго теченія. Въ извѣстныхъ предѣлахъ либерализмъ демократизировалъ свои программныя требованія, въ извѣстныхъ предѣлахъ онъ пытался стать социальнымъ. Но онъ по прежнему оставался внѣ народнаго массоваго движенія, безъ связующихъ съ этимъ движеніемъ нитей и со всѣми корнями въ той земщинѣ, которая продолжала опредѣ-

¹⁾ Освоб. № 17. «Отъ редактора».

²⁾ «Освоб.» № 33, Ст. Л. «Къ аграрному вопросу».

³⁾ «Освоб.» № 58 (1904 г.) Ред. ст. «Организація и платформа демократ. партіи».

лять по прежнему его политическую позицію. Недаромъ, его заключительнымъ словомъ въ предреволюціонную эпоху было провозглашеніе ноябрьскаго съѣзда 1904 года—«хозяиномъ страны», ея «общественнымъ мнѣніемъ» ¹⁾.

* * *

На этомъ мы заканчиваемъ наше изложеніе эволюціи общественно-политической мысли въ предреволюціонную эпоху. Наши заключенія мы сдѣлаемъ отсюда тогда, когда будемъ говорить о томъ «заключеніи» эпохи, которымъ явилась революція.

А. Потресовъ.

¹⁾ „Освоб.“ № 60, ст. С. С. „Фіаско новаго курса“.